

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 2 (275) 2023 год

Выходит два раза в год

Минск 2023

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Черная Н. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Куликович В. И., кандидат филологических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Харша Ратнавира, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Кох Барбара, доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Щекин А. К., член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук, профессор, Российская Федерация;
Маес Воутер, доктор химических наук, профессор, Королевство Бельгия;
Бир Петр, доктор технических наук, профессор, Республика Польша;
Горинштейн Ш., доктор наук, профессор, Государство Израиль;
Эркаев А. У., доктор технических наук, профессор, Республика Узбекистан;
Башкиров В. Н., доктор технических наук, профессор, Российская Федерация;
Каклаускас А., доктор экономических наук, профессор, Литовская Республика;
Каухова И. Е., доктор фармацевтических наук, профессор, Российская Федерация;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Флюрик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Новик Е. К., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Ракачев В. Н., доктор исторических наук, профессор, Российская Федерация;
Сидоренко И. Н., доктор философских наук, доцент, Республика Беларусь;
Снапковская С. В., доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 343-94-32;

главного редактора серии – (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации
№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 2 (275) 2023

Published biannually

Minsk 2023

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;

Chernaya N. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;

Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;

Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;

Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;

Kulikovich V. I., PhD (Philology), Associate Professor, Republic of Belarus;

Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;

Barčík Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;

Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;

Koch Barbara, DSc, Professor, Federal Republic of Germany;

Shchekin A. K., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Physics and Mathematics), Professor, Russian Federation;

Maes Wouter, DSc (Chemistry), Professor, Kingdom of Belgium;

Beer Piotr, DSc (Engineering), Professor, Republic of Poland;

Gorinshteyn Sh., DSc, Professor, State of Israel;

Erkayev A. U., DSc (Engineering), Professor, Republic of Uzbekistan;

Bashkurov V. N., DSc (Engineering), Professor, Russian Federation;

Kaklauskas A., DSc (Economics), Professor, Republic of Lithuania;

Kaukhova I. E., DSc (Pharmaceutics), Professor, Russian Federation;

Zhantassov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;

Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;

Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;

Novik E. K., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;

Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;

Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;

Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;

Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;

Rakachev V. N., DSc (History), Professor, Russian Federation;

Sidorenko I. N., DSc (Philosophy), Associate Professor, Republic of Belarus;

Snapkovskaya S. V., DSc (Pedagogics), DSc (History), Professor, Republic of Belarus;

Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 343-94-32;

managing editor (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 94(474.5+476+477)“1352/1354”

А. М. Лукашэвіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

БАРАЦЬБА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ЗА КІЕЎСКУЮ МІТРАПОЛІЮ: НЕКАНАНІЧНЫ МІТРАПАЛІТ ФЕАДАРЫТ (1352–1354 ГГ.)

У артыкуле даследуюцца малавядомыя ў беларускай гістарыяграфіі аспекты канфесійнай гісторыі, звязаныя са спробай пастаўлення на мітраполію Кіеўскую і ўсяе Русі кандыдата ад Вялікага Княства Літоўскага Феадарыта. Паказаны палітычны стан спраў на Русі і ў Візантыі, якія аказалі значны ўплыў на вырашэнне царкоўнага пытання. Адзначаецца, што стаўка вялікага князя літоўскага Альгерда на Феадарыта была першай спробай ажыццяўлення шырокага плана па дасягненні царкоўнай самастойнасці дзяржавы. Раскрываецца механізм некананічнага пастаўлення Феадарыта на мітраполію балгарскім (тырнаўскім) патрыярхам. Зроблена выснова, што гэтая спроба аказалася няўдалай з-за пэўнага збегу абставін (ініцыяцыя пытання яшчэ да смерці дзейснага мітрапаліта Феагноста, выкарыстанне некананічнага парадку пастаўлення на мітраполію, процідзеянне з боку Маскоўскага княства).

Ключавыя словы: Кіеўская мітраполія, Феадарыт, Альгерд, Феагност, Канстанцінопальскі патрыярхат, Вялікае Княства Літоўскае, праваслаўная царква.

Для цытавання: Лукашэвіч А. М. Барацьба Вялікага Княства Літоўскага за Кіеўскую мітраполію: некананічны мітрапаліт Феадарыт (1352–1354 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, Історыя, філосафія. 2023. № 2 (275). С. 5–11. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-1.

A. M. Lukashevich

Belarusian State University

THE STRUGGLE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA FOR THE KYIV METROPOLY: THE NON-CANONICAL METROPOLITAN THEODORIT (1352–1354)

The article deals with aspects of confessional history, little known in Belarusian historiography, connected with an attempt to appoint Feodorit, a candidate from the Grand Duchy of Lithuania, to the Metropolis of Kyiv and All Rus'. The political state of affairs in Rus' and Byzantium is shown, which had a significant impact on the solution of the church issue. It is noted that the rate of the Grand Duke of Lithuania Olgerd on Theodoret was the first attempt to implement a broad plan to achieve church independence of the state. The mechanism of the non-canonical appointment of Theodoret to the metropolis by the Bulgarian (Turnovo) patriarch is revealed. It is concluded that this attempt was not successful due to a certain set of circumstances (the initiation of the issue even before the death of the current Metropolitan Theognost, the use of a non-canonical procedure for appointing him to the metropolis, opposition from the Moscow Duchy).

Keywords: Kiev Metropolis, Theodoret, Olgerd, Theognost, Patriarchate of Constantinople, Grand Duchy of Lithuania, Orthodox Church.

For citation: Lukashevich A. M. The struggle of the Grand Duchy of Lithuania for the Kyiv metropolis: the non-canonical metropolitan Theodorit (1352–1354). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 5–11. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-1 (In Belarusian).

Уводзіны. У сучаснай айчыннай гістарыяграфіі назіраецца пэўная цікавасць да рэлігійнай гісторыі XIV ст. Адным з ключавых аспектаў

гэтага перыяду з'яўляецца пытанне аб дасягненні Вялікім Княствам Літоўскім (ВКЛ) самастойнасці ў рэлігійным жыцці і арганізацыі царквы. Гэтыя

аспекты закраналі С. А. Падокшын [1], А. Я. Голубеў [2], С. А. Чаропка [3] і некаторыя іншыя даследчыкі [4]. Пераважна яны канцэнтравалі сваю ўвагу на стварэнні (аднаўленні) асобнай мітраполіі «Літвы» (Літоўскай мітраполіі).

У той жа час альтэрнатыўным варыянтам вырашэння пытання з’яўлялася пастаўленне на чале Кіеўскай мітраполіі (Кіеўскай і ўсяе Русі) кандыдатуры ад ВКЛ. Таму ў дадзеным артыкуле спынімся на разглядзе першай падобнай спробы, якую ў 1352 г. здзейсніў вялікі князь літоўскі Альгерд (1345–1377, кіраваў дзяржавай ва ўмовах дуўмірату з братам Кейстутам).

Мэта артыкула – выявіць асаблівасці палітыка-царкоўнага становішча ва Усходняй Еўропе, якія абумовілі пастаўленне Феадарыта ў Тырнаве на чале Кіеўскай мітраполіі, раскрыць механізм і прааналізаваць часткасць гэтага дзеяння.

Асноўная частка. Расклад сіл. Вырашэнне пытання аб пастаўленні ў XIV ст. на чале Кіеўскай мітраполіі кандыдатуры ад ВКЛ ці княстваў Паўночна-Усходняй Русі (Маскоўскага, Цвярскага ці Ніжагародска-Суздальскага) залежала не толькі ад раскладу палітычных сіл паміж гэтымі цэнтрамі, але і ад сітуацыі ў Канстанцінопалі.

Палітычныя змены, якія адбыліся ў 1347 г. у Візантыі (прыход да ўлады імператара Іаана VI Кантакузіна, 1347–1354), абумовілі карэктуючы курсу Канстанцінопаля адносна «Рускай мітраполіі». Яе вынікам стала афіцыйнае закрыццё ў жніўні 1347 г. Галіцкай мітраполіі (1303–1305, 1341–1347), у склад якой уваходзілі сучасныя ўкраінскія, беларускія і польскія землі.

Рашэнне імператара Іаана VI Кантакузіна і канстанцінопальскага патрыярха Ісідара I (Вухіраса, 1347–1350) выклікала незадавальненне з боку Гедымінавічаў – Любарта (у хрышчэнні – Дзмітрый), фактычнага кіраўніка Галіцка-Валынскай дзяржавы (1323–1383), і яго братаў – Альгерда і Кейстута. Але ў 1347–1352 гг. яны не здолелі актыўна адрэагаваць на рашэнні Канстанцінопаля.

Гэта было абумоўлена новым этапам барацьбы за спадчыну Галіцка-Валынскага дзяржавы. У 1349 г. Галіцкая Русь, Валынь (разам з г. Уладзімірам), Белз, Падляшша і г. Берасце перайшлі пад уладу польскага караля Казіміра III, а Падолле стала яго васальнай зямлёй. За Любартам захаваўся толькі Луцкі ўдзел. Але ў 1350 г. войскі ВКЛ адбілі Белз, Берасце, Валынскую зямлю і далучылі іх да сваёй дзяржавы.

У 1351–1352 гг. ваенныя дзеянні за Галіцка-Валынскую Русь працягваліся з пераменным поспехам (Казімір III дзейнічаў у саюзе з венгерскім каралём Людовікам I). І толькі ў 1352 г. яны скончыліся перамай. Казімір III атрымаў Львоўскую зямлю, а Гедымінавічы – Луцкую,

Уладзімірскую, Холмскую і Берасцейскую землі. Крамянец часова, на два гады, аддаваўся ва ўладанне Юрыю Нарымунтавічу [4, с. 239–241, 244–248].

Акрамя барацьбы з Польшчай, ВКЛ з пераменным поспехам змагалася з крыжакамі, і ў лютым 1348 г. пацярпела паражэнне ў бітве каля р. Стрэве (правы прыток Нёмана) у Аўкштоце. Але ў 1349–1352 гг. Тэўтонскі ордэн перапыніў напады на ВКЛ з-за эпідэміі чумы [4, с. 192, 234–235].

У гэты ж час абвастрылася барацьба паміж Альгердам і вялікім князем уладзімірскім і князем маскоўскім Сямёнам Іванавічам Ганарлівым (1340–1353), які распачаў поход на Смаленск. Не маючы магчымасці змагацца на два франты, у 1349 г. Альгерд заключыў мірнае пагадненне з Маскоўскім княствам. Згодна з ім Смаленск і Бранск (з 1340 г. знаходзіўся ў залежнасці ад Смаленска, а праз яго – ад ВКЛ) увайшлі ў зону ўплыву Сямёна Ганарлівага [4, с. 213, 248]. У гэтых умовах Альгерд быў не зацікаўлены ў тым, каб праваслаўнае духавенства ВКЛ падпарадкоўвалася мітрапаліту, які з 1325 г. знаходзіўся ў Маскве.

Пры вырашэнні царкоўнага пытання ў Альгерда існавалі два варыянты: аднавіць незалежную ад Масквы мітраполію «Літвы» (план мінімум) або паставіць на чале мітраполіі Кіеўскай і ўсяе Русі свайго кандыдата і дабіцца вяртання кафедры з Уладзіміра на Клязьме ў Кіеў (план максімум). Выбар таго ці іншага варыянта залежаў ад збегу абставін.

Першы варыянт выглядаў больш лёгкім, паколькі з 1330 г. мітраполія «Літвы», па аргументаваным меркаванні П. П. Сакалова, знаходзілася ў статусе «незамешчанай» [5, с. 271]. Тым не менш у 1352 г. Альгерд паспрабаваў ажыццявіць больш шырокі план. Дзеля гэтага была выкарастана постаць інока (манаха) Феадарыта.

Улічваючы цяжкі стан здароўя мітрапаліта кіеўскага і ўсяе Русі Феагноста (1328–1353) [6, с. 371], Феадарыт прапанаваў Альгерду падтрымаць яго кандыдатуру. Зацікаўлены ў выбары мітрапалітам лаяльнага да Вільні іерарха, вялікі князь падтрымаў Феадарыта з патрабаваннем пры пастаўленні пасяліцца ў межах ВКЛ (паводле слоў І. Мэндорфа), ён «заахвочваў» таго «дамагацца хаця б тытула мітрапаліта Літоўскага») [7].

Місіі Феадарыта ў Канстанцінопаль і Тырнава. Пасля атрымання ад Альгерда грамат Феадарыт у 1352 г. накіраваўся ў Канстанцінопаль [8, слп. 61]. У сталіцы Візантыі ён паведаміў пра смерць мітрапаліта Феагноста і прапанаваў сваю кандыдатуру на мітрапаліцкую пасаду. Але пастаўленне не магло здзейсніцца пры жыцці іншага іерарха. Таму новы канстанцінопальскі патрыярх *Каліст I* (1350–1353, 1355–1363) адмовіўся зацвердзіць Феадарыта да таго часу, пакуль не будзе

атрымана пацвярджэнне аб смерці кіеўскага мітрапаліта.

Разумеючы непазбежнае фіяска, калі будзе атрымана інфармацыя з Масквы, Феадарыт пакінуў Канстанцінопаль і накіраваўся ў Тырнава (Балгарыя) да праціўнікаў Іаана VI Кантакузіна. Паводле версіі І. А. Чыстовіча, не падмацаванай крыніцамі, Феадарыт адправіўся ў Тырнава «ад імя паўднёва-рускіх князёў» і прасіў балгарскага патрыярха «аб пасвячэнні яго ў рускія мітрапаліты» [9, с. 109].

У 1352 г. на Балканах перамагла кааліцыя, якая падтрымлівала імператара Іаана V Палеолага (1341–1376, 1379–1390, 1391). Апошні, заручыўшыся падтрымкай сербаў і балгар, выступіў супраць цесця. Канфлікт паміж Іаанам VI Кантакузінам і двума славянскімі царствамі на Балканах меў наступствы і ў царкоўным плане. Скарыстаўшыся грамадзянскай і рэлігійнай смутай у Візантыі, сербскі цар Стэфан Душан (1346–1355) яшчэ ў 1346 г. абвясціў на саборы ў Скопле (Скоп'е) Сербскі патрыярхат. Гэта было зроблена насуперак Візантыі, з ухвалы балгарскага (тырнаўскага) патрыярха і аўтакефальнага архіепіскапа ахрыдскага. У сваю чаргу, сусветны патрыярх адрагаваў у 1352 г. адлучэннем сербскай царквы. Хаця звестак пра афіцыйны кананічны разрыв паміж Канстанцінопалем і Тырнава не захавалася, у 1355 г. Каліст I скардзіўся на незалежны дух балгарскай царквы і на тое, што «балгарскі патрыярх спыніў памінаць за літургіяй свайго канстанцінопальскага сабрата» [7].

Таму не дзіўна, што адрынутае Візантыяй Феадарыт, быў рукапакладзены на чале Кіеўскай мітраполіі тырнаўскім патрыярхам Феодосіем II (у 1355 г. Каліст I асудзіў яго за гэта) [10, с. 93; 11, слп. 62].

Дамоўленасць ВКЛ і Балгарыі, а магчыма, і Сербіі, магла мець для Візантыі разбуральныя наступствы. Паводле слоў І. Мэендорфа, яны маглі прывесці «аж да аддзялення рускай мітраполіі ад Канстанцінопальскага патрыярхата», паколькі Альгерд «меў намер устанавіць аўтакефальную царкву» [7]. Зразумела, што кананічная залежнасць «Рускай царквы» ад Тырнаўскага патрыярхату наўрад ці была б пастаяннай, але гэта быў балючы ўдар для збяднелай і падзеленай Візантыі.

На жаль, крыніцы не захавалі звестак пра дакладны тытул Феадарыта. Таму даследчыкі выказваюць розныя гіпотэзы. У сучаснай гістарыяграфіі дамінуе меркаванне, што Феадарыт быў пастаўлены на чале не Кіеўскай, а «Літоўскай» мітраполіі. Прычым гэта версія сустракаецца ў розных варыянтах.

Так, на думку Б. М. Флары, паколькі «юрысдыкцыя» Феадарыта «распаўсюджвалася на

землі, якія падпарадкоўваліся ўладзе Альгерда», то «фактычна была адноўлена Літоўская мітраполія» [12]. Прыкладна такога ж погляду прытрымліваецца і А. Я. Голубеў. На яго думку, Альгерд накіраваў у Канстанцінопаль Феадарыта «для пасвячэння на літоўскую кафедру» [2, с. 13]. У сваю чаргу А. Я. Мусін, без спасылкаў на крыніцы, называе Феадарыта мітрапалітам «Малай Русі» [13, с. 161]. Верагодна, ён паўтарае памылковую версію І. А. Чыстовіча пра тое, што Феадарыт быў пастаўлены «ў мітрапаліты для Паўднёвай Русі» [9, с. 109].

Між тым найбольш слушную думку выказаў французска-канадскі гісторык І. Мэендорф. Ён лічыў, што паколькі Феадарыт прэтэндаваў на тытул мітрапаліта кіеўскага і ўсяе Русі, то, верагодна, яго і атрымаў [7].

У той жа час Нікандр Д. Ціхаміраў і І. А. Чыстовіч звярталі ўвагу на тое, што пастаўленне на чале Кіеўскай мітраполіі Феадарыта ў Тырнаве, а не ў Канстанцінопале было некананічным. Таму яно з'яўлялася ўмяшальніцтвам балгарскага патрыярха ў справы канстанцінопальскага [10, с. 94; 9, с. 109].

Дзейнасць Феадарыта ў якасці мітрапаліта. Пасля вяртання на Русь Феадарыт на працягу двух гадоў (да лета 1354 г.) кіраваў царквой на землях ВКЛ. У якасці месцазнаходжання ён абраў першастольны Кіеў, хаця той да 1362 г. яшчэ знаходзіўся па-за межамі ВКЛ і быў фармальна падпарадкаваны Ардзе.

Мітрапаліт Феадарыт патрабаваў ад епіскапаў падпарадкавання, але сустрэў супраціўленне. Як адзначаецца ў «Рагожскім летапісцы», у 1352 г. прыйшоў «чарнец... і стаў на мітраполлю ў Тырнове, і не прыяша яго Кіяне» [8, слп. 61]. Нягледзячы на тое, што ў летапісы чарнец названы Раманам, гаворка ідзе пра Феадарыта, супраць якога, хоць і не адразу, выступілі кіяўляне.

Гісторык Ціхаміраў Н. Д. адзначаў, што пасля некаторага знаходжання ў Кіеве Феадарыт «быў усімі адрынутае» як незаконны ўзурпатар мітрапаліцкай кафедры [10, с. 94]. У той жа час І. Мэендорф, лічыў, што Феадарыту падпарадкоўвалася «важная з гістарычнага пункту гледжання Кіеўская епархія» [7]. У любым выпадку, гісторыкі пагаджаліся, што без пэўнай падтрымкі Альгерда Феадарыт наўрад ці мог бы пратрымацца ў Кіеве два гады [10, с. 94].

Ёсць падставы лічыць, што Феадарыт спрабаваў падпарадкаваць сабе епіскапаў не толькі ў межах ВКЛ, але і тых зямель, якія знаходзіліся пад палітычным уплывам княства. Некаторыя даследчыкі лічаць (С. А. Чаропка), што «Феадарыта прызнаваў ноўгарадскі архіепіскап Майсей» [3, с. 19]. Такую ж думку выказвае і А. К. Краўцэвіч. Паводле яго слоў, у 1352 г. «мітрапаліт Феадарыт прыбыў у Кіеў, і яго прызнаў Вялікі

Ноўгарад» [4, с. 248]. Але гэта беспадстаўныя заявы [гл.: 14, р. 347–351; 11, слп. 52–64].

Больш асцярожна на гэты конт выказваўся А. Я. Мусін, які адзначаў, што Феадарыт «спрабаваў уступіць у царкоўныя зносіны з Ноўгарадам, аднак падрабязнасці гэтых адносін застаюцца нам невядомыя» [13, с. 163]. У сваю чаргу, І. Мэендорф лічыў, што архіепіскапа ноўгарадскі Майсей «завагаўся ў сваёй вернасці састарэламу мітрапаліту Феагносту» [7]. Верагодна, на пазіцыю архіепіскапа Майсея (1325–1330, 1352–1359) паўплывалі напружаныя адносіны з Феагностам, інакш, Феадарыт наўрад ці спрабаваў бы дабіцца ад яго прызнання сваёй улады.

Калі пра ваганні Майсея даведаліся ў Канстанцінопале, патрыярх у афіцыйных пасланнях ад 2 ліпеня 1354 г. запатрабаваў ад архірэя падпарадкоўвацца толькі што пастаўленаму мітрапаліту кіеўскаму і ўсяе Русі Алексію (1354–1378). У адваротным выпадку, калі Майсей падтрымае Феадарыта, патрыярх пагражаў адлучэннем ад царквы [14, р. 347–351; 11, слп. 52–64].

Прызначэнне мітрапалітам кіеўскім і ўсяе Русі Алексія. Яшчэ 6 снежня 1352 г. мітрапаліт Феагност узвёў у епіскапы ўладзімірскія Алексія – рускага манаха з баярскага роду, які з 1350 г. выконваў абавязкі мітрапаліцкага намесніка ў Маскве. Паколькі Уладзімір на Клязьме з’яўляўся стольным горадам вялікага княжання і адначасова рэзідэнцыяй мітрапаліта, то з пачатку XIV ст. тут асобны епіскап не прызначаўся; уладзімірскім епіскапам быў сам мітрапаліт. Такім чынам, прызначэнне Алексія мела на ўвазе, што ён з’яўляецца кандыдатам на замяшчэнне кіеўскай мітрапаліцкай кафедры пасля Феагноста.

У 1353 г. ад Сямёна Ганарлівага і Феагноста ў Канстанцінопаль былі адпраўлены паслы, каб хадайнічаць аб зацвярджэнні Алексія пераемнікам мітрапаліта. Вестка пра тое, што мітрапаліт Феагност яшчэ жывы (пра адваротнае паведамляў Феадарыт), выклікала ў патрыярха абурэнне. І таму на просьбу з Масквы быў атрыманы станоўчы адказ. Калі пасольства вярнулася, Феагност памёр (11 сакавіка 1353 г.). Таму Алексій неадкладна адправіўся ў Канстанцінопаль [6, с. 373–374]. У Візантыі ён быў вымушаны чакаць цэлы год.

Тым часам у Канстанцінопалі адбыліся чарговыя палітычныя змены. Пасля зняцця ў жніўні 1353 г. Каліста I (ён адмовіўся каранаваным Мацвея, сына Іаана VI Кантакузіна), па ўказанні імператара Сінод абраў патрыярхам Філафея (Кокіна, 1353–1354, 1364–1376). І той у лютым 1354 г. каранаваным Мацвея Кантакузіна суправіцелем бацькі. Разам з Іаанам VI Кантакузінам новы патрыярх імкнуўся захоўваць адзінства «Рускай мітраполіі».

У чэрвені 1354 г. у Канстанцінопале адбыўся патрыяршы Сінод, на якім мітрапалітам кіеўскім

і ўсяе Русі быў пастаўлены Алексій [14, р. 336–340; 11, слп. 42–52]. Адначасова Сінод пазбавіў мітрапаліта Феадарыта архіерэйскага сану і адлучыў яго ад царквы, пра што апавяцілі рускія іерархаў [10, с. 94; 11, стб. 61–62].

На думку Н. Д. Ціхамірава, зацвярджэнне мітрапалітам прадстаўніка маскоўскага баярства было спробай патрыярха захаваць свой кантроль над ўсёй Кіеўскай мітраполіяй [10, с. 94]. Больш за тое, Алексій быў пастаўлены ў мітрапаліты кіеўскія і ўсяе Русі са згоды Залатой Арды, пра гэта Філафей дамовіўся праз епіскапа сарайскага [11, слп. 53–54].

Спрыяльнае для Маскоўскага княства становішча было выкарастана Алексіем для таго, каб дамагчыся афіцыйнага ўхвалення пераносу рэзідэнцыі мітрапаліта з Кіева ва Уладзімір на Клязьме. І хаця гэта ўжо выглядала «анахронізмам» (мітрапаліт жыў ва Уладзіміры з 1299 па 1325 г., пасля гэтага пераехаў у Маскву), патрыярх фармальна пагадзіўся з пераносам сталіцы мітраполіі. З 1354 г. Уладзімір на Клязьме стаў другой кафедрай кіеўскіх мітрапалітаў, але за Кіевам захаваўся статус «першага мітрапаліцкага стала» [14, р. 336–340; 11, слп. 64–70].

Змена месца жыхарства мітрапаліта абгрунтавалася пытаннямі бяспекі (спустошаны Кіеў не меў ні прэстыжу, ні сродкаў, каб утрымліваць іерарха). Але сапраўдным матывам пераносу, як слушна адзначаў А. Мірановіч, быў рост прэстыжнасці Маскоўскага княства [15, с. 8]. Верагодна, на рашэнне патрыярха паўплывала і прысутнасць у Кіеве Феадарыта. Сваім актам патрыярх сведчыў, што знаходжанне таго ў Кіеве не дае яму законных правоў, бо горад больш не з’яўляецца мітрапаліцкай кафедрай.

Рашэнне патрыярша Сінода было спробай штучна падтрымаць адзінства колішняй Кіеўскай мітраполіі. Паводле слушнага меркавання А. Мірановіча, ухваленне пераносу кафедры з Кіева ва Уладзімір на Клязьме было «накіравана супраць Літвы, а ў далейшай перспектыве – супраць Польшчы». І яно пацвярджала, «што патрыярх не ўяўляў сабе на рускіх землях іншага праваслаўя, чым маскоўскае», а ў Сінодзе «дамінавала дактрына, што Праваслаўную царкву можа курыраваць толькі артадаксальны манарх» [15, с. 8–9].

Што тычыцца Феадарыта, то пасля лета 1354 г. пра яго ў крыніцах больш не згадваецца. Пазбаўлены сану і адлучаны ад царквы, ён згубіў падтрымку з боку Альгерда. Несумненна, што вялікі князь, зыходзячы з інтарэсаў сваёй дзяржавы, імкнуўся мець асобнага мітрапаліта. Але пасля таго, як Феадарыт быў зрынуты канстанцінопальскім патрыярхам, Альгерд палічыў не патрэбным заступацца за чалавека, бескарыснага ў далейшых планах.

Заклучэнне. Такім чынам, у сярэдзіне XIV ст. лёс Кіеўскай мітраполіі знаходзіўся ў прамой залежнасці не толькі ад раскладу палітычных сіл паміж рознымі цэнтрамі Русі, але і ад развіцця падзей у Візантыі. Працяглае супрацьстаянне ў 1340–1350-я гг. двух імператараў – Іаана V Палеолага і Іаана VI Кантакузіна ўскладнялася агульным згасаннем дзяржавы. Нетрываласць пазіцый канстанцінопальскага патрыярха, які цалкам залежаў ад палітычнай кан’юнктуры, абумовіла іх частую змену (Ісідар I, Каліст I, Філафей). Гэта яшчэ больш ускладняла пытанне з «Рускай мітраполіяй».

Паступовае паглыннанне Галіцка-Валынскай дзяржавы больш моцнымі суседзямі – Польскім Каралеўствам і Вялікім Княствам Літоўскім, вылучалі на парадак дня пытанне пра царкоўную самастойнасць заходняй часткі Русі. Вялікі князь літоўскі Альгерд не жадаў, каб епіскапы ў межах яго дзяржавы падпарадкоўваліся мітрапаліту, які сядзеў у Маскве. У гэтых умовах для ВКЛ існавалі два варыянты вырашэння пытання: дабівацца стварэння асобнай мітраполіі «Літвы» (праграма мінімум) або імкнуцца да пастаўлення на агульную мітраполію свайго кандыдата з вяртаннем кафедры ў Кіеў (праграма максімум). Апошні варыянт даваў больш шансаў для паспяховага вырашэння палітычнай задачы па збіранні зямель Русі вакол ВКЛ.

Першапачаткова Альгерд паспрабаваў рэалізаваць больш шырокі план, і ў 1352 г. падтрымаў кандыдатуру Феадарыта на пасаду міт-

рапаліта кіеўскага і ўсяе Русі. Але гэтая спроба аказалася няўдалай з-за пэўнага збегу абставін. Ініцыяцыя пытання яшчэ да смерці дзейнага мітрапаліта Феагноста, некананічны парадак пастаўлення Феадарыта (тырнаўскім, а не канстанцінопальскім патрыярхам), моцнае процідзеянне з боку Маскоўскага княства, – усё гэта абумовіла непрызнанне новага мітрапаліта на Русі і адлучэнне яго ад царквы. Таму Альгерд адмовіўся ад далейшай барацьбы за Феадарыта.

Між тым дзеянні ВКЛ сведчылі пра новую тэндэнцыю ў Еўропе – спробу стварэння ў межах нацыянальных дзяржаў царкоўных аўтакефалій. Улічваючы сепаратызм балканскіх славян (Балгарыя, Сербія), якія абвясцілі стварэнне ўласных патрыярхатаў, у Візантыі ў дзейнасці Альгерда і Феадарыта ўбачылі спробу арганізаваць новую агульнарускую мітраполію з цэнтрам ў Кіеве. Гэта пагражала «візантыйскай садружнасці» ва Усходняй Еўропе, на змену якой вылучалася поліцэнтрычная сістэма, адкрытая заходняму ўплыву.

Таму дзеля захавання адзінства «Рускай мітраполіі» ў чэрвені 1354 г. канстанцінопальскі патрыярх пагадзіўся на пастаўленне мітрапалітам не ўласнага кандыдата (грэка), а прадстаўніка баярскіх колаў Маскоўскага княства (Алексія). Адначасова быў ухвалены перанос мітрапаліцкай кафедры з Кіева ва Уладзімір на Клязьме. Усё гэта сведчыла пра пэўныя саступкі Маскве, у выніку якіх новы мітрапаліт кіеўскі і ўсяе Русі меў большы ўплыў і аўтарытэт, чым яго папярэднікі.

Спіс літаратуры

1. Падокшын С. А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура: філасофска-гістарычны аналіз. Мінск: Беларуская навука, 1998. 111 с.
2. Голубев О. Е. Великое княжество Литовское и Константинопольский патриархат: становление и развитие церковно-политических взаимоотношений (1316–1387 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Минск: БГУ, 2013. 24 с.
3. Черепко С. А. Православная церковь на Руси XIII–XV веков: борьба за митрополию // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зб. навук. арт. Вып. 4. Гомель: УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2015. С. 14–27.
4. Краўцэвіч А. Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага (1248–1377): у 2 кн. Гародня: А. Краўцэвіч; Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego we Wrocławiu, 2015. Кн. 1–2. 304 с.
5. Соколов П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1913. [2], IV. 578 с.
6. Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950. 515 с.
7. Мейендорф И. Ф. Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. Paris: YMCA-press, 1990. 442 с. // Седмица.RU. Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/438192/> (дата звароту: 10.06.2023).
8. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. XV. Рогожский летописец, вып. 1. Пг.: Изд. Археограф. комис., 1922. XVIII с., 186 стб.
9. Чистович И. А. Очерк истории западно-русской церкви. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1882. [6]. 221 с.

10. Тихомиров Н. Д. Галицкая митрополия: церковно-историческое исследование. СПб.: Печ. Е. Евдокимова, 1895. 189 с.

11. Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Памятники XI–XV вв. / ред. А. С. Павлов. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1880. IV с., XX, 930, 70 стб. (Рус. ист. б-ка, изданная Импер. Археограф. комиссией; т. 6).

12. Флоря Б. Н. Литовская митрополия // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2110579.html> (дата звароту: 10.06.2023).

13. Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 240 с., ил. (Slavica Petropolitana).

14. Miklosich F., Müller I. Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis: in 2 vol. Wien, 1975. Vol. 1. 607 p.

15. Мірановіч А. Палітыка Канстанцінопальскага патрыярхату да Кіеўскай мітраполіі ў 988–1686 гадах // *Białoruskie Zeszyty Historyczne* = Беларускі гістарычны зборнік. 2008. № 30. С. 5–25.

References

1. Padokshyn S. A. *Uniya. Dzyarzhavnasts'. Kul'tura: filasofskagistarychny analiz* [Union. Statehood. Culture: Philosophical and historical analysis]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 1998. 111 p. (In Belarusian).

2. Golubev O. E. *Velikoye knyazhestvo Litovskoye i Konstantinopol'skiy patriarkhat: stanovleniye i razvitiye tserkovno-politicheskikh vzaimootnosheniy (1316–1387 gg.). Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk* [The Grand Duchy of Lithuania and the Patriarchate of Constantinople: the formation and development of church-political relations (1316–1387). Abstract of the dissertation PhD (History)]. Minsk, Belorus. gos. un-t Publ., 2013. 24 p. (In Russian).

3. Cherepko S. A. The Orthodox Church in Rus' in the XIII–XV centuries: the struggle for the metropolis. *Belarus' i susedzi: shlyakhi farmiravannya dzyarzhavnastsy, mizhnatsyyanal'nyya i mizhdzyarzhavnyya adnosiny: zbornik navuk. artykulau* [Belarus and its neighbors: ways of becoming a state, international and interstate relations: coll. articles], issue 4. Gomel', UA “GDU imya F. Skaryny” Publ., 2015, pp. 14–27 (In Russian).

4. Krautsevich A. *Gistoryya Vyalikaga Knyastva Litovskaga (1248–1377): u 2 kn.* [History of the Grand Duchy of Lithuania (1248–1377): in 2 books]. Garodnya, A. Krautsevich Publ.; Wrocław, Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego we Wrocławiu Publ., 2015. Books 1–2. 304 p. (In Belarusian).

5. Sokolov P. *Russkiy arkhierey iz Vizantii i pravo ego naznacheniya do nachala XV veka* [Russian bishop from Byzantium and the right of his appointment until the beginning of the 15th century]. Kyiv, Tip. I. I. Chokolova Publ., 1913. [2], IV, 578 p. (In Russian).

6. Priselkov M. D. *Troitskaya letopis': Rekonstruktsiya teksta* [Trinity Chronicle: Reconstruction of the text]. Moscow; Leningrad, Izd. i 1-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR v L. Publ., 1950. 515 p. (In Russian).

7. Meyendorf I. F. *Vizantiya i Moskovskaya Rus': ocherk po istorii tserkovnykh i kul'turnykh svyazey v XIV v.* [Byzantium and Muscovite Rus': Essay on the history of church and cultural relations in the XIV century]. Paris, YMCA-press, 1990. 442 p. Available at: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/438192/> (accessed 06/10/2023) (In Russian).

8. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, izdannoye po vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoy komissiyey. T. XV. Rogozhskiy letopisets, vyp. 1* [Complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archaeographic Commission. Vol. XV. Rogozhsky chronicle, issue 1]. Petrograd, Izd. Arheograf. komis. Publ., 1922. XVIII p., 186 column (In Russian).

9. Chistovich I. A. *Ocherk istorii zapadno-russkoy tserkvi: v 2 ch.* [Essay on the history of the Western Russian Church: in 2 parts]. St. Petersburg, Tip. Dep. Udelov Publ., 1882, part 1. [6]. 221 p. (In Russian).

10. Tihomirov N. D. *Galitskaya mitropoliya: tserkovno-istoricheskoye issledovaniye* [Galician Metropolis: church-historical research]. St. Petersburg, Pech. E. Evdokimova Publ., 1895. 189 p. (In Russian).

11. Pavlov A. S. (edit). *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1. Pamyatniki XI–XV vv.* [Monuments of Old Russian Canon Law. Part 1. Monuments of the XI–XV centuries]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1880. IV p., XX, 930, 70 column. (In Russian).

12. Florya B. N. Lithuanian Metropolis. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/2110579.html> (accessed 07/10/2023) (In Russian).

13. Musin A. E. *Zagadki doma Svyatoy Sofii: Tserkov' Velikogo Novgoroda v X–XVI vv.* [Riddles of the house of Hagia Sophia: the Church of Veliky Novgorod in the X–XVI centuries]. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2016. 240 p. (In Russian).

14. Miklosich F., Müller I. Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis. In 2 vol. Wien, 1975, vol. 1. 607 p. (In Latin, Greek).

15. Miranovich A. Policy of the Patriarchate of Constantinople towards the Kievan Metropolis in 988–1686. *Białoruskiye Zeszyty Historyczne = Belaruskі gіstarychny zbornik* [Belarusian historical notebooks = Belarusian historical collection], 2008, no. 30, pp. 5–25 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Лукашэвіч Андрэй Міхайлавіч – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220030, г. Мінск, пр. Незалежнасці, 4, Рэспубліка Беларусь). E-mail: lukashevand@mail.ru

Information about the author

Lukashevich Andrei Mikhailovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of history of Belarus of new and contemporary times. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lukashevand@mail.ru

Паступіў 03.09.2023

УДК 947.6:28

А. В. Саўчанка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

**ДЗЕЙНАСЦЬ КАПІТУЛАЎ УНІЯЦКАЙ ЦАРКВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ
Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ КАНЦА XVIII – XIX СТСТ.**

Артыкул прысвечаны разгляду дзейнасці капітулаў уніяцкай царквы на тэрыторыі Беларусі ў гістарыяграфіі канца XVIII – XIX стст. Акцэнтуюцца ўвага на тым, што нягледзячы на дастаткова распаўсюджанае меркаванне пра капітулы як інстытут у каталіцызме і некаторых галінах пратэстантызму, яны былі характэрны і для ўніяцкай царквы. У артыкуле адзначаны шматлікія праблемныя моманты, якія падымаліся аўтарамі канца XVIII – XIX стст. пры разглядзе інстытута капітулаў уніяцкай царквы. Адзначаецца, што галоўную ролю ў аналізе дзейнасці капітулаў адыгралі даследчыкі, якія былі пераважна святарамі ці выхадцамі са святарскага асяродку. Падкрэсліваецца, што кожны з іх часта меў свой погляд на ролю і месца капітулаў ва ўніяцкай царкве: некаторымі даследчыкамі прыводзіліся аргументы адносна самастойнасці інстытута капітулаў, іншыя аўтары сцвярджалі, што капітулы прыўнесены на ўніяцкую глебу з каталіцызму, таму не маюць даўніх каранёў і традыцый. Шэраг аўтараў адзначаў важную ролю капітулаў у гісторыі царквы (у тым ліку і ў справе ўз'яднання ўніяцтва з праваслаўем), іншыя сцвярджалі, што роля і значэнне занадта перавышана некаторымі даследчыкамі і прадстаўнікамі саміх капітулаў.

Вывучэнне гэтых дыскусій, як і розных падыходаў у асэнсаванні дзейнасці капітулаў, дазваляе лепш зразумець асаблівасці развіцця ўніяцкай царквы на тэрыторыі Беларусі.

Ключавыя словы: гісторыя, рэлігія, Брэсцкая унія, уніяцкая царква, уніяцтва, капітул.

Для цытавання: Саўчанка А. В. Дзейнасць капітулаў уніяцкай царквы на тэрыторыі Беларусі ў гістарыяграфіі канца XVIII – XIX стст // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 12–16. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-2.

A. V. Savchenko

Belarusian State University

**THE ACTIVITY OF THE CHAPTERS OF THE UNIATE CHURCH
ON THE TERRITORY OF BELARUS LANDS IN THE HISTORIOGRAPHY
WORKS OF THE LATE 18th – 19th CENTURIES**

The article is devoted to the study of the heads of the Union on the territory of Belarus in the works of researchers of the 19th century. The attention is focused on the fact that, despite the rather widespread opinion about the chapters as an institution in Catholicism and some branches of Protestantism, they were also characteristic of the Uniate Church. The article notes numerous problematic points raised by the authors of the 19th century. when considering the establishment of branches of the Union Church. It is noted that the main role in the analysis of the activities of chapters was played by researchers, who were mostly priests or came from a priestly environment. It is emphasized that each of them often had his own view on the role and place of chapters in the Uniate Church: some researchers argued about the independence of the institution of chapters, other authors argued that the chapters were brought to union soil from Catholicism, so they do not have long-standing roots and traditions. A number of authors noted the important role of the chapters in the history of the Church (including in the matter of reunification with Orthodoxy), others argued that the role and significance were overestimated by some researchers and representatives of the chapters themselves.

The study of these discussions, as well as various approaches to understanding the role and place of capital institutions, allows us to better understand the features of the development of the union church on the territory of Belarus.

Keywords: history, religion, Brest Union, Uniate Church, unionism, chapter.

For citation: Savchenko A. V. The activity of the chapters of the Uniate church on the territory of Belarus lands in historiography works of the late 18th – 19th centuries. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 12–16. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-2 (In Belarusian).

Уводзіны. Гісторыя ўніяцкай царквы, існаванне якой на тэрыторыі Беларусі ахоплівае 243 гады (1596–1839 гг.), і сёння мае праблем-

ныя палі і кірункі для дадатковага даследавання. Адным з праблемных пытанняў з'яўляецца гісторыя інстытута капітула і яго дзейнасць.

Пытанне дзейнасці, ролі і месца капітула ва ўніяцкай царкве выклікала спрэчкі, якія разгарнуліся ў працах даследчыкаў канца XVIII – XIX ст. Таму вывучэнне гістарыяграфіі дадзенага інстытута, розных падыходаў да яго ацэнкі дазваляе зразумець асаблівасці развіцця ўніяцкай царквы на беларускіх землях.

Асноўная частка Слова «капітул» (часам ужываецца слова «капітула») мае лацінскае паходжанне (лац. – *Capitulum*) і ў каталіцызме і некаторых галінах пратэстантызму (як англіканская царква) азначае калегію (раду) клірыкаў пры біскупскай кафедры (кафедральны капітул) або калегіяльнай царквы (калегіяльны капітул) [1, с. 147]. Так, *Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana* у артыкуле “*Capitula katedralna*” прыводзіць прыклад кафедральных капітулаў у Царстве Польскім на 1818 г. і называе колькасць членаў у гэтым органе царкоўнага кіравання (12 членаў: 4 прэлаты і 8 канонікаў), а таксама пералічвае некалькі капітулаў каталіцкай царквы, сярод якіх Магілёўскі, Віленскі, Жмудскі, Жытомірскі, нават Саратаўскі, якія налічвалі 9 членаў у сваім складзе [2, с. 725]. Але інстытут капітулаў быў характэрны і для ўніяцкай царквы [1, с. 147]. III том “*Nowa encyclopedia powszechna*” [3] і “*Katolicka encyklopedia*” [4] змяшчаюць інфармацыю пра інстытут кафедральнага капітула на прыкладзе грэка-каталіцкай царквы (дакументы, якія рэгламентуюць колькасць членаў гэтага органа датуюцца 1875 і 1894 гг. [4, с. 671]). У вышэйназваных артыкулах даказваецца, што інстытут як капітулы ўзніклі небеспадстаўна, маючы некаторыя каталіцкія «дадаткі» у плане функцый, месца ў іерархіі і ўпраўленні царквой.

Вывучэнне капітулаў як з’явы ва ўніяцкай царкве на тэрыторыі Беларусі пачалося ў канцы XVIII – пачатку XIX ст.

Адной з такіх прац было спецыялізаванае выданне “*Dzieje dobroczynności krajowej i zagranicznej*” [5], якое друкавалася з дазволу ваеннага губернатара А. Рымскага-Корсакава. Так, у томе за 1821 г. на с. 1014 прыводзіцца «Навіна пра Луцкі кафедральны капітул», дзе паказваецца дзейнасць капітула ў Луцку ад 1364 г. і прыводзіцца шэраг актаў Папаў Рымскіх [5, с. 1014].

Том III “*Dzieje dobroczynności...*” дае інфармацыю пра капітулы як інстытуты ўніяцкай царквы (артыкул А. Маеўскага “*O hierarchii kościoła Ruskiego z Rzymskim zjednoczonego*”). Аўтар артыкула адзначае праблемныя моманты існавання гэтага інстытута, звяртаючы ўвагу на парушэнні права кананічнага ў функцыянаванні капітулаў ва ўніяцкай царкве. Адным з такіх момантаў указваецца незаконнасць аднаўлення Брэсцкага капітула (маецца на ўвазе рашэнне пра аднаўленне дзейнасці Брэсцкага капітула актам ад 2 ліпеня 1809 г.) [6, с. 179]. Падобныя

сцвярджэнні аўтара здаюцца дзіўнымі, бо падставай для аднаўлення Брэсцкага капітула з’яўлялася ў тым ліку спасылка на яго доўгае існаванне (з часоў Ягайлы), грамата караля Сігізмунда III ад 20 ліпеня 1595 г. і Указ (у арыг. – повеленне) Паўла I ад 20 мая 1798 г. (на гэты ўказ, як аснову і падставу для аднаўлення, у акце 1809 г. спасылаюцца двойчы) [7, арк. 4, 4 адв., 5].

Пры тым варта адзначыць, што аўтар ці не ведае, ці наўмысна апускае той факт, што Ясафат Булгак (на момант 1823 г. ужо 6 год як мітрапаліт уніяцкіх цэркваў у Расіі, а на 1809 г. ён займаў пасаду епіскапа Брэсцкага) не з’яўляўся першым, хто аднавіў дзейнасць Брэсцкага капітула. Архіўныя крыніцы сведчаць, што яшчэ ў 1775 г. епіскап Брэсцкі Антанін Младоўскі, абапіраючыся на прашэнні з боку белага духавенства, на «зямельным фундушы пры кафедральнай Брэсцкай царкве аднавіў капітул» [8, арк. 1 адв.]. У акце аб яго аднаўленні пацвярджаецца даўнасць існавання падобнага інстытута са спасылкай яшчэ на часы епіскапа Брэсцкага і Уладзімірскага Іпація Пацея (грамата ад 20 лютага 1598 г.), давол ад Святога прастола і акт караля Сігізмунда III ад 13 красавіка 1598 г., у якіх вядзецца гаворка пра трох членаў капітула (архіеправітэра, архідыякана і хартулярыя) [8, арк. 1 адв.]. У акце адзначаецца, што пры аднаўленні штат павялічваецца на 1 асобу (дадаецца кустош) і агучваецца намер павялічыць штат да 6 асоб [8, арк. 1 адв.].

Нягледзячы на гэта, А. Маеўскі спрабуе зменшыць аргументы ў абарону капітулаў як даўняга інстытута, адмаўляючы іх існаванне пры Пацеі [5, 185].

У гэтым жа нумары (том III “*Dzieje dobroczynności...*”) і ў томе IV (1824 г.) [10] можна знайсці і разгромны артыкул Платона Сасноўскага пад назвай “*Uwagi nad artykułem: O hierarchii Kościoła Ruskiego z Rzymskim zjednoczonego*”. П. Сасноўскі даў моцную базу для развіцця тэмы інстытута капітула ў гістарыяграфіі XIX ст.

Дзякуючы гэтым працам можна даведацца (на прыкладзе цытат і вытрымак з дакументаў) пра наяўнасць капітулаў у такіх гарадах, як Наваградак [10, с. 222–227], Вільня [10, с. 227–230], Полацк [10, с. 230–231], Уладзімір (маецца на ўвазе Уладзімір-Вальнскі) [10, с. 324–327], Брэст [10, 327–333], Луцк [10, с. 333–335]. Акрамя таго, П. Сасноўскі падымае значную праблему, а навіта памылкі ў актах цытаваных з «рымскай» (лацінскай) мовы, што ў выніку прыводзіць да скажэння сэнсу [11, с. 556].

Важная роля ў даследаванні дзейнасці капітулаў належыць Плакіду Янкоўскаму, сыну архіеправітэра Гаўрыіла, аднаго з членаў Брэсцкага капітула, адказнага да 1836 г. за захаванне дакументальнай спадчыны (дакументаў гэтага

капітула) [12, 119]. Плакід Янкоўскі, маючы доступ да дадзеных дакументаў, распавядае пра некаторыя аспекты дзейнасці Брэсцкага капітула, прыводзіць вытрымкі з цудам не згарэлых дакументаў у нарысах, якія аб'ядналі ў адну кнігу пад агульнай назвай «Записки сельскаго священника» [12, с. 116–127].

Праца С. Л. Пaeўскага (добрага сябра Плакіда Янкоўскага) «О церквах Брестской капитулы» [13] мае раздзел «Капитульные священники», у якім аналізуецца матэрыяльны стан настояцеляў. Аўтар піша пра добрае матэрыяльнае ўтрыманне святароў [13, с. 23] (пацверджанне гэтага знаходзіцца і ў актавых кнігах Уладзімірскага і Брэсцкага капітула за 1608 і 1681 гг. [13, с. 23]). Акрамя таго, у працы С. Пaeўскага утрымліваецца інфармацыя пра капітульныя царквы. Цікава, што з 7 узгаданых у працы царкваў (1 галоўная кафедральная і 6 рознай ступені важнасці і значнасці) непасрэдна капітульнымі названы толькі тры: Свята-Троіцкая на Войтавай вуліцы г. Брэста [13, с. 38–50], у гонар Нараджэння Багародзіцы ў сяле Гершанковічы [13, с. 50–56], у гонар Іаана Багаслова ў сяле Лабачова [13, с. 58–61].

Зусім коротка ўгадаў пра Брэсцкі капітул у сваёй працы «Исторический очерк православия, католичества в Белоруссии и Литве» Р. Кіпрыновіч [14]. Пра гэты орган сказана толькі тое, што ў яго склад увайшлі лепшыя прадстаўнікі белага духавенства, і з 1819 г. яны неаднаразова падавалі скаргі на захоп базыльянамі царкоўных маёмасцяў, іх памкненне бязмежна панаваць ва ўніяцкай царкве і весці яе ўсімі спосабамі да злучэння з каталіцтвам (у арыг. – латынствам) [14, с. 253].

Сваю нішу ў гісторыі даследавання ўніяцкай царквы ў пачатку XIX ст. – канцы 1820-х, барацьбы белага духавенства за свае правы, дзейнасці ў гэтым накірунку капітулаў у цэлым і Брэсцкага капітула ў прыватнасці займае П. Баброўскі з яго працай «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I» [15]. У гэтым даследаванні Баброўскі спрабаваў акрамя апісання крызісу ўнутры царквы паказаць захаванне і спробы яе рэфармавання такімі асобамі, як мітрапаліты І. Лісоўскі, Г. Кахановіч і А. Красоўскі, якіх ён лічыў не толькі натхняльнікамі, але і саюзнікамі капітула. Фактычна ім была прааналізавана дзейнасць Брэсцкага капітула ў справе барацьбы за правы белага духавенства, які і складаў аснову гэтага органа. Павел Баброўскі спрабаваў паказаць адным з галоўных дасягненняў у дзейнасці капітула Указ ад 9 кастрычніка 1827 г., які прадпісваў прымаць у склад манахаў-базыльян толькі ўніятаў з добрым веданнем царкоўнаславянскай мовы і ўсходняга (праваслаўнага) абраду, а таксама спрыяў адкрыццю

семінары і вучылішчаў для ўніятаў [15, с. 392–393]. Фактычна П. Баброўскі акцэнтаваў увагу на тым, што гэты ўказ уздзейнічаў на Я. Сямашку (на той момант асэсара II дэпартаментна Рымска-каталіцкай духоўнай калегіі) і падштурхнуў яго прапанаваць свой план па рэформе ўніі.

Можна меркаваць, што такая цікавасць да гісторыі капітула была абумоўлена памкненнем П. Баброўскага ўшанаваць свайго дзядзьку – М. Баброўскага, які займаў пасаду віцэ-афіцыяла капітула, пасаду віцэ-старшыні Брэсцкай кансісторыі і павучаў святароў у практычным выкананні грэчаскіх абрадаў [16, с. 67], і ўпісаць яго ў гісторыю ўз'яднання ўніятаў з праваслаўем.

Праца П. Баброўскага стала аб'ектам крытыкі з боку прафесараў М. Каяловіча [17] і І. Філевіча [18]. Крытыка Каяловіча засноўвалася на тым, што члены капітула (у арыг. ён гаворыць пра 2 інстытуты – Брэсцкі капітул і Віленскую кансісторыю) ставілі за мэту аднаўленне ўніі з царкоўна-славянскім богаслужэннем (невядома па якім прыкладзе), але падчас рэалізацыі гэтай мэты выступалі як інструмент ціску на базыльян і простых прыходскіх святароў. Галоўны дакор членам капітула з боку М. Каяловіча заключаўся ў тым, што яны настойвалі на захаванні сувязі з Рымам і польскай мовай у навуцы і грамадскай сферы (М. Каяловіч у сваім разборы працы П. Баброўскага гэта назваў «ліберальным паланізмам» паводле плана А. Чартырыйскага) [17, с. 28]. Таксама ён указваў на тое, што адзін з мітрапалітаў І. Красоўскі, якога П. Баброўскі падаў як саюзніка капітула, насамрэч нават не падтрымаў намераў і планы капітула [17, с. 29].

Філевіч жа ўказваў на той факт, што Баброўскі і Сасноўскі (у адрозненне ад Сямашкі) не мелі сувязі з народам, а таксама казаў пра пасіўнасць М. Баброўскага ў руху ўніяцтва да праваслаўя [18, с. 29, 30]. Каяловіч падкрэсліваў, што П. Баброўскі хваліў капітул не па заслугах і акцэнтаваў увагу на патрэбе больш крытычнага стаўлення да падбору і прагляду крыніц [17, с. 71]. І. Філевіч сваю крытыку завяршыў сцвярдженнем, што жыццё дзеячаў капітула, як удзельнікаў гістарычнага моманту, канешне, уяўляе нейкую цікавасць, але можна абысціся без глыбокага вывучэння іх біяграфій [18, с. 31]. Крытыка работы П. Баброўскага ні ў якім разе не змяншае яго ўклад у гісторыю даследавання ўніяцкай царквы, але ніwelное шэраг яго пастулатаў і сцвярдженняў наконт ролі інстытута капітула ў цэлым і Брэсцкага капітула ў прыватнасці ў працэсах канца 1820-х–1830-я гг. XIX ст.

Заклучэнне. Такім чынам, класічнае вызначэнне капітула тлумачыць яго як калегію

(раду) клірыкаў пры біскупскай кафедры (кафедральны капітул) або калегіяльнай царквы (калегіяльны капітул) у каталіцызме і ў некаторых галінах пратэстантызму. Але інстытут капітулаў быў характэрны і для ўніяцкай царквы, паколькі ў актах аб аднаўленні падкрэсліваецца яго даўнасць. Вывучэнне капітулаў як з’явы ва ўніяцкай царкве на беларускіх землях пачалося ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. Галоўную ролю ў разглядзе дзейнасці капітулаў уніяцкай царквы адыгралі даследчыкі, якія былі па адукацыі святары (А. Маеўскі, Платон Сасноўскі, Плакід Янкоўскі) ці былі выхадцамі са святарскага асяродку (Павел Баброўскі, Міхаіл Каяловіч, Іван Філевіч). Кожны з іх часта меў свой

погляд на ролю і месца капітулаў ва ўніяцкай царкве: калі П. Сасноўскі прыводзіў аргументы на карысць самастойнасці інстытута капітулаў і падкрэсліваў яго важную ролю ў гісторыі царквы, то Р. Кіпрыяновіч і П. Баброўскі адзначалі вялікую ролю капітулаў у справе ўз’яднання ўніяцкай царквы з праваслаўем.

Пры гэтым гістарыяграфія XIX ст. мае прыклады і дастаткова негатыўнай ацэнкі дзейнасці капітулаў на беларускіх землях. Напрыклад, А. Маеўскі, М. Каяловіч, І. Філевіч указвалі, што капітул прыўнесены на ўніяцкую глебу з каталіцызму, таму не мае даўніх каранёў, а яго роля і значэнне занадта перабольшаны некаторымі даследчыкамі і прадстаўнікамі саміх капітулаў.

Спіс літаратуры

1. Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: Бел. Энцыкл., 2001. 368 с.
2. Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana. T. XXXIII–XXXIV (Joerg Jan Krysrtian Gotfryd – Karyszew Mikołaj). Warszawa: Drukarnia Aleksandra Tadeusza Jeyierskiego, 1897. 1013 s.
3. Nowa encyklopedia powszesna PWN. T. 3: I – Ł / [red: Prowadzący Dariusz Kalisiewicz; red. Nacz. Barbara Pertozolin-Skowrońska]. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1997. 189 s.
4. Encyklopedia katolicka. T. VIII: Język – Kino. Lublin, 2000. 1455 s.
5. Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi. Wilno: Typografia A. Marcinowskiego, 1821. Rok 2. Styczen, Marzec, Kwiecień, Maj, Czerwiec, Lipiec, Sierpień, Wrzesień, Parzdzienik, Listopad, Grudzień, 1821. 2229 s.
6. Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi. T. III, № 9–12. Wilno: Typografia A. Marcinowskiego, 1823. 454 s.
7. Росийский государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (РГИА). Ф. 823. Оп. 2. Д. 1443. Л. 4, 4 об, 5, 5 об, 6, 6 об., 7, 7 об.
8. РГИА. Ф. 823. Оп. 2. Д. 2155. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., с. 3, 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об., 6.
9. Sosnowski P. “Uwagi nad artykułem: O herarii Kościoła Ruskiego z Rzymskim zjednoczonego” // Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi. T. III, N 9–12. Wilno: Typografia A. Marcinowskiego, 1823. 454 s.
10. Sosnowski P. “Uwagi nad artykułem: O herarii Kościoła Ruskiego z Rzymskim zjednoczonego” // Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi. T. IV, N 1–4. Wilno: Typografia A. Marcinowskiego, 1824. 406 s.
11. Sosnowski P. “Uwagi nad artykułem: O herarii Kościoła Ruskiego z Rzymskim zjednoczonego” // Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi. T. V, N 6. Wilno: Typografia A. Marcinowskiego, 1824. 584 s.
12. Янковский П. Записки сельского священника. Минск: Медиал, 2019. 256 с.
13. Паевский С. Л. О церквах Брестской капитулы в начале 2-й половины XVIII века. Вильна, 1887. 65 с.
14. Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. 351 с.
15. Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование Александра I. Минск: Энциклопедикс, 2014. 412 с.
16. Зубко А. О греко-унитской церкви в Западном крае России. Минск: Медиал, 2019. 100 с.
17. Коялович М. О. Разбор сочинения П. О. Бобровского: «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I». Историческое исследование по архивным документам и указание на основании архивных документов иной постановки всех главных униатских вопросов того времени. СПб., 1890. 71 с.
18. Филевич И. Вопрос о воссоединении западнорусских униатов в его новейшей постановке: по поводу исследования П. О. Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I». СПб., 1890; Варшава, 1891. 31 с.

References

1. *Religiya i tsarkva na Belarusi*: entsykl. daved. [Religion and church in Belarus: encyclopedia reference book]. Ed. board: G. P. Pashkou [et al.]. Minsk, Bel. Entsycl. Publ., 2001. 368 p. (In Belarusian).

2. *Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana* [The great general illustrated encyclopedia]. Warsaw, Drukarnia Aleksandra Tadeusza Jeyierskiego Publ., 1897, vol. XXXIII–XXXIV. 1013 p. (In Polish).
3. *Nowa encyklopedia powszesna PWN* [New general encyclopedia]. Vol. 3: I – Ł. Warsaw, Wydawnictwo naukowe PWN Publ., 1997. 189 p. (In Polish).
4. *Encyklopedia katolicka* [Catholic encyclopedia]. Lublin, 2000. Vol. VIII. 1455 p. (In Polish).
5. *Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi*. [The history of Domestic and Foreign Charity with Information for the Improvement of its Servants]. Wilno, Typografia A. Marcinowskiego Publ., 1821, Rok 2. 2229 p. (In Polish).
6. *Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi*. [The history of Domestic and Foreign Charity with Information for the Improvement of its Servants]. Wilno, Typografia A. Marcinowskiego Publ., 1823. vol. III, no. 9–12. 454 p. (In Polish).
7. Russian State Historical Archive in St. Peterburg (RSHA). Fund 823. I. 2. F. 1443.
8. RSHA. Fund 823. I. 2. F. 2155.
9. Sosnovski P. Comments on the article: On the herarchy of the Russian and Roman Churches united. *Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi* [The history of Domestic and Foreign Charity with Information for the Improvement of its Servants]. Wilno, Typografia A. Marcinowskiego Publ., 1823, vol. III, no 9–12. 454 p. (In Polish).
10. Sosnovski P. Comments on the article: On the herarchy of the Russian and Roman Churches united. *Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi* [The history of Domestic and Foreign Charity with Information for the Improvement of its Servants]. Wilno, Typografia A. Marcinowskiego Publ., 1824, vol. IV, no. 1–4. 406 p. (In Polish).
11. Sosnovski P. Comments on the article: On the herarchy of the Russian and Roman Churches united. *Dzieje Dobroczynności Krajowej i Zagranicznej z Wiadomościami ku Wydoskonaleniu jej Służącymi* [The history of Domestic and Foreign Charity with Information for the Improvement of its Servants]. Wilno, Typografia A. Marcinowskiego Publ., 1824, vol. V, no. 6. 584 p. (In Polish).
12. Yankovsky P. *Zapiski sel'skogo svyashchennika* [Notes from a village priest]. Minsk, Medial Publ., 2019. 256 p. (In Russian).
13. Payevsky S. L. *O tserkvakh Brestskoy kapituly v nachale 2-y poloviny XVIII veka* [About the churches of the Brest Chapter at the beginning of the 2nd half of the 18th century]. Vilna, 1887. 65 p. (In Russian).
14. Kiprianovich G. Ya. *Istoricheskiy ocherk pravoslaviya, katolichestva i unii v Belorussii i Litve*. [Historical essay of Orthodoxy, Catholicism and Union in Belarus and Lithuania]. Minsk, Izd-vo Belorusskogo Ekzarkhata Publ., 2006. 351 p. (In Russian).
15. Bobrovsky P. O. *Russkaya greko-uniatskaya tserkov' v tsarstvovaniye Aleksandra I* [Russian Greek-Uniate Church during the reign of Alexander I]. Minsk, Entsiklopediks Publ., 2014. 412 p. (In Russian).
16. Zubko A. *O greko-uniatskoy tserkvi v Zapadnom kraye Rossii* [About the Greek-Uniate Church in the Western Region of Russia]. Minsk, Medial Publ., 2019. 100 p. (In Russian).
17. Koyalovich M. O. *Razbor sochineniya P. O. Bobrovskogo: "Russkaya greko-uniatskaya tserkov' v tsarstvovaniye imperatora Aleksandra I."* *Istoricheskoye issledovaniye po arkhivnym dokumentam i ukazaniye na osnovanii arkhivnykh dokumentov inoy postanovki vseh glavnykh uniatskikh voprosov togo vremeni* [Analysis of the essay by P. O. Bobrovsky: "The Russian Greek-Uniate Church during the reign of Emperor Alexander I." Historical research based on archival documents and an indication, based on archival documents, of a different formulation of all the main Uniate issues of that time]. St. Petersburg, 1890. 71 p. (In Russian).
18. Filevich I. *Vopros o vossoyedinenii zapadnorusskikh uniatov v yego noveyshey postanovke: po povodu issledovaniya P. O. Bobrovskogo "Russkaya greko-uniatskaya tserkov' v tsarstvovaniye imperatora Aleksandra I"* [The question of the reunification of Western Russian Uniates in its newest formulation: regarding the research of P. O. Bobrovsky "Russian Greek-Uniate Church during the reign of Alexander I"]. St. Petersburg, 1890; Warsaw, 1891. 31 p. (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Саўчанка Андрэй Віктаравіч – аспірант гістарычнага факультэта. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220037, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, вул. Мендзялеева, 36). E-mail: andrijsauczanka1997@gmail.com

Information about the author

Savchenko Anrdey Victorovich – PhD student, Faculty of History. Belarusian State University (6, Mendeleeva str. 220037, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: andrijsauczanka1997@gmail.com

Пасмыніў 05.10.2023

УДК 378.662(476)

А. Н. Кукса

Белорусский национальный технический университет

**ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ БЕЛОРУССКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА)**

Статья посвящена вопросам истории технического образования в Российской империи начала XIX века, организации учебных округов и управления ими, а также внедрению технических знаний в учебных заведениях. Профессор Сенковский О. И. в 1826 г. отметил острую необходимость в открытии ремесленных отделений в белорусских учебных заведениях для повышения благосостояния населения. В Уставе 1828 г. это предложение было учтено, а ответственность за развитие реального образования была возложена на уездные училища. Одним из итогов Устава 1828 г. стала организация Белорусского учебного округа, который представил новый опыт управления системой образования в лице попечителя. В итоге в 1835 г. все учебные округа были выведены из-под контроля университетов. С этого времени активизируется и деятельность Министерства народного просвещения по открытию и организации реальных отделений. В связи с доминирующим аграрным укладом Северо-Западного края предоставление Горы-Горецкому земледельческому институту в 1848 г. прав университетов стало знаменательным событием. В Белорусском учебном округе впервые в истории России началась подготовка инженеров для сельскохозяйственного строительства и машиностроения.

Ключевые слова: высшая школа, ремесленные училища, техническое образование, кризис перепроизводства, Белорусский учебный округ.

Для цитирования: Кукса А. Н. Техническое образование в Российской империи начала XIX века (на материалах Белорусского учебного округа) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 17–22. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-3.

A. N. Kuksa

Belarusian National Technical University

**TECHNICAL EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE BEGINNING OF THE 19th CENTURY (BASED ON THE MATERIALS
OF THE BELARUSIAN EDUCATIONAL DISTRICT)**

The article is devoted to the history of technical education in the Russian Empire at the beginning of the 19 century, the organization and management of educational districts, as well as the introduction of technical knowledge in educational institutions. Professor O. I. Senkovsky in 1826 noted the urgent need to open craft departments in Belarusian educational institutions to improve the welfare of the population. In the Charter of 1828, this proposal was taken into account, and the responsibility for the development of real education was assigned to the county schools. One of the results of the Charter of 1828 was the organization of the Belarusian Educational District, which presented a new experience in the management of the education system in the person of the trustee. As a result, in 1835, all educational districts were withdrawn from the control of universities. Since that time, the activities of the Ministry of Public Education on the opening and organization of real branches have also been intensified. In connection with the dominant agrarian structure of the North-Western Region, the granting of university rights to the Gorygoretsky Agricultural Institute in 1848 was a significant event. For the first time in the history of Russia, the Belarusian Educational District began training engineers for agricultural construction and machine building.

Keywords: higher school, vocational schools, technical education, overproduction crisis, Belarusian educational district.

For citation: Kuksa A. N. Technical education in the Russian Empire at the beginning 19th century (based on the materials of the Belarusian Educational District). *Proceedings of BSTU, issue. 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 17–22. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-3 (In Russian).

Введение. Вопросы организации и деятельности Белорусского учебного округа (БУО) на сегодняшний день достаточно основательно изуче-

ны в отечественной историографии. Изданы обзорные статьи [1], энциклопедические материалы [2] и диссертации [3], но многие оценочные

суждения в соответствии с нынешним состоянием исторической науки и открытием архивных источников требуют уточнений. Оказались неисследованными вопросы уровня практических знаний населения, а также открытия технических отделений в структуре высшей и средней школы. Исследователи, акцентируя внимание читателя на вопросе отсутствия университета в БУО, не указывают на наличие институтов в Вильно, Гродно и Горках, большого количества пансионатов для детей дворян, чем в других учебных округах. Виленский дворянский институт и Горы-Горецкий земледельческий институт в это время получили права университетов. Согласно официальным данным Министерства народного просвещения (МНП), по количеству учащихся БУО стоял на равных позициях с Санкт-Петербургским учебным округом, незначительно уступая только Московскому и Харьковскому. При этом количество технических учебных заведений продолжало оставаться незначительным. Показательна в этом отношении диссертация И. А. Сурниной [4], в которой отмечено желание русских энтузиастов второй половины XIX в. расширить сеть ремесленного и инженерного образования. Достаточно полно при этом раскрыт вопрос организации образования в области сельского хозяйства [5], но не отмечены роль и степень развития его технической и технологической составляющей.

Основная часть. Началом системной работы в области развития образования в Российской империи стало учреждение в сентябре 1802 г. Министерства народного просвещения. В итоге реформы Александра I стала выстраиваться бессословная и преемственная система просвещения. Страна была разделена на шесть учебных округов, в каждом из которых был открыт университет, как высший научный и административный центр данного округа. В 1803 г. был создан Виленский учебный округ. Учебно-методическим и научным центром округа стал Виленский университет. Становление технического образования в это время было связано с продвижением современных языков, истории, математики и естественных наук, которые «тоже заявляли свои права» [6, с. 130].

Первые шаги по развитию высшей технической школы в Российской империи были приняты основанием в 1810 г. Санкт-Петербургского инженерного училища, ставшего в 1855 г. Николаевской инженерной академией. В 1810 г. была открыта Московская практическая коммерческая академия. В академии изучались коммерческая наука, техническая механика, химия, физика и технология, историческая наука, купеческая арифметика и др. Но это были только первые шаги, которые не могли коренным образом изменить систему построения высшей школы Российской империи.

Война 1812 г. подтолкнула русское общество к освобождению от иностранной зависимости. Залогом успеха в этом деле многие рассматривали создание системы подготовки отечественных инженеров. Отправной точкой таких коренных изменений назывался Тильзитский мир. Специфика положения белорусских земель в это время определялась их статусом «возвращенных» из-под польского влияния, в связи с чем российское правительство долгое время сохраняло установленные порядки в Западных губерниях [7, с. 135]. Только после доклада Белорусского генерал-губернатора Хованского Н. Н. о том, что школы «полонизируют молодежь», были проведены структурные изменения. В итоге в декабре 1824 г. учебные заведения Витебской и Могилевской губерний были выведены из Виленского учебного округа под юрисдикцию Санкт-Петербургского университета [8, л. 39].

Наибольшие изменения в системе подготовки специалистов-инженеров произошли в период правления императора Николая I. Будучи инженером по образованию, Николай I, поддерживая не только открытие специальных институтов, но и технических кафедр при университетах, способствовал популяризации инженерного образования. При его поддержке в 1828 г. был открыт Санкт-Петербургский практический технологический институт. В 1830 г. Николай I утвердил положение Московского ремесленного училища. Демонстрируя студентам, как и его предшественники, свое покровительство, он открыл в Санкт-Петербурге в 1835 г. Воскресенский всех учебных заведений Смольный собор [9, с. 108].

Таким образом, в Российской империи в XIX в. были сделаны первые шаги по созданию высшей технической школы. В то же время МНП придерживалось принципа распространения технических знаний соответственно местным условиям. Учитывая то, что в Беларуси не было крупных предприятий (военной, горной и другой направленности), то и нужды открывать за средства государства реальные отделения, по мнению МНП, в аграрном крае не было. Профессор Сенковский О. И., проверяя в 1826 г. учебные заведения белорусских губерний, в отчете среди недостатков обратил внимание на то, что учебные планы двухклассных уездных училищ не предполагали изучение специальных предметов (к примеру, в области земледелия и промышленности). В то же время, по мнению профессора, они были жизненно необходимы для населения, так как могли «поднять уровень его благосостояния». По мнению Л. М. Игнатовец, многие из выводов обследования белорусских губерний были учтены при составлении Устава 1828 г., в котором функции распространения практических знаний были возложены на

уездные училища. В трехклассных уездных училищах предвиделось открыть, с учетом местных нужд, дополнительные курсы, «обеспечивавшие определенному сословию соответствующую профессиональную подготовку» [3, с. 43].

В дополнение к Уставу 1828 г. были изданы особые правила для белорусских губерний, которые входили в состав Санкт-Петербургского учебного округа. В итоге 17 января 1829 г. на базе Витебской и Могилевской губерний был создан Белорусский учебный округ. Но практически тут же произошло польское восстание 1830–1831 гг., которое привело к значительным изменениям в организации системы образования в белорусских губерниях. В первую очередь были проведены административные изменения в построении округов. Так, в 1831 г. к БУО присоединили Минскую губернию, а после расформирования в 1832 г. Виленского учебного округа еще и учебные заведения Виленской и Гродненской губерний, а также Белостокской области. В 1832 г. был закрыт Виленский университет. Это стало важным мероприятием императора Николая I, который отмечал, что не может допустить, чтобы «идеи о присоединении Литвы к Польше могли быть поощряемы» [10, с. 122].

В контексте политики по ослаблению польского влияния значительно ужесточили требования к дворянскому званию в Западном крае. Рост недоверия к дворянам ограничил возможность их поступления в университеты, в связи с чем они начали искать пути выхода из сложившейся ситуации, поступаая в технические учебные заведения, что позволяло посредством государственной службы и сохранить свое положение, и приобрести состояние. Так, Савва Иванович Ярошевич в апреле 1832 г. обратился в Минское дворянское депутатское собрание с ходатайством о причислении его сыновей Николая и Константина к дворянскому роду, так как в связи с их «рождением после декрета» в списки дворян они не были включены. В своем обращении С. И. Ярошевич указывал, что он определен 30 августа 1802 г. и 19 сентября 1825 г. «дворянином и внесен в родословную книгу». Просьба сенатора, члена Виленской и Балтийской комиссий С. И. Ярошевича была удовлетворена. В итоге его сын Николай отбыл в Санкт-Петербургское инженерное училище, «предоставив подлинник на польском диалекте свидетельства о дворянстве от 30 августа 1802 г.» [11, л. 218].

Необходимость усиления позиций государства в Западных губерниях привела к увеличению контингента учителей русского происхождения. В основном приглашенные русские учителя оканчивали Главный педагогический институт и, по мнению попечителя БУО, обладали высоким уровнем знаний. Это было единственное в

Российской империи высшее учебное заведение по подготовке педагогов, в котором большое внимание уделялось точным и естественным наукам, что способствовало открытию реальных отделений в училищах и гимназиях. В БУО в сентябре 1834 г. в Витебске была основана учительская семинария. Курс обучения был 4-летним с изучением истории России «с надлежащим дополнением в отношении к Литовскому краю», русского языка, основ механики, рисования, черчения и др. По мере выпуска учителей предлагалось «заводить светские Приходские училища во всех городах и больших местечках» [12, с. 295] Виленской, Гродненской и Минской губерний.

Летом 1835 г. БУО курировал заместитель МНП граф Н. А. Протасов, который дал высокую оценку организации учебных заведений. Более того, в итоге по примеру БУО последовала «трансформация системы управления округов» Российской империи, так как «опыт управления учебными заведениями посредством университетов доказал неэффективность существовавшей системы управления» [1, с. 18]. Сенат постановил освободить университеты от несвойственной им работы по управлению гимназиями и училищами. В соответствии с новым положением об учебных округах лицеи, гимназии и училища передавались в ведение попечителя. Это решение способствовало расширению научной и учебной деятельности в области технического образования. По Уставу российских университетов 1835 г. на юридических и философских факультетах преподавались дисциплины, способствовавшие развитию технических знаний: камеральные науки, математика, физика, химия, технологии, сельское хозяйство, лесоводство и архитектура. При университетах предвиделось устройство физического и минералогического кабинетов, химической лаборатории, технологического кабинета, собрания машин и моделей для прикладной математики, собрания архитектурных моделей, музей изящных искусств и древностей. Правда, зачастую ввиду отсутствия профессоров многие дисциплины не читались или после ухода специалиста прекращалось их преподавание в университете.

Но в это время акцент был смещен в сторону Киевского учебного округа. В Киеве за счет средств, запланированных на открытие лицея в Орше, был основан университет. В Киевском учебном округе открывалось больше гимназий, но улучшения отмечались и в БУО. На месте Виленского университета продолжили действовать духовная и медицинская академии, правда, последняя вскоре также была перемещена в Киев, став основой медицинского факультета. Вторая Виленская гимназия 2 октября 1838 г. была переименована в Виленский дворянский институт [13, с. 31]. В январе 1839 г. на выпускников

института распространили права университетов при определении на военную службу, а получавшие чин 14-го класса могли определяться в Департаменты министерств, по соглашению с Министрами. В 1846 г. Виленскому дворянскому институту было предоставлено право, наравне с университетами, принимать экзамены у желающих поступить во второй разряд по гражданскому чиновному производству.

На общем фоне повышенного интереса к техническому образованию в Российской империи, с доминирующим аграрным укладом, широко использовалось такое выражение, как «сельскохозяйственная промышленность». Первый шаг к реальному наполнению этого понятия соответствующими специалистами был сделан в 1836 г. в Горках Могилевской губернии путем открытия земледельческой школы, которая с 1840 г. начала подготовку первых учащихся. В это же время были сделаны и первые подвижки в сторону развития технического образования. Реальное отделение было открыто при Виленской гимназии, а в 1842 г. – при Белостокской гимназии. Для увеличения количества технических специалистов и отраслей промышленности в Западных губерниях император в 1846 г. «изволил изъяснить мысль» о преобразовании одного из Виленских училищ в реальную гимназию.

30 июня 1848 г. император Николай I подписал новое положение Горы-Горецкого земледельческого института, которому были предоставлены права университета. Получавшие звание агронома могли экзаменоваться в университетах в магистры по сельскому хозяйству и лесоводству или по технологии [14, с. 75]. Выпускники, по разрешению министра, могли отправляться для повышения знаний за счет государства за рубеж, после чего обязаны были отработать в ведомстве не менее 8 лет. Таким образом, в Российской империи в БУО появился первый вуз по подготовке специалистов для сельскохозяйственной промышленности.

К 1837 г. количество учащихся в Российской империи увеличилось по отношению к 1808 г. более чем в три раза. Статистики МНП разделяли всех учащихся на две категории: изучающих высшие знания, к которым были отнесены университеты, гимназии, лицеи и семинарии, что составляло 44 090 человек, и начальное – 415 486 человек. Практически в два раза больше обучалось на дому. Университеты и лицеи отсутствовали в БУО, но к учреждениям высших знаний, например, за отличное знание русского языка, приравнивались гимназии, дававшие право на чин 14-го класса (и даже 12). Такие мелкие нюансы системы образования приводили к целому ряду заблуждений. Так, институт сельского хозяйства и лесоводства в Маримонте некоторые специа-

листы ошибочно называют первым аграрным вузом в Российской империи, хотя в соответствии с п. 101 Устава от 29 декабря 1857 г. он пользовался всего лишь «общими правами и преимуществами гимназий» [15, с. 21], а прав университетов был удостоен только в 1893 г. благодаря директору В. В. Докучаеву.

Европейские революции 1848–1849 гг. привели к изменениям в системе высшей школы Российской империи. В 1849 г. ректоров и профессоров стал назначать министр просвещения на «неопределенный срок», выборность деканов сохранялась сроком на четыре года, но при необходимости декана также могли назначить. В январе 1850 г. из состава философских факультетов в университетах России были выделены самостоятельные факультеты историко-филологические и физико-математические. Таким образом, в Российской империи произошло сокращение академических свобод, но в то же время был сделан еще один шаг навстречу утверждению технических знаний в университетах.

2 мая 1850 г. Указом Правительствующего Сената «О преобразовании управления Белорусского учебного округа» [16, л. 1–2] Виленская, Гродненская, Минская и Ковенская губернии образовали Виленский учебный округ, а Витебская и Могилевская губернии до октября 1864 г. находились в ведении Санкт-Петербургского учебного округа. По мнению Л. М. Игнатовец, причина ликвидации БУО лежала в политической плоскости. Император, находясь под влиянием европейских революционных событий, стремился таким образом возложить всю полноту ответственности на плечи генерал-губернаторов, так как в 1848–1849 гг. приобрела популярность «идея о необходимости объединения в одном государстве территорий, население которых говорило на одном языке» [3, с. 108].

Заключение. Таким образом, в период императора Николая I российское правительство сделало шаг навстречу техническому знанию, возведя его в ранг наук, преподаваемых в университетах. Открывались реальные отделения (сельскохозяйственные и промышленные) в училищах и гимназиях, в которые могли поступать представители всех сословий. Но, ввиду слабости государственного бюджета, данные мероприятия проводились по принципу «соответствия местным потребностям». Тем не менее на примере белорусских губерний, которые в 1826 г. подверглись специальной проверке, последовало решение, закрепленное в Уставе 1828 г., о расширении количества ремесленных отделений в учебных заведениях. Вслед за этим последовало и открытие БУО, которое административно подчинялось не университету, а попечителю. Данный опыт, как пример положительной практики,

в 1835 г. был распространен на все учебные округа Российской империи. В этот период активизировалась и деятельность по увеличению количества ремесленных училищ и гимназий, открытию технических кафедр в университетах. Наибольшие успехи в подготовке инженеров и техников демонстрировало военное ведомство, но были свои достижения и у других министерств. Так, Министерство внутренних дел добилось придания в 1848 г. Горы-Горечкому земледельческому институту прав университета, что позволило впервые в истории Европы наладить подготовку специалистов в области сельскохозяйственного строительства и машиностроения. В 1840-х гг. МНП начало активно внедрять изученный опыт организации инженерных и сельскохозяйственных отделений в стенах россий-

ских университетов, гимназий и училищ. Широко применялось чтение публичных лекций как в университетах, так и в крупных городах. Но для успеха дела требовались подготовленные педагоги, специальное дорогое оборудование, лаборатории и музеи, что ввиду слабости финансирования системы просвещения так и не позволило достичь коренного перелома в области утверждения технического образования. Не было готово к таким изменениям и общество, скованное системой крепостного права. Более того, кризис перепроизводства товаров 1847 г. в Англии спровоцировал политические волнения 1848–1849 гг., которые повлияли на принятие императором решения об ограничении академических свобод, усилении цензуры и др. Итогом этих событий стало закрытие БУО.

Список литературы

1. Игнатовец Л. М. Белорусский учебный округ: система управления // Ученые записки БГУ. 2011. Т. 12. С. 12–20.
2. Пасэ У. С., Цяплова В. А. Беларуска навукальная акруга // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск: БелЭн., 1993. Т. 1. С. 382–383.
3. Игнатовец Л. М. Белорусский учебный округ: создание и деятельность (1829–1850 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Минск: БГУ, 2013. Л. 43.
4. Сурнина И. А. Частные деловые газеты и журналы в период становления капитализма в России (1857–1865): дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 2021. 458 л.
5. Великанов В. В. Белорусской сельскохозяйственной академии – 180 лет // Весці Нац. акадэміі навук Беларусі. Сер. аграрных навук. 2020. Т. 58, № 4. С. 507–509.
6. Журнал Министерства народного просвещения. 1861. Ч. 114. С. 130.
7. Кузнецова А. В. Создание Белорусского учебного округа // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал. У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2007. С. 135.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2507. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.
9. Журнал Министерства народного просвещения. 1836. № 1. Январь. С. 108.
10. Поливектов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 122.
11. НИАБ. Ф. 319. Оп. 2. Д. 3788. Л. 218.
12. Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. Январь. С. 295.
13. Журнал Министерства народного просвещения. 1838. № 11. Ноябрь. С. 31.
14. Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. 54. С. 75.
15. Журнал Министерства народного просвещения. 1858. Ч. 97. С. 21.
16. НИАБ. Ф. 2254. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–2.

References

1. Ignatovets L. M. Belarusian Educational District: management system. *Uchenyye zapiski BGU* [Scientific notes of BSU], 2011, vol. 12, pp. 12–20 (In Russian).
2. Pase U. S., Tsyaplova V. A. Belarusian Educational District. *Entsyklapedyya gistoryi Belarusi: u 6 t.* [Encyclopedia of the History of Belarus: in 6 vol.]. Minsk, Bel. Entsyklapedyya imya Petrusya Brouki Publ., 1993, vol. 1, pp. 382–383 (In Russian).
3. Ignatovets L. M. *Belorusskiy uchebnyy okrug: sozdaniye i deyatel'nost' (1829–1850 gg.)* [Belarusian Educational District: creation and activity (1829–1850)]. Dissertation PhD (Historical). Minsk, BGU Publ., 2013, s. 43 (In Russian).
4. Surnina I. A. *Chastnyye delovyye gazety i zhurnaly v period stanovleniya kapitalizma v Rossii (1857–1865)* [Private business newspapers and magazines during the formation of capitalism in Russia (1857–1865)]. Dissertation PhD (Philology). Moscow, MGU Publ., 2021. 458 s. (In Russian).
5. Velikanov V. V. The Belarusian Agricultural Academy is 180 years old. *Vestsi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi* [Vesti National Academy of Sciences of Belarus], series Agraricual Sciences, 2020, vol. 58, no. 4, pp. 507–509 (In Russian).
6. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1861, ch. 114, p. 130 (In Russian).

7. Kuznetsova A. V. Creation of the Belarusian Educational District. *Pratsy gistarychnaga fakul'teta BDU* [Proceedings of the Faculty of History]. Minsk, BDU Publ., 2007, p. 135 (In Russian).
8. Natsional'nyy historicheskiy arkhiv Belarusi [National Historical Archive of Belarus] (NHAB). Fund. 2507. I. 1. F. 5.
9. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1836, no. 1, January, p. 108 (In Russian).
10. Polievktov M. A. *Nikolay I. Biografiya i obzor tsarstvovaniya* [Nicholas I. Biography and review of the reign]. Moscow, 1918, p. 122 (In Russian).
11. NHAB. Fund. 319. I. 2. F. 3788 (In Russian).
12. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1834, no. 1, January, p. 295 (In Russian).
13. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1838, no. 11, November, p. 31 (In Russian).
14. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1848, ch. 54, p. 75 (In Russian).
15. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1858, ch. 97, p. 21 (In Russian).
16. NHAB. Fund. 2254. I. 1. F. 166 (In Russian).

Информация об авторе

Кукса Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История». Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр. Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: akuksa@bntu.by

Information about the author

Kuksa Alexander Nikolaevich– PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220013, Republic of Belarus). E-mail: akuksa@bntu.by

Поступила 05.09.2023

УДК 376.74-054.57

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**ЕВРЕЙСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В БЕЛАРУСИ И ИХ УЧИТЕЛЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В статье рассматривается развитие еврейских учебных заведений в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Подчеркивается, что система еврейского образования развивалась на двух уровнях – религиозном и светском. Религиозное осуществлялось в рамках традиционных учебных заведений (хедеры, Талмуд-Торы), а светское – в государственных, общественных, частных школах. Его развитие регламентировалось законодательными актами Российской империи. Кроме этого, дети могли обучаться в общих учебных заведениях (средняя и высшая школа), а также получать профессиональное образование. Дается характеристика направлениям государственной образовательной политики в пределах «черты оседлости», которая должна была учитывать наличие многонационального и поликонфессионального состава населения империи. Уделяется внимание численности, правовому и материальному положению еврейского учительства, его образовательному уровню, гендерному составу и др. Выводы, сделанные автором, базируются на анализе нормативно-правовой базы, статистических данных, архивных источников, дореволюционной историографии.

Ключевые слова: национальная школа; еврейские учебные заведения; Виленский учебный округ; Виленский еврейский учительский институт; хедеры; Талмуд-Торы; ешиботы; меламед; учительство.

Для цитирования: Острога В. М. Еврейские учебные заведения в Беларуси и их учителя (вторая половина XIX – начало XX в.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 23–29. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-4.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**JEWISH EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN BELARUS AND THEIR TEACHERS
(SECOND HALF OF THE 19 – BEGINNING OF THE 20 CENTURY)**

The article examines the development of Jewish educational institutions in Belarus in the second half of the 19th – early 20th century. It is emphasized that the Jewish education system developed at two levels – religious and secular. Religious activities were carried out within the framework of traditional educational institutions (cheders, Tal-mud-Torah), and secular activities were carried out in state, public, and private schools. Its development was regulated by legislative acts of the Russian Empire. In addition, children could study in general educational institutions (secondary and higher schools), as well as receive vocational education. The characteristics of the directions of state educational policy within the «Pale of Settlement» are given, which should have taken into account the presence of a multinational and multi-confessional composition of the population of the empire. Attention is paid to the number, legal and financial situation of the Jewish teaching staff, its educational level, gender composition, etc. The conclusions made by the author are based on an analysis of the legal framework, statistical data, archival sources, and pre-revolutionary historiography.

Keywords: national school; Jewish educational institutions; Vilna educational district; Vilna Jewish Teachers' Institute; headers; Talmud Torah; yeshivot; melamed; teaching.

For citation: Ostroga V. M. Jewish educational institutions in Belarus and their teachers (second half of the 19 – beginning of the 20 century). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, no. 2 (275)*, pp. 23–29. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-4 (In Russian).

Введение. В XIX в. правительство проводит государственные реформы и открывает доступ детям евреев к светскому образованию. В первой половине XIX в. с целью ослабления влияния на еврейское население традиционного образования в хедерах начинают создаваться государственные учебные заведения. В противовес

существовавшему религиозному воспитанию царское правительство стремилось унифицировать обучение евреев путем введения системы общего светского просвещения. Такая установка была принята неоднозначно: выходцы из состоятельных семей стремились получить среднее и высшее образование в государственных учреждениях, а

более бедные слои являлись сторонниками традиционной школы. В этой связи актуальность представляют направления государственной политики по развитию системы образовательных учреждений для еврейского населения, а также подходы к решению их кадрового обеспечения.

Основная часть. Еще в 1840-х гг. вырабатывается система образования для евреев, которая преследовала цель постепенной замены самостоятельной национальной школы казенными еврейскими училищами и учителями, получившими подготовку в еврейских учительских институтах. Согласно закону, «дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, в общих казенных учебных заведениях и частных училищах», для образования еврейского юношества было разрешено также иметь особые училища и учителей. В 1844 г. был принят указ об учреждении особых училищ для образования еврейского юношества, согласно которому разрешалась деятельность 4 типов еврейских учебных заведений: 1) училища, открытые с разрешения Министерства народного просвещения; 2) Талмуд-Торы, или училища для бедных и сирот; 3) училища, открываемые меламедами; 4) ешиботы, цель которых – предоставление высшего талмудического образования [1, с. 2209–2215]. По официальным данным, более половины хедеров было закрыто в течение первого десятилетия и определялся срок (1875 г.) для окончательной ликвидации остальных.

Так, для обучения еврейских детей в Гродненской губернии первое казенное училище было открыто в Гродно 9 января 1849 г., с 1853 г. действовали училища в Белостоке, Слониме и Бресте, с 1854 г. – в Волковыске, Пружанах, а также еще одно в Гродно. Кроме названных училищ работали и талмудические школы – ешиботы. Само Министерство просвещения позже признало, что опыт насаждения казенных еврейских училищ оказался неудачным: эти школы не приобрели доверия и расположения со стороны местного населения: попытка правительства «дать еврейским детям первоначальное русское образование встречена была еврейскою массою крайне несочувственно, и казенные еврейские училища в Гродненской губернии успеха не имели» [2, с. 83.]

В 1865 г. для всего трехмиллионного еврейского населения России действовало лишь 121 казенное училище с 5624 учащимися (обучалась лишь 1/20 часть детей школьного возраста). Следует также отметить, что данная система могла развиваться только за счет особых сборов с евреев, которые, как показала практика, были для них очень «тягостными» [3, с. 169]. Эти особые сборы – коробочные или кружечные – были

предназначены для удовлетворения их общественных потребностей, в том числе шли и на содержание еврейских учебных заведений. Более того, взимался еще и свечной сбор, который направлялся на содержание казенных училищ. По делам еврейских учебных заведений при министре народного просвещения и попечителях учебных округов состояли так называемые Ученые Евреи «для необходимых объяснений по предметам чисто еврейским» [4, с. 113].

По существовавшим законам, дети евреев могли быть «принимаемы и обучаемы без всякого различия от других детей, в общих казенных учебных заведениях и частных училищах». Также для образования юношей разрешалось создавать особые училища со своими учителями. В соответствии с утвержденными 12 апреля 1868 г. правилами для специальных испытаний, свидетельства на звание учителя во всех учебных заведениях выдавалось только лицам, имеющим право быть учителем в этих учебных заведениях. Евреи же, по существующему законодательству, могли обучать только своих единоверцев. Им выдавались свидетельства на звание учителя начального еврейского училища по положению 1873 г. (после прохождения курса и успешной сдачи экзаменов в Еврейском учительском институте) или же частного начального и домашнего учителя [5, л. 4].

В 1873 г. было утверждено новое «Положение о еврейских начальных училищах», целью которых было «доставлять детям евреев правильное элементарное образование и, по возможности, сообщать прикладные познания, соответствующие нуждам местного еврейского населения». Они находились в ведении попечителя Виленского учебного округа и «в ближайшем заведывании» дирекциями народных училищ. Полный курс обучения в одноклассных и двухклассных училищах составлял 6 лет. При каждом одноклассном училище полагался один учитель и один помощник, а при двухклассном – два учителя. Если в одноклассном училище или первом классе двухклассного училища было более 50 учеников, то полагалось еще по одному помощнику. При этих училищах открывались также и «приготовительные» классы. Если здесь обучалось более 50 учеников, то на каждые следующие 30 человек полагалась дополнительная ставка учителя [6, с. 2216–2221].

Учителями еврейских начальных училищ, их помощниками и учителями «приготовительных» классов назначались только лица, окончившие полный курс обучения в еврейских учительских институтах. Утверждение на должность осуществлялось по представлению директоров учительских институтов попечителем округа. В случае свободных вакансий попечитель

округа имел право назначать на должности наряду с учителями иудейского вероисповедания и лиц христианского вероисповедания, которые имели право на преподавание в городских училищах, причем «учащие в приготовительных классах должны были понимать еврейский жаргон».

В «приготовительные классы» училищ принимались дети 6–10 лет без приемных испытаний, обучение было бесплатным. В «приготовительном» классе преподавались русские чтение и письмо, азы арифметики (счет до 100), древнееврейский язык и объяснение первой книги Моисеева пятикнижия; в одновласных – русский язык, чтение, письмо, упражнения по орфографии, арифметика и чистописание, в двухклассных – дополнительно к названным предметам краткая история и география, преимущественно России. Кроме общих предметов, преподавались «еврейские предметы: древнееврейский язык, еврейский закон веры, библейская история и объяснение важнейших молитв». Все предметы преподавались на русском языке. Согласно «Положению», учителя-евреи вели все предметы, а за «еврейские» полагалось «особое вознаграждение». Заведующие училищами являлись и начальниками приготовительных классов. На них лежала ответственность за благосостояние училищ и ход учебно-воспитательного процесса: о состоянии дел в училищах вышестоящему начальству заведующие училищами предоставляли ежегодные отчеты. Штатные учителя и их помощники, согласно закону, состояли на действительной государственной службе и пользовались теми же правами, какие предоставлялись штатным учителям городских училищ и их помощникам [6, с. 2218]. Учителя всех казенных еврейских учебных заведений имели право носить мундирные фраки и сюртуки.

В 1873 г. для подготовки преподавателей начальных еврейских училищ на средства еврейской общины был открыт Виленский еврейский учительский институт. Обучение в нем велось на русском языке. Выпускники имели право преподавать только в еврейских начальных училищах. Численность учащихся в институте составляла около 60 человек. Содержался институт за счет свечного налога (сбора) еврейских религиозных общин. Курс обучения был 4-летний, в то время как в христианском – 3-летний. Это объяснялось тем, что к обычному плану добавлялись такие предметы, как еврейский язык. Еврейский закон веры, библейская история и история евреев после библейского периода и другие предметы религиозного культа. Кроме директора, в институте был инспектор, который являлся непосредственным помощником по учебно-воспитательной и административной части. При учительском институте действовало еврейское

начальное училище с «приготовительным» классом для прохождения педагогической практики [7, с. 39.]

Долгое время вопрос об открытии частных еврейских училищ оставался неразрешенным. На практике эти учебные заведения открывались как по закону 13 ноября 1844 г. об учреждении для образования еврейского юношества в особых училищах, так и по положению 19 февраля 1868 г. об общих частных училищах. Согласно дополнениям к законодательству (1894 г.), еврейскому населению было разрешено повсеместно создавать частные учебные заведения всех типов «соответственно образовательному цензу лиц, желающих открыть таковые». Учреждался также порядок учреждения и надзора за такими учебными заведениями. В целях развития профессионального образования разрешалось открытие ремесленных и профессиональных классов при существовавших училищах на правах частных учебных заведений [8, л. 2].

С 1883 г. прекращается открытие казенных еврейских училищ. Национальное движение среди евреев в 1890-х гг. выдвинуло вопрос о дальнейшем развитии национальной школы. «Талмуд-Тора была заключена уже в рамках министерским уставом и была под действительным надзором инспекции народных училищ; из нее национальной школы сделать было невозможно, и вот взоры сионистов обращаются к... хедеру» – еврейской религиозной начальной школе, где изучалось Священное писание и молитвы [3, с. 171]. На территории Беларуси хедеры (как частные, так и общественные) были самыми распространенными учебными заведениями для детей евреев. В хедерах, которые, как правило, располагались непосредственно в комнате учителя (меламеда), вводилось обязательное изучение Торы для будущих членов общины, что давало возможность сохранять и передавать еврейскую традицию. Согласно данным переписи 1897 г., в Гродненской губернии существовало 698 хедеров, в Минской – 977, Могилевской – 882, Витебской – 499, в которых обучалась 29 669 учеников (из них 17% дети зажиточных родителей, 55% – представителей средних слоев и 28% – из бедных семей). Больше всего было мелких хедеров, в которых обучались 10–12 детей. Установлены были правила надзора за хедерами, которые сводились к тому, что меламед должен был каждый год брать у инспектора свидетельство на право преподавания. В 1893 г. был принят особый закон о частных учителях еврейского закона веры – меламедах и содержимых ими хедерах, согласно которому каждый учитель, занимающийся обучением детей закону их веры, а также чтению и письму, в частных школах

или в частных домах (квартирах), обязан был иметь меламедское свидетельство. Выдавалось оно на один год директором или инспектором народных училищ, причем никаких дополнительных испытаний не проводилось, учебному начальству предстояло только «удостовериться в благонадежности просителя путем сношения с подлежащим гражданским начальством». Местные чиновники и раввины осуществляли наблюдение за работой меламедов [4, с. 115].

Но открытие частных учебных заведений было часто сопряжено с определенными трудностями. Так, Ш. Б. Стерин после окончания в 1909 г. Гродненских педагогических курсов и получения свидетельства на звание учителя стал «ходатайствовать» перед управлением Виленского учебного округа об открытии в его родном городе Чечерске Могилевской губернии «с еврейским населением в 500 человек» училища. На реализацию задуманного ушло практически 3 года, из них целый год учебное начальство наводило справки о том, нуждается ли данная местность в новом учебном заведении. Когда же разрешение было получено, принять на обучение смогли только 47 детей. Как вспоминал учитель, «за недостатком помещения я не мог удовлетворить просьбы всех родителей». Было также отказано и многим детям бедных родителей [9, с. 72, 74].

Вместе с тем еврейских школ, государственных и частных, в Беларуси было недостаточно. В среднем одна школа приходилась на 5525 детей. Традиционные учебные заведения оставались достаточно распространенной формой образования в силу приверженности еврейского народа к религиозным корням и национальным традициям. Неудовлетворенность хедерным образованием, а также государственным вела к созданию общественных школ для всех слоев еврейского населения. На рубеже веков в Беларуси был 1731 хедер, где училось 19 648 учеников. Государственных школ было 44 (4693 учащиеся). В 84 частных и общественных школах занимался 10041 ученик (1918 мальчиков и 8123 девочек) [10, с. 16].

По данным однодневной переписи начальных школ 1911 г., всего в Виленском учебном округе действовало 157 государственных начальных еврейских учебных заведений в городах и 66 в сельской местности. Размещались они в основном в наемных помещениях. Но не все дети могли посещать школу: 4333 учащимся (2105 мальчикам и 2228 девочкам) было отказано в приеме, в том числе «по тесноте помещения» в качестве основной причины [11, с. 8]. Например, в 1894 г. в Минской губернии воспитанники хедера составляли 66,3%, в Гродненской – 64% от всего контингента детей школьного

возраста (родители доверяли хедеру по религиозным соображениям, большую роль играла давняя традиция, евреям тяжело было поступить в общие школы и городские училища). Данные переписи свидетельствуют о том, что с 1894 по 1911 г. значительно сокращается число хедеров (с 4291 с 45 758 учащимися по Виленскому учебному округу до 1940 с 36 106 учащимися). Но значительно увеличивается число общеобразовательных еврейских начальных школ и количество их учащихся: в 1894 г. – 86 школ с 8981 учеником, в 1911 г. – 143 школы с 19 864 учащимися. Также заметно увеличилось число детей-евреев в русских начальных школах [11, с. 21].

Согласно переписи 1911 г., во всех типах казенной еврейской начальной школы работали 516 учителей, из них 401 – в городских учебных заведениях и 115 – в сельских. Среди них 197 – женщины. Примерно $\frac{3}{4}$ мужчин состояли в браке, замужних женщин-учительниц было мало. Что касается образовательного ценза, то, например, среди учителей двухклассных казенных училищ среднее светское образование имели 85,7% женщин и 0,7% мужчин, в одноклассных же 83,3% – женщины и 5,4% – мужчины, в общественных и частных учебных заведениях – 71,3% женщин и 1,7% мужчин. Среднее специальное педагогическое образование получили исключительно учителя-мужчины (самый высокий показатель в 82,8% – «учащие» двухклассных училищ). Низшее домашнее образование в основном имели учителя-мужчины частных еврейских училищ. Интерес представляет также и среднее годовое содержание учащихся – «жалование». В еврейских городских казенных двухклассных училищах для мужчин оно составляло 687 руб., в сельских – 548 руб., женщины получали лишь 307 руб. Содержание учителя одноклассного училища было меньшим и составляло 550 руб. Самый низкий оклад получали учителя частных учебных заведений: мужчины в среднем 357 руб. и женщины – 285 руб. Кроме этого, примерно 43% учителей еврейских казенных и народных училищ и 9,4% общественных и частных училищ располагали «готовыми квартирами». «Квартирные деньги» на съем жилья в размере около 83 руб. в год выделялись практически только учителям казенных и народных училищ [11, с. 12, 14, 15, 17].

Современники отмечали, что «в глубине еврейской психики еще испокон веков сложился возвышенный образ учителя – ребе, и при всем своем практицизме и житейской снисходительности, эта масса... очень требовательна к своим учителям». «Своим более широким образованием и возвышенностью души учитель должен подниматься над окружающей средой, импонировать ей, вызывая уважение и доверие к себе и к школе» [12, с. 21].

В конце XIX – начале XX в. возникают учительские общества взаимопомощи. В 1913 г. в Виленском учебном округе действовало 7 таких обществ «учащих и учивших в начальных училищах». Их задачи состояли в оказании денежной помощи как самим учителям, так и вдовам учителей, организации для детей-воспитанников средних учебных заведений общежитий, выдачи ссуд и пособий. Так, в 1913 г. общество еврейских учителей располагало собственными средствами, которые формировались путем членских взносов и пожертвований, запасный капитал составлял 877 руб. 20 коп, расходный – 2905 руб. 28 коп.» [13, с. 139].

С развитием капитализма возникла необходимость развития не только общего, но и профессионального образования, которое евреи получали в ремесленных училищах, ремесленных классах и учебных мастерских. В 1879 г. открылось старейшее ремесленное училище в Минске, в 1897 г. – частное еврейское училище в Витебске. Наряду с начальным образованием, здесь велось обучение столярному и слесарному ремеслам. В начале XX в. начинает свою деятельность одно из крупнейших Бобруйское еврейское ремесленное училище, а затем открываются Могилевское, Гродненское. Пинское и Чаусское училища. Быстрое развитие профессионального образования «свидетельствовало об активной позиции еврейской общественности и наличии у нее необходимых средств на учреждение учебных заведений данного типа в соответствии с уставом 1889 г.» [14, с. 55]. Данные училища существовали, как правило, за счет добровольных сборов, частных пожертвований и субсидий различных обществ.

Что касается развития среднего образования, то следует отметить, что с 1840-х гг. для евреев законом была установлена даже частичная обязательность образования: «обучение детей евреев-купцов и почетных граждан в общих казенных учебных заведениях, а где таковых нет, в еврейских казенных училищах, обязательно». В 1960 г. особым циркуляром министерства было разъяснено, что «правительство не обязывает евреев в прохождении полного гимназического курса, и что они могут ограничиваться образованием в объеме курса уездных училищ» [4, с. 113]. До 1885 г. евреи, согласно закону, принимались в средние учебные заведения на одинаковых с христианами условиях. Современники справедливо отмечали, что «стеснения» в области гимназического образования начались для евреев одновременно с движением против демократизации средней школы и страхом перед революционным движением. 10 июля 1887 г. был издан циркуляр Министерства народного просвещения, который устанавливал процентную норму приема еврейских детей в государственные средние учебные

заведения: 3% для столиц, 5% для местностей вне черты оседлости и 10% для черты оседлости. Попечительские отчеты содержат точные данные относительно числа детей, которые выдержали приемные испытания в гимназии и реальные училища, но не были приняты в эти учебные заведения. Примечательно, что в этих отчетах в данную категорию входили «по преимуществу или даже исключительно евреи». При этом количество «отказов» из года в год в Виленском учебном округе прогрессировало: в 1890 г. – 85, 1895 г. – 139, 1904 г. – 464. Таким образом, за 15 лет (1890–1904) не были зачислены в средние учебные заведения (гимназии, прогимназии и реальные училища) 3479 человек. Из этой статистики видно, «сколько молодых жизней приносится в жертву ограничительных мер» [15, с. 112–113]. В начале XX в. были введены новые процентные нормы: в правительственные средние учебные заведения всех ведомств определялись в размере 5% от общего числа учащихся в столичных учебных заведениях, 10% в учебных заведениях остальных местностей империи, вне черты еврейской оседлости, и 15% в районе означенной оседлости [16, л. 26].

Заключение. Таким образом, в культурном наследии евреев Беларуси важное место принадлежит национальному образованию, на формирование которого оказывали значительное влияние традиции и религия. Образование определялось государственной политикой, которая во многом была непоследовательной и противоречивой. Особенности национального состава населения белорусских губерний (согласно данным переписи населения 1897 г., евреи составляли 13%) и развитие национального в конце XIX – начале XX в. движения обусловили необходимость создания определенной системы учебных заведений. Обучение евреев в Беларуси в рассматриваемый период включало начальное образование, обучение в средних учебных заведениях и профессиональное образование. Ограничения приема иудеев в средние и специальные школы, а также наличие религиозных традиций стимулировали создание обособленных учебных заведений. Еврейское население смогло оставить для себя первоначальное религиозное (национально-обрядовое) обучение своих детей в хедерах, где учителями являлись мелаеды. Сторонники светской школы, которые увидели в мероприятиях правительства не заботу о просвещении евреев, а их быстрейшую ассимиляцию, выдвинули идею национальной школы, где бы сочетались элементы светского и традиционного воспитания. В конце XIX – начале XX в. это вело к «сближению взглядов ортодоксов и просветителей на национальное образование и стремление представителей обоих направлений создать новую школу» [17, с. 87].

Список литературы

1. О еврейских школах // Настольная книга по народному образованию. В 3 т. Т. 3 / сост.: Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб.: Т-во «Знание», 1901. С. 2216–2221.
2. Солоневич Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования (1802–1902). Гродно: Губ. тип., 1901. 106 с.
3. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М.: Польза, 1912. 224 с.
4. Фальборк Г. Народное образование в России. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, Б. г. 263 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 476. Оп. 1. Д. 14. Циркуляры попечителя Виленского учебного округа.
6. Положение о еврейских начальных училищах, утвержденное 4 марта 1873 г. // Настольная книга по народному образованию. В 3 т. Т. 3 / сост.: Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб.: Т-во «Знание», 1904. С. 2209–2215.
7. Кравцов А. И. Педагогическое образование в Белоруссии в дооктябрьский период // Ученые записки. Минск, 1958. Вып. 1. С. 3–63.
8. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 341. Циркуляры попечителя Виленского учебного округа об открытии частных еврейских училищ.
9. Стерин Ш. Б. История открытия одной школы // Вестник еврейского просвещения. СПб.: Общество распространения просвещения между евреями в России, 1914. № 27. С. 72–74.
10. Герасимова И. П. Еврейское образование в Белоруссии в XIX – начале XX в. и отношение к нему российского самодержавия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1996. 23 с.
11. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Выпуск VIII. Виленский учебный округ / под ред. В. И. Покровского. СПб.: Т-во «Екатеринбургское Печатное Дело», 1914. 134 с.
12. Кантор Е. Д. Роль еврейского народного учителя в школе и жизни // Вестник еврейского просвещения / ред. Я. Б. Эйгер. СПб.: Общество распространения просвещения между евреями в России, 1914. № 27. С. 16–24.
13. Лукашевич Ф. Учительская взаимопомощь в Виленском учебном округе // Народное образование в Виленском учебном округе. 1913. № 2. С. 138–223.
14. Новик Н. Ремесленные учебные заведения в системе профессионального образования в Беларуси (XIX – начало XX в.) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2010. С. 53–58.
15. Гольдберг Г. Закон и жизнь // Русская школа. 1915. № 5/6. С. 102–117.
16. НИАБ. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 220. Распоряжения правительства и начальства, циркуляры МНП.
17. Герасимова И. П. Государственные реформы в области еврейского образования и отношение к ним еврейского общества Беларуси в XIX – начале XX в. // Культурна-нацыянальныя працэсы на Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: зб. навук. прац / пад рэд. М. Забайскага і І. Канапацкага. Мінск: БДПУ імя Максіма Танка, 1998. С. 70–88.

References

1. On teachers' seminars under the regulations of 1870. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu. V 3 t. T. 3* [Handbook of popular education. In 3 vol. Vol. 3]. Comp.: G. Fal'bork, V. Charnoluskiy. St. Petersburg, T-vo «Znanie» Publ., 1901, pp. 2216–2221 (In Russian).
2. Solonevich L. M. *Kratkiy istoricheskiy ocherk Grodnenskoy gubernii za sto let yeye sushchestvovaniya (1802–1902)* [A brief historical sketch of the Grodno province for a hundred years of its existence (1802–1902)]. Grodno, Gub. tip. Publ., 1901. 106 p. (In Russian).
3. Chekhov N. V. *Narodnoye obrazovaniye v Rossii s 60-kh godov XIX veka* [Public education in Russia since the 60s of the 19th century]. Moscow, Pol'za Publ., 1912. 224 p. (In Russian).
4. Fal'bork G. *Narodnoye obrazovaniye v Rossii* [Public education in Russia since the GOS of the 19th century]. St. Petersburg, Izd-vo O. N. Popovoy Publ., without a year. 263 p. (In Russian).
5. National Historical Archive of Belarus (NHAB). Fund 476. I. 1. F. 14.
6. On teachers' seminars under the regulations of 1870. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu. V 3 t. T. 3* [Handbook of popular education. In 3 vol. Vol. 3]. Comp.: G. Fal'bork, V. Charnoluskiy. St. Petersburg, T-vo «Znanie» Publ., 1901, pp. 2209–2215 (In Russian).
7. Kravtsov A. I. Teacher education in Belarus in the pre-October period. *Uchenyye zapiski* [Scientific notes]. Minsk, 1958, issue 1, pp. 3–63 (In Russian).
8. NHAB. Fund 458. I. 1. F. 341.
9. Sterin Sh. B. The story of the opening of one school. *Vestnik yevreyskogo prosveshcheniya* [Bulletin of Jewish Education]. St. Petersburg, Obshchestvo rasprostraneniya prosveshcheniya mezhdu yevreyami v Rossii Publ., 1914, no. 27, pp. 72–74 (In Russian).

10. Gerasimova I. P. *Evreyskoye obrazovaniye v Belorussii v XIX – nachale XX v. i otnosheniye k nemu rossiyского samoderzhaviya. Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Jewish education in Belarus at 19th – early 20th century and the attitude of the Russian autocracy towards him. Abstract of thesis PhD (Historical)]. Minsk, 1996. 23 p. (In Russian).
11. *Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda. Vypusk VIII. Vilenskiy uchebnyy okrug* [One-day census of primary schools in the Empire, taken on 18 January 1911. Issue VIII. Vilna educational district]. Ed. by V. I. Pokrovsky. St. Petersburg, T-vo "Ekateringorskoye Pechatnoye Delo" Publ., 1914. 134 p. (In Russian).
12. Kantor E. D. The role of the Jewish folk teacher in schoolland life. *Vestnik yevreyskogo prosveshcheniya* [Bulletin of Jewish Education]. St. Petersburg, Obshchestvo rasprostraneniya prosveshcheniya mezhdu yevreyami v Rossii Publ., 1914, no. 27, pp. 72–74 (In Russian).
13. Lukashevich F. Teacher mutual assistance in the Vilna educational district. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilna educational district], 1913, no. 2, pp. 138–223 (In Russian).
14. Novik N. Craft educational institutions in the vocational education system in Belarus (19th – early 20th century). *Gistarychna-arkhealagichny zbornik* [Gistarychna-archaealagic collection]. Minsk, 2010, pp. 53–58 (In Russian).
15. Gol'dberg G. Law and life. *Russkaya shkola* [Russian School], 1915, no. 5/6, pp. 102–117 (In Russian).
16. NHAB. Fund 2623. I. 1. F. 220.
17. Gerasimova I. P. State reforms in the field of Jewish education and the attitude of the Jewish society of Belarus towards them at 19th – early 20th centuries. *Kul'turna-nytsyyanal'nyya pratsesy na Belarusi u drugoy palove XIX – pachatku XX st.: zb. navuk. prats* [Cultural and cultural processes in Belarus from the other half of the 19th century to the beginning of the 20th century: collection of scientific papers]. Minsk, BDPU imya Maksima Tanka Publ., 1998, pp. 70–78 (In Russian).

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 15.09.2023

УДК 94(476)“1917”

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**ТОРЖЕСТВО И ПРЕВРАТНОСТИ СВОБОДЫ В БЕЛАРУСИ
ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

В статье отражены особенности правового положения населения неоккупированных губерний Беларуси к началу четвертого года мировой войны. Показаны результаты внутренней политики Временного правительства, связанной с обеспечением граждан Российской империи, в том числе Беларуси, широких гражданских свобод и избирательных прав. Обращено внимание на процесс обретения жителями Беларуси и солдатами Западного фронта свободы печати, союзов, собраний, а также их (свобод) использование для достижения корпоративных и общественных целей в первые месяцы после Февральской революции. Сделан акцент на негативных последствиях осуществления гражданских прав и свобод в процессе демократизации вооруженных сил, политизации общественной жизни, экономической политики Временного правительства, популяризации радикальных идей на фронте и в тылу летом – осенью 1917 г.

Ключевые слова: мировая война, царизм, Беларусь, военно-полицейский режим Февральская революция, Временное правительство, свобода слова, свобода печати, свобода союзов, свобода собраний, избирательные права, Советы рабочих и солдатских депутатов, профессиональные союзы, политические партии, национальное движение.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Торжество и превратности свободы в Беларуси после Февральской революции 1917 г. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 30–36. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-5.

N. Ye. Semenychk

Belarusian State Technological University

**THE TRIUMPH AND VICISSITUDES OF FREEDOM
IN BELARUS AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917**

The article reflects the peculiarities of the legal status of the population of the unoccupied provinces of Belarus by the beginning of the fourth year of the World War. The results of the internal policy of the Provisional Government related to the provision of broad civil liberties and electoral rights to citizens of the Russian Empire, including Belarus, are shown. Attention is drawn to the process of gaining freedom of the press, unions, assemblies by residents of Belarus and soldiers of the Western Front, as well as their (freedoms) use to achieve corporate and public goals in the first months after the February Revolution. Emphasis is placed on the negative consequences of the exercise of civil rights and freedoms in the process of democratization of the armed forces, politicization of public life, economic policy of the Provisional Government, popularization of radical ideas at the front and in the rear in the summer-autumn of 1917.

Keywords: world War, tsarism, Belarus, military-police regime, February Revolution, Provisional Government, freedom of speech, freedom of the press, freedom of unions, freedom of assembly, electoral rights, Councils of Workers' and Soldiers' Deputies, trade unions, political parties, national movement.

For citation: Semenychk N. Ye. The triumph and vicissitudes of freedom in Belarus after the February Revolution of 1917. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 30–36. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-5 (In Russian).

Введение. С советских времен в отечественной историографии закрепилось представление о Февральской революции как о «прелюдии» Октября, поэтому все, что с ней было связано, отражалось с целью умаления ее значимости в истории Российской империи (с 1 сентября 1917 г. республики). Между тем хорошо известно, что 12 марта (27 февраля) 1918 года в РСФСР, СССР и БССР вплоть до 1929 отмечался День низвержения самодержавия, и он, особенно в Бела-

руси, фактически имел статус Праздника Свободы в память о небывалом подъеме демократии и веры в светлое будущее.

Основная часть. С началом войны России против Германии и ее союзников использование политически активной частью населения «дарованных» свобод слова, печати, собраний, союзов значительно осложнилось. В силу законов военного времени партии и профсоюзы прекратили легальную деятельность. На предприятиях

оборонного значения запрещались забастовки. Крестьянское движение снизошло до единичных выступлений. Для евреев существовали ограничения на выезд в российские губернии, а также запрет на занятость в организациях Всероссийских земского (ВЗС) и городского (ВСГ) союзов.

Местная пресса подверглась не только военной, но и политической цензуре. В прифронтовой зоне, а также в армии запрещалась почтовая переписка на немецком, еврейском и латышском языках. Каких-либо коллизий, угрожавших стабильности власти и фронта, здесь не наблюдалось. О неблагополучии в верхних эшелонах власти можно было судить по газетам со стенограммами заседаний Государственной Думы с критикой правительства. Когда по стране разнеслась весть о победе 27 февраля 1917 г. вооруженного восстания в Петрограде, авторитет Думы только возрос.

Николай II в Манифестах от 2 марта 1917 г. утвердил состав нового кабинета министров и объявил об отречении от трона. С подписания этих документов начался временной отсчет России, свободной от самодержавия. 3 марта Временное правительство как высший орган государственной власти в своей Декларации заявило об амнистии, предоставлении свобод, отмене разного рода ограничений, замене милиции полицией, подготовке к созыву Учредительного собрания и др. [1].

Отречение царя освободило вооруженные силы от данной ему присяги и в условиях войны ускорило поддержку ими нового правительства. Церковные иерархи также выступили с призывами к верующим о его поддержке.

6–10 марта в городах Беларуси новые власти совместно с лидерами общественных организаций и при участии милиции осуществили празднование Дня Свободы. Среди лозунгов на транспарантах и знаменах самыми популярными являлись «Свобода», «Учредительное собрание» и «Демократическая Республика».

С первых чисел марта осуществлялась замена полиции народной милицией. Характерно, что из-за отсутствия желающих служить некоторое время в ее рядах числились чины прежней полиции. Что касается чинов жандармерии, то в Беларуси часть их пополнила военную контрразведку, а годные для военной службы были мобилизованы в армию.

В числе тех, кто получил реальную свободу, следует назвать тюремных узников. 5 марта главнокомандующий армиями Западного фронта (главкозп) генерал Эверт А. отдал приказ губернским комиссарам «освободить политических» [2, л. 4]. С учетом того, что таковых в белорусских тюрьмах не содержали, то стали

освобождать осужденных по административным и даже уголовным статьям, прежде всего тех, кто высказал желание пойти на фронт. В результате тюрьмы почти опустели.

Информационные средства прифронтовых губерний оставались под полным контролем военных властей. 4 марта генерал А. Эверт отдал приказ об отмене политической цензуры, а через неделю начался допуск в армию «всяких произведений печати» [3].

Провозглашенная Временным правительством свобода союзов в первую очередь легализовала в Беларуси деятельность подпольных партийных групп. Затем стали возрождаться прежние и создаваться новые профсоюзные организации. Одновременно их лидеры, главным образом бундовцы, а также служащие ВЗС и ВСГ, приступили к созданию Советов рабочих депутатов (РД). В большинстве городов возникли Советы солдатских депутатов (СД) и затем объединились с Советами РД. Советы крестьянских депутатов (КД) создавались по инициативе земских служащих, правительственных органов и партийных деятелей. При этом параллельно и совершенно свободно шло создание партийных, молодежных и женских, национальных и других организаций. В этом смысле население Беларуси, беженцы, военнослужащие, рабочие и служащие ВЗС, ВСГ, Земгора и т. д. представляли собой благодатную среду.

С возникновением Советов ими был налажен выпуск печатных органов (Бобруйск, Быхов, Витебск, Гомель, Горки, Дисна, Минск, Мозырь, Мстиславль, Орша, Полоцк, Речица, Рогачев, Чериков). На протяжении весны – осени действовали органы печати социал-демократов (Минск, Витебск, Бобруйск, Гомель); бундовцев (Минск); большевиков (Минск); эсеров (Минск); народных социалистов (Витебск, Могилев); кадетов (Бобруйск, Горки, Минск, Рогачев); социалист-сионистов (Гомель); Белорусской социалистической громады (Минск, Петроград). В Минске выходили белорусская «Вольная Беларусь», польская «Dzennik Minski» и еврейская «Дер Юд» газеты.

Осуществленные политические свободы делали возможным возникновение разного рода собраний общественности для решения корпоративных и иных вопросов. Первые собрания происходили по случаю празднования Дня Свободы, причем с разрешения властей. Затем необходимость в санкциях на проведение каких-либо собраний отпала. В дальнейшем в городах Беларуси происходили профессиональные, крестьянские, партийные, национальные, конфессиональные собрания, в том числе конференции и съезды. Доселе не виданное в Беларуси количество собраний (лекций, митингов, шествий и т. д.)

имело место летом, во время выборов городских самоуправлений.

Новым явлением в жизни общества стали отмена сословий и уравнивание всех граждан в правах. В частности, избирательными правами наделялись все жители и военнослужащие (за известным исключением). Стало очевидным, что путь развития страны будет зависеть от того, чьи избранники получают большинство голосов в Учредительном собрании.

Принятие всеми военнослужащими присяги на верность Временному правительству, помимо прочего, обеспечило окончательную победу революции, а с ней – возможность демократизации армии, то есть ее избавление от царского наследия в виде узаконенного притеснения «нижних чинов», применения по отношению к ним рукоприкладства, сквернословия и т. д. Все подобные «традиции» палочной дисциплины ощущал на себе рядовой состав полуторамиллионного Западного фронта и тыла. В частности, только 8 марта здесь был отдан приказ генерала А. Эверта о запрещении наказания розгами «порочных солдат» [4, л. 150].

Военный министр А. Гучков полагал, что в ходе обновления армейской жизни вооруженных сил должна быть преодолена взаимная неприязнь между офицерами и солдатами и налажены товарищеские отношения между командирами и подчиненными. В рамках Декларации Временного правительства и те, и другие получили возможность создавать свои организации (комитеты, союзы, советы), как совместные, так и отдельные.

Главной целью преобразования царской армии являлось повышение ее боеспособности. В этой связи военное командование предостерегало общественность от политизации армии. Но ее левоцентристская часть, так называемая «революционная демократия», желала видеть в армии средство борьбы не только с внешним, но и с внутренним врагом. Основную идейно-организационную работу на базе «революционного оборончества» среди солдат действующей армии и тыла взял на себя избранный 17 апреля Исполнительный комитет Западного фронта.

11 мая новый военный и морской министр Керенский А. в целях повышения наступательного порыва войск подписал «Декларацию прав солдата и гражданина» [5]. Этот документ, помимо прочего, выводил солдат в свободное от службы время из подчинения командирам, а также значительно усиливал роль солдатских комитетов в армейской жизни. От управления войсками отстранялись чины, заподозренные в нелояльности режиму, и те, кто выступал против ее политизации и снижения авторитета командиров.

С 22 мая в их числе оказался новый главкозап генерал Гурко В.

Ближе к лету важнейшими темами в прессе и на собраниях являлись целесообразность продолжения войны и способы достижения мира. В этой связи особенно значимым стало то, что армия, точнее ее солдатская масса, не только перестала быть объектом обсуждения названных тем, но и превратилась в их активного участника. Мало того, фронт стал сферой деятельности партий, солдатских и офицерских организаций, средой распространения газет самого разнообразного идейного содержания.

Рабочие также получили возможность открыто отстаивать свои классовые интересы. Тому же способствовали созданные ими партийные, профессиональные и другие (Советы РД, фабрично-заводские комитеты) организации. Рабочие Беларуси относили себя к «революционной демократии», связывали свои и общегосударственные цели с Учредительным собранием. Их основная масса ценила значимость полученных прав и свобод и осознавала необходимость их защиты от возможной контрреволюции. Наличие избирательных прав обеспечило им представительство в городских и земских учреждениях, а также правительственных органах. Свобода слова трудящихся находила беспрепятственное выражение на заседаниях Советов, конференциях, съездах, страницах местной и центральной прессы.

Основная масса населения – крестьяне отнеслись к перемене власти без особенного интереса, поскольку она не меняла его жизненного уклада. Не имея достаточного образования и иных возможностей, чтобы на равных со всеми участвовать в политической жизни, крестьянство выслушивало новых агитаторов, но с прежними речами о необходимости поддерживать порядок, производить сельскохозяйственную продукцию, поставлять ее фронту и городу и т. д. Сущность пришедшей свободы хлеборобы не выясняли. Психология крестьянина-собственника не менялась во многом потому, что и потребительское отношение к нему со стороны государства и города оставались прежними. Крестьяне едва проявили интерес к самоорганизации и принимали участие в создании ячеек Крестьянского союза или Совета крестьянских депутатов только по разнарядке земств. Кое-где стали проявляться и негативные последствия агитации. «Свобода у нас принята со значительным анархическим оттенком: “слабо-да, значит, все можно”, – писала газета «Свободное слово» от 9 мая о жизни Михалковщинской волости, Полоцкого уезда. – От крайнего принижения и загнанности население ударились в противоположную крайность: ни с кем, ни с чем не считаться».

По причине неграмотности крестьяне по своему принимали новации. Их участие в выборах земств, как правило, сопровождалось многочисленными нарушениями. Но несмотря на отсталость деревни, сторонники демократического пути развития страны видели в крестьянстве огромный политический потенциал, поскольку от результатов его голосования в Учредительное собрание, по большому счету, зависело будущее России, в том числе и Беларуси. Не случайно, что все политические деятели любыми способами, в том числе через прессу, стремились привлечь сельчан на свою сторону.

В общем потоке общенародного движения в поддержку Временного правительства и нового строя находились люди разных национальностей, жаждавших реальной свободы для своих соотечественников. 5 марта в первом номере минских «Известий рабочих депутатов» в их числе назывались «поляки, евреи, белорусы, литовцы» с призывом к «единению рабочих всех национальностей Великой Руси». Однако уже через неделю «дедушка русской революции» Ковалик С. на собрании российских граждан предложил объединиться всем «без различия племени, национальности и вероисповедания». Местные чиновники также высказались против национальных лозунгов [6].

Отмена 13 марта Временным правительством вероисповедных и национальных ограничений в первую очередь коснулась еврейского населения и вызвало в его среде мощный подъем. Обретенные евреями равные со всеми гражданами права и свободы обусловили их активнейшее участие в партийном строительстве, профсоюзном движении, организации Советов и во всех существовавших формах общественно-политической жизни. Предоставленные свободы позволили им приступить к решению разных проектов, в частности связанных с заселением Палестины как своего национального очага [7].

В целом, еврейское население, как и жители иных национальностей России и Беларуси, прикладывало много усилий в дело упрочения нового строя с перспективой участия в Учредительном собрании, благо тому способствовало наличие в их среде большого количества революционеров «со стажем», интеллигенции, квалифицированных рабочих, владельцев типографий и газет.

18 марта Временным правительством была издана декларация о послевоенном устройстве Польши, поддержанная Петроградским Советом. При их официальной поддержке польские (военные и гражданские) организации находились на особом положении, как субъекты будущего польского государства. Но и поляки имели все права и возможности для того, чтобы укреплять

новый демократический порядок в России и Беларуси.

Что касается белорусов, то их права на автономию, собственное управление, национальную школу и прочее не признавало не только Временное правительство, но и местная «революционная демократия». Используя свою прессу, активистов и сторонников, эсеры, большевики, народные социалисты, «западнорусисты» и прочие деятели всячески препятствовали развитию белорусского движения.

В числе политических противников национального самоопределения оказались также буржуазия, интеллигенция, землевладельцы, земские служащие, чиновники и другие, большей частью объединившиеся вокруг партии народной свободы. У кадетов приоритетами являлись верховенство закона, неприкосновенность личности, всеобщее избирательное право, частная собственность и т. д. Считая себя партией внеклассовой, действующей в интересах всего народа, кадеты выступали за реформационный, ненасильственный путь развития общества, ориентируясь на созыв Учредительного собрания и конституционный порядок.

Отношение к новой власти со стороны помещиков не всегда находило адекватное поведение крестьян и части вновь созданных земельных и продовольственных комитетов, которые приступили к осуществлению аграрной реформы еще до Учредительного собрания. В этом смысле как отдельные землевладельцы, так и их организации были бессильны защищать свое имущество, кроме как через обращения в правительственные учреждения или к военным властям.

Можно заключить, что провозглашенные Временным правительством свободы отвечали интересам подавляющего большинства населения России, свидетельством чего явились массовые празднования Дней свободы, досрочное освобождение заключенных, реорганизация правоохранительных органов, отмена политической цензуры и появление новых печатных изданий, возникновение разного рода общественных и политических объединений, наделение всех граждан (в том числе женщин и военнослужащих) избирательными правами. «Что же завоевала Революция? – писал современник. – Это можно выразить несколькими словами: права человека и гражданина» [8, с. 30].

Каждая свобода в отдельности и все ее виды вместе олицетворяли одну всеобщую свободу от самодержавия, и не случайно, что все массовые мероприятия в марте – апреле 1917 г. проходили под этим лозунгом до времени, когда возможность восстановления самодержавия исчезла полностью. Так, летом – осенью «революционная демократия» Беларуси, как часть

общероссийской, имела развитую организационную структуру, состоящую из тысяч солдатских комитетов, 4 губернских, более 50 уездных и волостных Советов, партийных комитетов всех уровней, до сотни профсоюзов и т. д. Сюда можно добавить представителей социалистических партий, которые преобладали в городских думах и государственных структурах. В своей деятельности «революционная демократия» поддерживала политику Временного правительства, надеясь общими усилиями обеспечить созыв Учредительного собрания.

С возвращением из-за границы В. Ленина относительное единодушие Советов и «революционной демократии» по вопросам состава Временного правительства, достижения мира, решения аграрной реформы и другим стало теряться. Вопреки общим настроениям и пользуясь неограниченной свободой слова, большевики стали призывать солдат к братаньям и немедленному окончанию войны.

Несмотря на то, что Всероссийская акция 18 июня в поддержку летнего наступления имела антибольшевистский характер, на фронте под воздействием большевиков и анархистов солдаты отказывались выполнять боевые приказы. Почти одновременно 3–4 июля в Петрограде солдаты отдельных частей, находившиеся под влиянием большевиков и анархистов, попытались захватить власть.

Характерно, что в нужное для себя время они подтверждали свою принадлежность к «революционной демократии», но чаще критиковали ее лидеров как «согласителей» и прислужников буржуазии. Со своей стороны лидеры социалистических партий «закрывали глаза» на провокационные выходы большевиков, опасаясь внести раскол в свои ряды. В этих же целях они присоединились к большевикам и левым эсерам, критиковавшим решение Временного правительства от 8 июля о введении смертной казни на фронте за особо опасные преступления. Так, военная секция Гомельского Совета настояла на освобождении солдат, арестованных военно-революционным судом за убийство генерала Пургасова А. [9, л. 23].

Преступления с участием военных распространились и в тылу. Так, 22 августа в Мстиславле «на почве политических разномыслий» солдат убил из винтовки учителя [10].

В августе большевизированные части Петрограда превратились в источник опасности для Временного правительства и всего города. Но начатая 25 августа операция под руководством Верховного главнокомандующего генерала Корнилова Л. по замене гарнизона надежными казачьими войсками через несколько дней была объявлена покушением на «свободу и революцию» [11].

Общественность Беларуси сплотила ряды, чтобы отстаивать свободу и демократию. Здесь активность большевиков возросла еще сильнее. Но их агитация за власть Советов, за прекращение войны и антиправительственная пропаганда вызвала у рабочего класса неприязнь и осуждение, поэтому их деятельность была почти полностью перенесена на Западный фронт.

Большевистская «Звезда» за нарушения действующего законодательства о печати была закрыта. Один из редакторов сменившего ее издания «Молот» А. Мясников признавал, что в сентябре лозунги этой газеты «были абсолютно демагогические и провокационные» [12, л. 3].

В сентябре подрывная агитация и пропаганда большевиков, направленная против Временного правительства и военных властей, еще более усиливалась. Так, под воздействием их печати солдаты Гренадерского корпуса 2-й Армии искали случая, «чтобы при первой встрече доказать офицерам их безвластие и свою безнаказанность» [13, л. 1].

В тылу усилились погромные выступления с участием солдат, сопровождавшиеся столкновениями с милицией [14].

С осени усилилось нежелание солдат воевать. Фактически они перестали выполнять свои основные функции по защите государства. Упадку дисциплины на фронте способствовала также «Декларация прав солдата и гражданина», поскольку она усилила власть солдатских комитетов вплоть до их неподчинения командирам. Характерно, что к этому времени все офицерские комитеты были расформированы.

После подавления корниловского мятежа усилилась тенденция к послаблению участи солдат, арестованных и осужденных за воинские преступления, которых наделяли статусом «политических заключенных». В местах заключения Минска их насчитывалось до 800 человек [15].

После Февральской революции в отличие от всех участников обновленного процесса только большевики, зачастую вопреки законодательству, сумели использовать свободы в узкопартийных целях, при этом не подвергаясь репрессиям либо наказаниям. Они позиционировали себя поборниками демократии, объясняли свое выдвижение лозунга «Вся власть Советам!» необходимостью скорейшего созыва Учредительного собрания.

«Революционная демократия», опасаясь контрреволюции со стороны буржуазии или генералитета, даже не допускала такой попытки со стороны большевиков, а между тем последние активно накапливали вооруженные силы и даже объявили в прессе о дне своего восстания в Петрограде [16].

Так что излишняя, не ограниченная общественной свободой деятельности одной партии в скором времени, еще до созыва Учредительного собрания, лишила демократических свобод всех остальных граждан России, в том числе Беларуси.

Заключение. Каждый житель империи, в силу своего образовательного, социального либо иного статуса по-своему осознавал слово «свобода», но в политическом смысле не мог не ассоциировать его с царской властью. После Февральской революции под ним, этим словом, добровольно объединились, главным образом, все противники самодержавия и сторонники демократии, а также те, кто надеялся на возможность в новых условиях значительного улучшения личных, корпоративных, общественных, государственных и иных проблем. Их непрерывным условием и возможностью осуществления стали отречение царя от трона, поддержка армией государственного переворота и конструктивная политика Временного правительства. Уже в первое послереволюционное время она нашла отражение в законодательном предоставлении всем жителям и военнослужащим страны политических свобод и равноправия. Граждане империи, в том числе Беларуси, получили реальные свободы слова, печати, союзов,

собраний и до время активизации большевиков летом 1917 г. использовали их практически бесконфликтно и без ограничений. По мере политизации общественной жизни и ухудшения экономического положения, «революционная демократия» по классовым соображениям усилила идейно-организационную борьбу против имущих слоев и их партий и тем самым ослабила поддержку Временного правительства.

Большевики, спекулируя на военных и экономических трудностях, практически беспрепятственно при попустительстве «революционной демократии» вели антиправительственную агитацию с конечной целью захвата власти. Подобные превратности свободы имели место и в поведении крестьян, которые игнорировали «хлебную монополию» и участвовали в захватах помещичьего и казенного имущества.

Не менее показательна подрывная практика социалистов, использовавших свою прессу, митинговую и служебную деятельность с целью дискредитации белорусских организаций. Главным итогом развития страны, в том числе Беларуси, с весны по осень 1917 г. в условиях обретения общественностью политических свобод стала недооценка угрозы государственного переворота со стороны партии, принадлежавшей к «революционной демократии».

Список литературы

1. Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 622. Оп. 1. Д. 2.
3. Минская газета. 1917. 13 мар.
4. Государственный архив Витебской области. Ф. 2289. Оп. 1. Д. 20.
5. Фронт. 1917. 16 мая.
6. Минский голос. 1917. 15 мар.
7. Новое время. 1917. 25 мая.
8. Безымянный М. Как произошла и чего достигла Великая русская революция. М.: Феникс, 1917. 31 с.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60 п. Оп. 4. Д. 107.
10. Новое слово. 1917. 23 авг.
11. Оршанский вестник. Телеграммы. 1917. 29 авг.
12. НАРБ. Ф. 60. Оп. 4. Д. 147.
13. НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 23.
14. Минская газета. 1917. 26 окт.
15. Минская жизнь. 1917. 27 окт.
16. Минская газета. 1917. 20 окт.

References

1. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva* [Bulletin of the Provisional Government], 1917, March, 5.
2. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus'* [Natsional Archives of Republic of Belarus (NARB)]. Fund 622. I. 1. F. 2.
3. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper], 1917, March, 13.
4. State Archives of Vitebsk Region. Fund 2289. I. 1. F. 20.
5. *Front* [Front], 1917, May, 16.
6. *Minskiy golos* [Minsk voice], 1917. March, 15.
7. *Novoye vremya* [New time], 1917, May, 25.

8. Bezimyanny M. *Kak proizoshla i chego dostigla Velikaya russkaya revolutsiya* [How the Great Russian Revolution happened and what it achieved]. Moscow, Feniks Publ., 1917. 31 p.
9. NARB. Fund 60 p. I. 4. F. 107.
10. *Novoye slovo* [New word], 1917, August, 23.
11. *Orshanskiy vestnik. Telegrammy* [Orsha Bulletin. Telegrams], 1917, August, 29.
12. NARB. Fund 60. I. 4. F. 147.
13. NARB. Fund 35. I. 1. F. 23.
14. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper], 1917, October, 26.
15. *Minskaya zhizn'* [Minsk life], 1917, October, 27.
16. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper], 1917, October, 20.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchyk Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 19.09.2023

УДК 947.6.«1917»

І. М. Рыжанкоў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫЯ АРГАНІЗАЦЫІ І ЖЫЦЦЯДЗЕЙНАСЦЬ
БЕЛАРУСКАГА СЯЛЯНСТВА (САКАВІК – МАЙ 1917 Г.)**

У артыкуле асвятляюцца мерапрыемствы Часовага ўрада па палітычнай мадэрнізацыі дзяржавы і жыццядзейнасць беларускага сялянства. Перамога Лютаўскай рэвалюцыі абумовіла складанне новай палітычнай сістэмы расійскага грамадства. Важнай прыкметай дэмакратызаванай дзяржавы сталі партыі і грамадскія арганізацыі, якія па разнастайнасці, вялікай колькасці і масавасці сведчылі пра наяўнасць злабадзённых, нявырашаных праблем і імкненне грамадскасці вырашаць наспелыя пытанні праз дэмакратычныя інстытуты. Урадавыя, грамадска-палітычныя структуры своечасова прыступілі да гэтай працы і на працягу свайго існавання не спынялі яе. Мелася агульнаграмадская патрэба ва ўсталяванні новага ладу: ліквідацыя рудыментаў старога ладу, маральная і практычная дапамога Часоваму ўраду і яго мясцовым органам, неабходнасць вырашэння дзяржаўных і грамадскіх праблем, абвостраных працяглай і разбуральнай вайной, у тым ліку эканамічных, палітычных, сацыяльных, нацыянальных, наяўнасць шырокай сацыяльнай базы змагароў супраць самадзяржаўя. Актывізацыя грамадска-палітычнага жыцця спрыяла паляпшэнню палітычнай асветы вяскоўцаў, але часам прыводзіла да не чаканых для арганізатараў вынікаў.

Ключавыя словы: рэвалюцыя, палітычная мадэрнізацыя, рэформы, Часовы ўрад.

Для цытавання: Рыжанкоў І. М. Грамадска-палітычныя арганізацыі і жыццядзейнасць беларускага сялянства (сакавік – май 1917 г.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 37–40. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-6.

I. M. Ryzhankou

Belarusian State Technological University

**SOCIO-POLITICAL ORGANIZATIONS AND THE VITAL ACTIVITY
OF THE BELARUSIAN PEASANTRY (MARCH – MAY 1917)**

The article highlights the activities of the Provisional Government on the political modernization of the state and the vital activity of the Belarusian peasantry. The victory of the February Revolution caused the formation of a new political system of Russian society. An important sign of a democratized state were parties and public organizations, which, by their diversity, large number and mass character, testified to the presence of topical, unresolved problems and the desire of the public to solve urgent issues through democratic institutions. Governmental, socio-political structures started this work in time and have not stopped it throughout their existence. There was a general social need to establish a new system: the elimination of the rudiments of the old system, moral and practical assistance to the Provisional Government and its local bodies, the need to solve state and public problems exacerbated by a long and destructive war, including economic, political, social, national, the presence of an extensive social base of fighters against autocracy. The activation of socio-political life contributed to the improvement of the political education of the villagers, but sometimes led to results not expected for the organizers.

Keywords: revolution, political modernization, reforms, Provisional Government.

For citation: Ryzhankou I. M. Socio-political organizations and the vital activity of the belarusian peasantry (March – May 1917). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 37–40. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-6 (In Belarusian).

Уводзіны. Перамога Лютаўскай рэвалюцыі абумовіла выспяванне новай палітычнай сістэмы Расіі. Акрамя дэмакратызаванай дзяржавы, яе найважнейшымі элементамі сталі партыі і грамадскія арганізацыі. Іх разнастайнасць, вялікая колькасць і масавасць сведчылі пра наяўнасць злабадзённых (эканамічных, палітычных і інш.) праблем, якія існавалі ў краіне, пра спадзяванне ўдзельнікаў адзначаных арганізацый на магчы-

масць дасягнення мірным, дэмакратычным шляхам сваіх (карпаратыўных, класавых, нацыянальных і інш.) мэт.

Асноўная частка. Рэвалюцыйныя падзеі, якія ахапілі Петраград, напачатку мала цікавілі вяскоўцаў прыфрантавых беларускіх губерняў. Вопыт папярэдняй рэвалюцыі 1905–1907 гг. нагадваў, што паслабленне ўлады можа спрыяць проціпраўным сялянскім акцыям. Невыпадкова

адразу пасля звяржэння самаўладдзя з мэтай іх прадухілення ва ўрадавых і грамадскіх колах у ліку першых узнікла задача «арганізацыі вёскі», г. зн. шырокай тлумачальнай працы сярод сялян. Масавыя агітацыйна-прапагандысцкія мерапрыемствы адбываліся ў межах валасных таварыстваў і скіроўваліся на перакананне ў неабходнасці падпарадкоўвацца Часоваму ўраду, а таксама неаслабнай дапамогі арміі.

Пэўны непакой ваеннага галоўнакамандвання і ўладных структур выклікала праблема сялянскіх паставак сельгаспрадуктаў. Было відавочна, што старая сістэма нарыхтоўкі зрабілася непрымальнай, а новая магла ажыццяўляцца толькі з улікам добрай волі саміх хлебарабаў. Сфарміраваць і здзяйсняць гэтую «добраю волю» на мясцовым, тым больш – усерасійскім узроўні было магчыма толькі з дапамогай такой жа маштабнай і ўплывовай грамадскай арганізацыі, якая б цесна супрацоўнічала з уладнымі структурамі. Невыпадкова ў арганізаваным агульнадзяржаўным Харчовым камітэце найбольшая колькасць месцаў (па 5 з 37) адводзілася прадстаўнікам Савета сялянскіх і Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў. Варта заўважыць, што наперадзе было ўтварэнне Усерасійскага сялянскага Савета, які з'яўляўся агульнадзяржаўнай патрэбай.

Каб аб'яднаць сялянскую грамаду для працы на агульную карысць, новая палітычная эліта мусіла прыкласці сілы да працяглай агітацыйна-прапагандысцкай працы на вёсцы з мэтай яе арганізацыі ў маштабах усёй краіны. Натуральна, што ва ўмовах надання ўсім сялянам роўных з астатнімі грамадзянамі свабод і правоў, а таксама ў адпаведнасці з абвешчанымі 3 сакавіка ў Дэкларацыі Часовага ўрада прынцыпамі, дарэвалюцыйныя формы кіравання вёскай, заснаваныя пераважна на страху перад пакараннем, паступова гублялі сваю сілу.

Палітычны сэнс адмовы ад гэтых форм кіравання заключаўся, акрамя іншага, і ў тым, што селянін павінен быў адчуць перавагу новай сістэмы ўлады перад царызмам і прыйсці ёй на дапамогу па добрай волі; таксама, асэнсаваная ўласнае месца і ролю ў бягучым жыцці, сувязь з усім грамадствам. Невыпадкова, першыя аозвы да сялянства, скіраваныя на прадухіленне яго ўдзелу ў захопах панскай маёмасці, былі пазбаўлены дырэктывных акцэнтаў, а апелывалі да такіх катэгорый, як неабходнасць, справядлівасць, парадак і г. д. [1].

Агульным вынікам тлумачальна-прапагандысцкай дзейнасці на вёсцы ўсіх урадавых, грамадскіх і іншых работнікаў у першыя тыдні рэвалюцыі 1917 г. стала лакалізацыя і перапыненне сялянскіх захопаў панскай, дзяржаўнай і інш. маёмасці. Але на пачатковым этапе станаўлення

дэмакратычнага ладу сялянства яшчэ заставалялася пасіўнай у палітычных адносінах масай. Між тым буржуазна-дэмакратычны, па ацэнках сацыял-дэмакратаў, ці нават народны, з пункту гледжання эсэраў, характар рэвалюцыі вымагаў свядомага і масавага ўдзелу ва ўмацаванні новага ладу. У прыватнасці, задачы ўсебаковага (палітычнага, сацыяльна-эканамічнага, духоўнага) рэфармавання грамадства і дзяржавы настойліва патрабавалі ўцягнення ў гэты працэс сялянства, прычым не толькі ў якасці аб'екта, але і суб'екта рэвалюцыйнага абнаўлення. Ініцыятыва мясцовых дзеячаў па прапагандзе на вёсцы новага ладу атрымала моцную падтрымку з боку Усерасійскага Сялянскага саюза, які пасля перамогі Лютаўскай рэвалюцыі распачаў згуртаванне расійскага сялянства, у тым ліку і беларускага, у мэтах справядлівага вырашэння аграрнага пытання. Пры гэтым дасягненне адзначанай мэты ставілася ў залежнасць ад умацавання новага ладу. Створаны Галоўны камітэт гэтай арганізацыі (старшыня С. Мазурэнка) у адозве ад 15 сакавіка заклікаў сялянства падтрымаць Новы ўрад, яго камісараў і ўсе грамадскія арганізацыі. У «Вестніку Мінскага губернскага камісара» ад 19 сакавіка 2023 г. адзначалася, ні ў якім разе не дапускаць «самаўпраўства і замаху на чужую ўласнасць і свабоду». З гэтай мэтай сяляне, у тым ліку безземельныя, мужчыны і жанчыны, заклікаліся да абрання «валасных саветаў» для ўладкавання «на вёсцы новага жыцця і ўсталявання паўсюдна свабоды, роўнасці і братэрства». Упершыню паведамлялася аб перспектывах аграрнай рэформы, калі «ва Устаноўчым сходзе сялянства ліквідуе векавечную несправядлівасць у размеркаванні зямлі і знойдзе спосабы надзяліць зямлёю кожнага, хто жадае яе апрацоўваць». 19 сакавіка 1917 г. адозва з'явілася ў мінскіх «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов», 6 красавіка – у «Мінском голосе», 20 – у «Голосе Полесья» (Рэчыца). Сялянскі саюз не толькі заклікаў да падтрымкі новага ладу, але і стаў на платформу абаронцы класавых інтарэсаў працоўных вёскі. Ініцыятарамі заснавання сялянскіх арганізацый, у дадзеным выпадку – суполак Сялянскага саюза на Беларусі, з'яўляліся асобы з ліку земскіх, урадавых і іншых работнікаў. Афармленне арганізацый адбывалася на сходах з удзелам сельскіх і валасных упаўнаважаных. У сярэдзіне сакавіка ў Гомелі адбыўся сход 700 валасных дэлегатаў, на якім была ўтворана адна з першых на Беларусі суполак Сялянскага саюза пад старшынствам прысяжнага паверанага Гаравога Я. Я.

У большасці месц Беларусі ўтварэнне суполак Сялянскага саюза пачыналася «зверху», г. зн. з утварэння губернскага цэнтра. На Міншчыне гэтая праца пачалася 22 сакавіка з удзелам

сялянскіх дэлегатаў ад Бабруйскага, Барысаўскага, Ігуменскага, Мазырскага, Мінскага, Навагрудскага, Пінскага і Рэчыцкага паветаў, запрошаных у Мінск, і завяршылася назаўтра стварэннем губернскага камітэта пад старшынствам М. А. Міхайлава (Фрунзе). Камітэт вызначыў сваёй задачай «умацаванне на вёсцы асноў новага ладу і арганізацыю працоўнага сялянства» і заняўся скліканнем губернскага сялянскага з'езда. Пачатак быў адтэрмінаваны з-за падзеі ўсерасійскага маштабу – з'езда салдацкіх і рабочых дэпутатаў Заходняга фронту, які таксама прызнаў неабходнасць арганізацыі сялянства і нават пакінуў яго прадстаўнікам у Франтавым камітэце 5 мецаў з 75.

Вынікі адзначанага з'езда мусілі спрыяць умацаванню сувязяў паміж фронтам і тылам і згуртаванню грамадства вакол Часовага ўрада ў ажыццяўленні яго ўнутранай і знешняй палітыкі. Падобныя агульнапалітычныя пытанні былі вынесены на абмеркаванне з'езда сялянскіх дэлегатаў Мінскай і Віленскай губерняў, які адбыўся ў Мінску 20–23 красавіка пад старшынствам М. В. Фрунзе з удзелам амаль 800 чалавек, у тым ліку прадстаўнікоў губернскіх улад, грамадска-палітычных і партыйных арганізацый.

Палітычная (супраць пастановаў Беларускага нацыянальнага камітэта аб перспектывах нацыянальна-дзяржаўнага развіцця тутэйшага рэгіёна) настроенасць арганізатараў з'езда абумовіла адпаведны паводзіны дэлегатаў-сялян, якія ў прапанаванай ім рэзалюцыі выказаліся супраць аўтаноміі края, беларускай школы. Астатнія пытанні разглядаліся ў рэчышчы пастановаў Франтавага з'езда. У галіне культуры і асветы вёскі дэпутаты выказаліся за адкрыццё народных дамоў, увядзенне ўсеагульнай, абавязковай і бясплатнай адукацыі, скасаванне царкоўна-прыходскіх і касцельных школ, выданне «Крестыянскай газеты».

Удзельнікі з'езда абралі Выканкам Савета сялянскіх дэпутатаў Мінскай і Віленскай губерняў у складзе 20 чалавек пад старшынствам М. В. Фрунзе, а таксама дэлегацыю ў складзе старшыні выканкама, таварыша Курскова, дэпутатаў – Караткевіча (ад Бабруйскага), Зарэмбы (Барысаўскага), Лебедзя (Слуцкага), Ліпскага (Мазырскага), Маронкі (Ігуменскага), Рагожына (Пінскага), Рагулі (Навагрудскага), Рудневіча (Ашмянскага), Сыса (Рэчыцкага), Шостака (Мінскага) паветаў на Усерасійскі сялянскі з'езд [2, с. 519]. Пастановы адзначанага з'езда, акрамя іншага, стымулявалі ўтварэнне павятовых сялянскіх арганізацый. У Мазыры пры садзеянні Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў быў створаны арганізацыйны камітэт Сялянскага саюза (старшыня П. П. Максімаў), а затым, 29 красавіка, на з'ездзе сялянскіх дэпутатаў адбылося афармленне яго павятовага

камітэта. У красавіку суполкі саюза былі створаны таксама ў Ігуменскім і Рэчыцкім паветах. Да ліпеня сялянскія Саветы і суполкі саюза ўтварыліся ў астатніх паветах. Справа іх арганізацыі і далейшай дзейнасці паспрыяў выхад «Крестыянскай газеты».

У першыя месяцы рэвалюцыі ў Беларусі адбывалася ўтварэнне губернскіх, павятовых і шэрагу валасных сялянскіх Саветаў. Вызначальную ролю ў іх далейшай дзейнасці адыгрывалі пастановы Усерасійскага з'езда сялянскіх дэпутатаў, прынятыя з удзелам 74 дэлегатаў беларускіх губерняў (Каранькоў (Магілёў), Г. Трызна (Чыгірынская вол., Быхаўскі пав.), А. І. Аношка (Кошалеўская вол., Рагачоўскі пав.), Т. Г. Пенязькоў (Гомель)). У склад яго Выканаўчага камітэта, былі абраны лідэры сялянскага Саветаў: М. Б. Гольман, П. М. Караткевіч (Бабруйск), А. Я. Кусэ-Цюз (Віцебск), С. М. Малышчыцкі (Гомель) А. І. Аношка (Рагачоў), Е. Мар'яноў (Быхаў), Дз. М. Васілеўскі (Полацк), Ц. Х. Тарасаў (Клімавічы) [3, л. 351].

Другім найважнейшым наступствам утварэння сялянскіх арганізацый стала паўсюднае інтэграванне іх прадстаўнікоў у дзяржаўныя (камісарыяты, харчовыя і зямельныя камітэты) і грамадскія структуры. Так, Сялянскі саюз Мінскай і Віленскай губерняў накіраваў 5 прадстаўнікоў у губернскі, 3 – гарадскі, 2 – павятовы харчовы камітэты, а таксама 5 – у Франтавы камітэт. 7 мая на Ігуменскім сялянскім з'ездзе была выказана нягода з тым, што ў склад харчовага камітэта былі вылучаны прадстаўнікі валасных выканаўчых камітэтаў. «Не лічучы іх “прадстаўнікамі сялянства і абаронцамі інтарэсаў працоўнага народа”, дэлегаты абралі ў яго прадстаўнікоў ад Сялянскага саюза – І. Лазовіка, І. Міралевіча, Т. Тузіна» [2, с. 282]. Адным з праяў аўтарытэту эсэраўскай партыі і яе аграрнай праграмы сталі адпаведныя рэзалюцыі губернскіх з'ездаў сялян Беларусі. Такім чынам, да восені 1917 г. у неакупіраванай Беларусі ўзнікла і дзейнічала сетка (без уліку «рэвалюцыйных камітэтаў» і суполак Сялянскага саюза) сялянскіх Саветаў, у тым ліку 4 губернскія (Мінска-Віленскі, Віцебскі, Магілёўскі, Віленска-Ковенскі), 33 павятовыя.

Дакладная колькасць валасных Саветаў не ўстаноўлена. Першыя сталі ўзнікаць яшчэ ў маі – Бярозаўскі Мазырскага павета, а апошні – Нацкі Лепельскага павета, пачаў сваю працу ў пачатку кастрычніка.

Заклучэнне. У сакавіку 1917 г. усталяваны ў дзяржаве дэмакратычны рэжым мусіў забяспечыць усім сацыяльным пластам, нават салдатам дзеючай арміі, палітычныя правы і свабоды, у тым ліку права на ўтварэнне грамадска-палітычных арганізацый. Іх узнікненне падмацоўвалася

неабходнасцю недапушчэння вяртання самадзяржаўя.

Нарэшце, вопыт рэвалюцыйнай барацьбы паспрыяў узнікненню моцных сацыяльных рухаў, якія прывялі да арганізацыі камітэтаў бяспекі, Саветаў, прафсаюзаў і інш. Актывізацыя грамадска-палітычнага жыцця спрыяла паляпшэн-

ню палітычнай асветы вяскоўцаў, але часам прыводзіла да нечаканых для арганізатараў вынікаў – учынення гвалту да валасной адміністрацыі, захопу і падзелу зямлі, высечкі лесу. Аграрны рух не набыў вялікіх разбуральных памераў і знаходзіўся пад кантролем грамадска-палітычных і ўрадавых сіл.

Спіс літаратуры

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Фонд 624. Воп. 1. Спр. 4. Л. 18–19.
2. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. В 2 т. / редкол.: Г. С. Горбунов [и др.]. Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.). Минск: Госиздат БССР, 1957. Т. 1. 1008 с.
3. НАРБ. Фонд 863. Воп. 1. Спр. 2. Л. 351.

References

1. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 624. I. 1. F. 4. P. 18–19.
2. *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Belorussii. Dokumenty i materialy. V 2 t. T. 1. Belorussiya v period podgotovki sotsialisticheskoy revolyutsii (fevral' – oktyabr' 1917 g.)* [The Great October Socialist Revolution in Belarus. Documents and materials. In 2 vol. Vol. 1. Belarus in the period of preparation for the socialist revolution (February – October 1917)]. Ed. board: G. S. Gorbunov [et al.]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1957. 1008 p. (In Russian).
3. NARB. Fund 863. I. 1. F. 2. P. 351.

Інфармацыя пра аўтара

Рыжанкоў Ігар Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: im@belstu.by

Information about the author

Ryzhankou Ihar Mikhaylavich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: im@belstu.by

Паступіў 11.09.2023

УДК 796 (091)(476)

Е. А. Комиссарова

Белорусский национальный технический университет

**ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА И ВОСПИТАНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В 1917–1930 ГГ.**

В статье рассматриваются вопросы становления физической культуры и спорта в Беларуси. Раскрывается роль Всеобуча, комсомола, профсоюзов, общественных организаций, физкультурных обществ и системы образования в физической подготовке населения. Отмечено проведение спортивных мероприятий различного уровня и формирование первых спортивных площадок, станций, военно-спортивных клубов и кружков на территории Беларуси. Основание Высшего Совета физической культуры обеспечило объединение и координирование учебной, научной и управленческой деятельности организаций для привлечения к занятиям спортом и физической культурой населения, сформировав, таким образом, массовый характер. Автором исследуется создание системы подготовки научно-педагогических и профессиональных кадров для физического воспитания населения Беларуси.

Ключевые слова: физическая подготовка и спорт, Всеобуч, комсомол, профсоюзы, физкультурные движения и общества, кадры.

Для цитирования: Комиссарова Е. А. Физическая подготовка и воспитание населения Беларуси в 1917–1930 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 41–45. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-7.

E. A. Komissarova

Belarusian National Technical University

**PHYSICAL TRAINING AND EDUCATION
OF THE BELARUSIAN POPULATION DURING IN 1917–1930**

The article is dedicated to the issues of the establishment of physical culture and sports in Belarus. It reveals the role of Vseobuch, the Komsomol, trade unions, physical culture organizations and societies in the physical training of the population. The article highlights the organization of sports events of various levels and the establishment of the first sports grounds, stations, military sports clubs, and circles in Belarus. The foundation of the Supreme Council of Physical Culture ensured the unification and coordination of educational, scientific and managerial activities of organizations to engage the population in sports and physical culture, thereby giving it a mass character. The author examines the establishment of a system for training scientific, pedagogical and professional personnel for the physical education of the Belarusian population.

Keywords: physical training and sports, Vseobuch, Komsomol, trade unions, physical culture movements and societies, staff.

For citation: Komissarova E. A. Physical training and education of the Belarusian population during in 1917–1930. *Proceedings of BGTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 41–45. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-7 (In Russian).

Введение. Октябрьская революция 1917 г. полностью изменила страну – были перераспределены полномочия и ответственность, созданы новые государственные структуры. Актуальная для большевиков проблема удержания власти, а в дальнейшем – защиты страны, потребовала принятия мер по военной подготовке, выявив одновременно и проблемы физического состояния населения. Это привело к необходимости организации новой системы обязательной военной подготовки – Всеобуча (всеобщее военное обучение). Привитие интереса и потребности у населения к занятиям физической культурой и спортом становятся одной из важных задач большевиков. Советской властью были предприняты

законодательные, организационные меры по популяризации этих занятий.

В отечественной историографии тема развития физического воспитания и спорта, подготовки физкультурных кадров в 1918–1930 гг. рассматривалась в монографиях Н. В. Могильного [1], К. А. Кулинковича [2]. Одной из наиболее основательных работ по организации воспитательного процесса среди молодежи в 1921–1939 гг. является монография В. В. Даниловича [3]. В коллективных трудах под редакцией В. П. Сазановича исследована история физического воспитания и спорта в Беларуси [4], М. Е. Кобринского – раскрыты истоки становления Белорусского государственного института

физической культуры [5], А. А. Зданевича и Л. В. Шушкевич – переход на новые формы и методы организации физического воспитания [6], Н. В. Мининой и Е. М. Нахаевой – факты возникновения и развития физической культуры и воспитания на территории Беларуси с древнейших времен до сегодняшних дней [7]. Развитие физкультуры и спорта в Виленском учебном округе исследуется в работах С. И. Бусько [8, 9]. Однако взаимодействие государственных органов власти, комсомола, профсоюза и Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) в вопросах физической подготовки населения 1917–1930 гг. освещено частично.

Основная часть. Первое время большевики уделяли внимание физической подготовке населения в рамках Всевобуча, так как для защиты пролетарской революции Красная армия нуждалась в обученном и подготовленном пополнении. В марте 1918 г. на VII съезде РКП(б) и IV Чрезвычайном съезде Советов было принято решение о создании Всевобуча. 22 апреля 1918 г. деятельность Всевобуча официально утверждена декретом ВЦИК. Формируется Главное управление Всевобуча при Всероссийском главном штабе, руководителем которого назначается Н. И. Подвойский, также образованы отделения и отделы при военных комиссариатах. Отделы Всевобуча создаются в военных округах, в краевых и республиканских военкоматах. Деятельность Всевобуча включала ликвидацию неграмотности, политико-просветительскую работу, военную и физическую подготовку населения. В состав Всевобуча входил отдел физического развития и спорта.

В Беларуси в ноябре – декабре 1918 г. отделы Всевобуча были созданы при Витебском губернском военном комиссариате, в г. Гомеле и г. Могилеве. При Витебском губвоенкомате в 1919 г. началась подготовка инструкторов по физкультуре и допризывной подготовке. Это и стало началом профессиональной подготовки физкультурных кадров Беларуси. Всевобучем были созданы военно-спортивные клубы и кружки, началась работа по строительству спортивных сооружений. В июле 1919 г. в Витебской губернии проведена первая олимпиада Всевобуча. В соревнованиях по верховой езде, легкой атлетике, футболу, французской борьбе принимали участие более 200 человек [5, с. 11].

В 1920 г. был создан первый уездный совет физической культуры при Могилевском отделе Всевобуча. В школах Витебской и Могилевской губерний физическое воспитание включено в качестве обязательного предмета.

Согласно Приказу № 3 по Минскому Уезвенкомату от 3 января 1921 г. сформированы Отдельный участковый центр физической куль-

туры в Минске, спортплощадка в м. Кайданово, лыжная спортивная станция в ур. Курсовицзна и спортплощадка в ф. Седолин. В штатный состав Минского отдельного участкового центра физической культуры были включены: Председатель Совета Центра Егоров Н.; члены Совета: заведующий политическо-просветительной частью Стехановский И.; заведующий учебной частью; инструктор-культурник Лившиц А.; делопроизводитель. Спортплощадка и лыжная спортивная станция в ур. Курсовицзна работали совместно: инструкторы спортплощадки являлись и инструкторами лыжной спортивной станции. Порядок работы и расписание разрабатывались и осуществлялись инструкторами совместно с членами Совета, заведующим учебной частью Минского отдельного участкового центра физической культуры. В штате спортплощадок, лыжной спортивной станции числились заведующие-инструкторы, а в ф. Седолин и должность заведующего имуществом [10, л. 2–3].

По окончании Гражданской войны деятельность Всевобуча заключалась в обучении допризывников и физической подготовке населения (в начале 1923 г. деятельность Всевобуча была прекращена).

В течение 1922–1924 гг. ведущую роль в развитии физической культуры и спорта выполняли Коммунистический союз молодежи и профсоюз. При содействии комсомольской организации были образованы следующие спортивные организации: «Муравей» – г. Москва и Московская губерния, «Комсомольский флот» – г. Казань, «Спартак» – г. Петроград, Украина, Закавказье. Спортивными выступлениями, праздничными шествиями, проведением соревнований с населением городов и сел осуществлялось привлечение молодежи к занятиям спортом и физической культурой [6, с. 92]. В БССР в это время спортивных организаций республиканского масштаба не было.

27 июля 1923 г. при Всероссийском центральном исполнительном комитете (ВЦИК) сформирован Высший совет физической культуры (ВСФК) во главе с народным комиссаром здравоохранения Н. А. Семашко. Основной целью ВСФК стало объединение и координирование учебной, научной и управленческой деятельности организаций РСФСР по физическому развитию и воспитанию населения. Структура, права и задачи ВСФК были утверждены декретом ВЦИК «О Высшем и местных советах физической культуры трудящихся РСФСР». В область задач ВСФК вошли: общее направление и контроль деятельности учебных организаций по физическому воспитанию населения; составление и утверждение программ, инструкций и т. п. по физическому развитию; согласование планов

спортивных сооружений и спортоборудования; создание новых учреждений; организация спортивных мероприятий, в том числе и международное сотрудничество; распространение и идеологизация физической культуры [11, с. 9–11]. С формированием Высшего совета физической культуры все прочие спортивные организации прекращали свою деятельность. В 1923 г. в БССР был основан Высший совет физической культуры, а в 1924 г. образованы советы на местах, активизировалась работа по созданию кружков.

Для успешного развития физической культуры и укрепления советской власти 18 апреля 1923 г. в СССР создано первое пролетарское спортивное общество «Динамо». Первоначально это была спортивная организация для занятий сотрудников органов безопасности и правопорядка. В 1924 г. было сформировано и Белорусское отделение. Впоследствии был открыт спортивный клуб Красной армии (СКА). Активизировали свою деятельность по физическому воспитанию населения и профсоюзы. При рабочих клубах создавались кружки физкультуры по территориальному признаку. Например, кружки железнодорожников, слесарей, химиков, текстильщиков.

В 1923 г. в Беларуси организованы общегородские советы физической культуры. В июне 1924 г. состоялось 1-е Всебелорусское совещание работников советов физической культуры, на котором были определены новые задачи в развитии физической культуры для учащихся и молодежи. Деятельность РКП(б), активность сотрудников советов физической культуры, комсомольской организации и профсоюзов привели к распространению физической культуры, привлекли к участию еще большего числа населения. Большое количество спортивных мероприятий состоялось в 1924 г.: 1-я Всебелорусская неделя физической культуры, 1-й Всебелорусский праздник физической культуры, 1-й чемпионат Минска по велоспорту, Всебелорусский шахматный турнир и 1-й чемпионат Беларуси по тяжелой атлетике [3, с. 634–637]. Так, например, в программу I Всебелорусского праздника физической культуры в Минске были включены: легкая атлетика, поднятие тяжестей, футбол, баскетбол, теннис, велосипедный спорт. Участвовало в празднике более 200 человек.

В 1925 г. Центральным Комитетом РКП(б) был рассмотрен вопрос и принято постановление (13.07.1925) о состоянии и развитии физической культуры в СССР. ЦК РКП(б) определил физическую культуру как важную и необходимую часть общеполитического воспитания и образования, оздоровления населения – именно физическая культура объединяет и консолидирует население «вокруг тех или иных партийных,

советских или профессиональных организаций, через которые рабоче-крестьянские массы вовлекаются в общественно-политическую жизнь». Под руководством Коммунистической партии, обеспечивающей политическое руководство физкультурным движением, физическая культура включается в общий план деятельности [11, с. 12–14].

Укрепляются взаимоотношения профсоюзов и РКСМ в системе физической культуры. Так, например, в клубах деятельность физкультурных кружков проводилась под прямым руководством профсоюзов и при активном содействии РКСМ. Одновременно РКСМ оказывал влияние на развитие физкультуры и осуществлял руководство при клубах через ячейки комсомола, юнсекции и т. д.

Однако, несмотря на значительные успехи в деле физической культуры, наблюдались и недостатки. Так, например, в 1926 г. на XV конференции ВКП(б) была озвучена критика деятельности профсоюзов в области физической культуры. В принятой резолюции «Итоги работы и очередные задачи профсоюзов. Культурная работа» (26.10.1926–03.11.1926) указывались недостатки и обозначались задачи для их исправления. В область задач были включены: а) необходимость отхода «от книжного, уродливо “рационального” подхода к физкультуре» и «насильственного навязывания тех или иных видов физкультуры каждому отдельному рабочему»; б) обязательное применение индивидуального подхода – учет возраста, производственных и бытовых особенностей; в) важность вовлечения в физкультуру безработной «пролетарской молодежи»; г) постройка зданий для клубов, общественных организаций и площадок для физкультуры [11, с. 14–16].

Следует отметить, что в данной резолюции указывалось на важную роль системы образования. С этой целью планировалось организовывать при участии партии и государства вечерние курсы и техникумы со специально разработанными программами и системой преподавания.

Рекомендованные меры привели к значимым успехам советской власти в развитии массовой физической культуры. Ярким примером данного факта стала проведенная в 1928 г. Всесоюзная Спартакиада, участниками которой стали все союзные республики. Среди 7225 принимающих участие были представители и спортивных организаций следующих стран: Англия, Германия, Финляндия, Франция, Норвегия, Швейцария, Чехословакия, Уругвай и др. (более 600 спортсменов). Соревнования проводились по многим видам спорта: легкая атлетика, борьба, гребля, стрельба, городки и др. В итоге 1-е место заняли спортсмены РСФСР, 2-е УССР, 3-е БССР [6, с. 92].

Одновременно руководство страны понимало, что именно подготовка персонала, тренеров и научно-педагогических кадров определяет в дальнейшем развитие физической культуры и спорта. Уже в начале 20-х гг. в СССР были сформированы Центральный институт физической культуры в г. Москве и Институт физкультурного образования им. П. Ф. Лесгафта в г. Петрограде. В БССР в июле 1927 г. насчитывалось 228 инструкторов и помощников инструкторов по спорту, большинство из которых закончили краткосрочные курсы. В 1927–1928 гг. в г. Минске были организованы республиканские курсы по физической культуре и спорту, по программе 288 учебных часов. В ноябре 1927 г. СНК БССР принял постановление «Аб стане фізычнага выхавання». Народному комиссариату просвещения было поручено: совместно с ВСФКБ разработать вопрос об организации в БССР учебного заведения по подготовке руководителей физкультурного воспитания; в учебную программу медицинского факультета БГУ для студентов включить специальный курс по физической культуре. 01.10.1929 г. в г. Минске был открыт физкультурный техникум [5, с.11–12].

К концу 20-х годов в СССР наблюдался экономический рост, улучшились условия труда и качества жизни рабочих и крестьян. Государственные органы придавали большое значение физической культуре и определяли ее важную роль в системе культурно-просветительской работы с населением страны. Так, в Постановлении ЦК ВКП(б) от 23.10.1929 «О физкультурном движении» было внесено предложение о более высокой организованности и планированию, расширении сферы деятельности физкультурной работы. ВЦИК СССР выносит решение о формировании Всесоюзного совета физической культуры, который наделяется полномочиями государственного руководящего органа. Особое значение ЦК ВКП(б) было уделено подготовке инструкторов-физкультурников и руководителей

на соответствующих курсах, улучшению деятельности профсоюзных и комсомольских организаций по развитию физкультурной работы, увеличению численности вовлеченного населения в физическое движение [11, с.18–20].

Работа по физической культуре становится делом первостепенной важности советского государства. 01.04.1930 ВЦИК СССР утвердил Всесоюзный совет физической культуры при Центральном Исполнительном Комитете СССР. С этого времени работа народных комиссариатов в области физической культуры становится плановой и согласованной.

Продолжалось активное привлечение рабочих и крестьян к занятиям физкультурой и спортом с помощью общественных спортивных организаций, принятия комплексов по физической и военной подготовке. Например, в 1931 г. под руководством Осоавиахима принят комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО). В октябре 1932 г. постановлением Совета труда и обороны в Осоавиахиме утверждено почетное звание «Ворошиловский стрелок».

Заключение. Таким образом, Советская власть рассматривала физкультуру и спорт неотъемлемой частью политического, гражданского и культурного образования. В распространение спорта и привлечение рабочей и крестьянской молодежи к занятиям физической культурой внесли важный вклад РКСМ, профсоюзы, спортивные клубы «Динамо», СКА. Проведение массовых спортивных праздников и мероприятий, включение комплексов «ГТО», учреждение звания «Ворошиловский стрелок» популяризировали занятия физкультурой и спортом. В результате совместной работы Всеобуча, комсомола, профсоюзов, Наркома образования, физкультурных и спортивных организаций был создан новый образ строителя коммунизма – грамотного, спортивного, культурного, стремление соответствовать которому впоследствии поддерживалось молодежью Советского Союза.

Список литературы

1. Могильный Н. В. Физическая культура и спорт в Белоруссии за годы Советской власти. Минск: БГУ, 1958. 186 с.
2. Кулинкович К. А. Развитие физической культуры и спорта в БССР. Минск: Беларусь, 1969. 166 с.
3. Даніловіч В. В. Моладзь у грамадзянска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.). Мінск: Беларуская навука, 2020. 730 с.
4. Физическая культура и спорт в Белоруссии: страницы летописи / под общ. ред. В. П. Сазановича. Минск: Полымя 1988. 271 с.
5. Белорусский государственный университет физической культуры: о времени, о спорте, о себе / Белорус. гос. ун-т физ. культуры; под общ. ред. М. Е. Кобринского. Минск: БГУФК, 2007. 398 с.
6. Зданевич А. А., Шушкевич Л. В. История физической культуры и спорта. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2020. 244 с.
7. Минина Н. В., Нахаева Е. М. Всеобщая история физической культуры и спорта. Минск: РИПО, 2022. 203 с.

8. Бусько С. И. Физкультурно-спортивная инфраструктура в белорусских губерниях в начале XX в. // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.; редкол.: В. А. Гайсёнок (пред.) [и др.]. Минск: РИВШ, 2020. Вып. 20, ч. 1: Исторические и психолого-педагогические науки. С. 231–238.
9. Бусько С. И. Спартыўныя грамадскія арганізацыі ў беларускіх губернях: стварэнне, структура, дзейнасць (канец XIX – пачатак XX ст.) // Весці БДПУ. 2020. Сер. 2, № 2. С. 67–70.
10. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1937.
11. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам Советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. М.: Физкультура и спорт, 1958. 291 с.

References

1. Mogil'nyy N. V. *Fizicheskaya kul'tura i sport v Belorussii za gody Sovetskoy vlasti* [Physical culture and sports in Belarus during the years of Soviet power]. Minsk, BGU Publ., 1958. 186 p. (In Russian).
2. Kulinkovich K. A. *Razvitiye fizicheskoy kul'tury i sporta v BSSR* [Development of physical culture and sports in the BSSR]. Minsk, Belarus' Publ., 1969. 166 p. (In Russian).
3. Danilovich V. V. *Moladz' u gramadzyanska-palitychnym, satsyial'na-ekanamichnym i kul'turnym budaunitstve Savetskay Belarusi (1921–1939 gg.)* [Youth in the Gramadyansk-Palitychny, Satsyialna-Ekanamichny and Cultural Life of Savetskaya Belarus (1921–1939)]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020. 730 p. (In Belarusian).
4. *Fizicheskaya kul'tura i sport v Belorussii: stranitsy letopisi* [Physical culture and sports in Belarus: pages of the chronicle]. Ed. by V. P. Sazanovich. Minsk, Polymya Publ., 1988. 271 p. (In Russian).
5. *Belorusskiy gosudarstvennyy universitet fizicheskoy kul'tury: o vremeni, o sporte, o sebe* [Belarusian State University of Physical Culture: about time, about sports, about yourself]. Ed. by M. E. Kobrinskiy. Minsk, BGUFK Publ., 2007. 398 p. (In Russian).
6. Zdanevich A. A., Shushkevich L.V. *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [History of physical culture and sport]. Brest, BrGU im. A. S. Pushkina Publ., 2020. 244 p. (In Russian).
7. Minina N. V., Nakhaeva E. M. *Vseobshchaya istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [General history of physical culture and sports]. Vitebsk, VGU im P. M. Masherova Publ., 2021. 95 p. (In Russian).
8. Bus'ko S. I. Physical and sports infrastructure in Belarusian provinces at the beginning of the 20th century]. *Istoricheskiye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki: sb. nauch. statey* [Historical and psychological-pedagogical sciences: collection of scientific articles]. Minsk, RIVSh. Publ., 2020, issue 20, part 1, pp. 231–238 (In Russian).
9. Bus'ko S. I. Sports public organizations in Belarusian provinces: creation, structure, activity (end of the 19th – beginning of the 20th century). *Vesti BDPU* [News BSPU], 2020, series 2, no. 2, pp. 67–70 (In Belarusian).
10. National Archive of the Republic of Belarus. Fund 101. I. 1. F. 1937.
11. *Osnovnyye postanovleniya, prikazy i instruktsii po voprosam Sovetskoy fizicheskoy kul'tury i sporta 1917–1957 gg.* [Main decrees, orders, and instructions on the issues of Soviet physical culture and sports 1917–1957]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1958. 291 p. (In Russian).

Информация об авторе

Комиссарова Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры социального управления. Белорусский национальный технический университет, Минск (220013, г. Минск, пр. Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: Eak1@inbox.ru

Information about the author

Komissarova Elena Anatolievna – Senior Lecturer, the Department of Social Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220013, Republic of Belarus). E-mail: Eak1@inbox.ru

Поступила 08.09.2023

УДК 821.161.3«1920/1930»

И. В. Коледа

Белорусский государственный технологический университет

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В БССР В 1920-Е ГГ.

В статье рассматриваются проблемы создания и развития системы образования в БССР в 1920-е гг. В комплексе разработанных мероприятий по белорусизации общественной жизни в республике первоочередное значение придавалось системе народного образования, так как от изменений именно в этой отрасли во многом зависел успех решения всей проблемы в целом.

Белорусизация осуществлялась параллельно по всем категориям образовательных и воспитательных учреждений. основополагающим принципом национальной политики в школьном деле было обеспечение прав и возможностей каждой национальности, проживающей на территории Беларуси, обучать детей на родном языке пропорционально их составу в общей численности населения и желанию родителей.

В 1920-е гг. система народного образования в БССР в основном сложилась, сформировались принципы государственной политики и деятельности партийных и общественных организаций в этой сфере. В сложных материальных условиях росла сеть общеобразовательных школ, техникумов, вузов. Расширение обучения на белорусском языке закладывало основы для воспитания национального самосознания. Это время стало важным этапом в становлении белорусской науки, когда были созданы и разворачивали свою деятельность первые научные учреждения, формировались кадры ученых.

Ключевые слова: белорусизация, образование, государственная политика, белорусский язык, терминология, педагогические кадры, учебные учреждения.

Для цитирования: Коледа И. В. Создание системы образования в БССР в 1920-е гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 46–50. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-8.

I. V. Koleda

Belarusian State Technological University

CREATING THE EDUCATIONAL SYSTEM IN THE BSSR IN 1920S

The article deals with the problems of creating and developing the education system in the BSSR in the 1920s. In the complex of measures developed for the Belarusianization of public life in the republic, priority was given to the public education system, because the success of solving the problem as a whole largely depended on the changes in this particular industry.

Belarusization was carried out in parallel across all categories of educational and educational institutions. The fundamental principle of national policy in school affairs was to ensure the rights and opportunities of every nationality living on the territory of Belarus to educate children in their native language in proportion to their composition in the total population and the wishes of their parents.

In the 1920s, the system of public education in the BSSR basically took shape, the principles of state policy and the activities of party and public organizations in this area were formed. In difficult material conditions, a network of general education schools, technical schools, and universities grew. The expansion of education in the Belarusian language laid the foundation for the education of national identity. This time became an important stage in the development of Belarusian science, when the first scientific institutions were created and began their activities, and a cadre of scientists was formed.

Keywords: Belarusianization, education, state policy, Belarusian language, terminology, teaching staff, educational institutions.

For citation: Koleda I. V. Creating the educational system in the BSSR in 1920s. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 46–50. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-8 (In Russian).

Введение. Определяющим фактором развития всей общественной жизни БССР в 1920-е–1930-е гг. стала белорусизация – политика национально-государственного и национально-куль-

турного строительства, основным направлением которой было развитие белорусского языка. При разработке мер по возрождению белорусского языка необходимо было учитывать его

диалектическое многообразие, незавершенность процесса формирования в качестве литературного, неразработанность научной, политической, юридической терминологии. Соответственно определялись и задачи: научная разработка проблем белорусского языка, его истории, усовершенствование лексики и грамматики, терминологии на основе изучения белорусского языка. Это было необходимо, так как печатное слово таким образом становилось более понятным широким массам, облегчало приобщение к книге. Основная роль в решении этих задач отводилась Народному комиссариату образования, Институту белорусской культуры, соответствующим университетским кафедрам.

Еще в феврале 1921 г. была создана Белорусская научно-терминологическая комиссия, которая должна была разработать белорусскую терминологию по всем научным направлениям. И уже 1 мая 1921 г. Комиссия представила свой первый отчет: за два с половиной месяца она сумела обработать и окончательно принять 2270 и подготовить к утверждению более 5000 терминов. Большая часть терминологии касалась терминов, которые использовались в средней школе. К 1922 г. была издана научная белорусская терминология по гуманитарным, природоведческим и математическим отраслям.

Деятельность Научно-терминологической комиссии была ограничена только терминологией. Для более глубокого развития белорусской культуры необходимо было создание учреждения более значительного масштаба. Поэтому на базе Научно-терминологической комиссии в 1922 г. был создан Институт белорусской культуры, который в дальнейшем возглавил исследования во всех отраслях науки, связанных с белорусской культурой (председатель – С. Некрашевич, действительные члены: Е. Карский, И. Луцевич (Купала), К. Мицкевич (Колос), Я. Лесик и др.). Его основной задачей была организация планомерного изучения языка, литературы, истории, экономики Беларуси.

Основная часть. В комплексе разработанных мероприятий по белорусизации общественной жизни в республике первоочередное значение придавалось системе народного образования, так как от изменений именно в этой отрасли во многом зависел успех решения всей проблемы в целом. После глубокого анализа реального положения было принято единственно правильное решение: белорусизацию осуществлять параллельно по всем категориям учебных и воспитательных учреждений, т. е. начиная от детских садиков и заканчивая техникумами и институтами. Введение белорусского языка в учебно-воспитательный процесс в учреждения двух

последних категорий практически снимало проблему белорусизации в трудовых школах, так как они были заинтересованы учить детей на том языке, который являлся рабочим для техникумов и институтов.

Основополагающим принципом национальной политики в школьном деле было обеспечение прав и возможностей каждой национальности, проживающей на территории Беларуси, обучать детей на родном языке пропорционально их составу в общей численности населения и желанию родителей. Кроме того, при проведении белорусизации школ Народный комиссариат образования руководствовался следующими принципами: низшие школы обязаны работать на родном языке трудового населения; выпускники техникумов и вузов должны обслуживать население на его родном языке; русский язык, как язык союзного значения, обязателен для изучения во всех учебных заведениях, несмотря на то, на каком языке это заведение работает (из доклада наркома образования Балицкого А. на VIII Всебелорусском съезде Советов) [1, с. 227].

В результате в 1925–1926 гг. в 4-летних школах обучение полностью велось на белорусском языке, в 7-летних – первые три класса также были переведены на белорусский язык, старшие классы – на 40%. К 1928 г. около 80% школ было переведено на белорусский язык обучения [2, с. 72]. Полностью на белорусском языке шло воспитание в детских домах и садах.

Следует отметить, что политика белорусизации с ее приоритетом белорусского языка и культуры ни в своих исторических истоках, ни во время своего наивысшего взлета в 1920-е гг. никогда не содержала в себе пренебрежительного отношения к языкам и культурам других народов. Более того, рядом с белорусскими открывались школы и классы с родным языком обучения для представителей национальных меньшинств: русских, еврейских, польских, украинских и др. Так, активно развивалась сеть еврейских школ – в 1926/27 учебном году количество начальных школ увеличилось до 132–147, а семилетних – до 50–53, что составило соответственно 3 и 18% от общего количества таких школ в республике; польских школ – 138 (кроме польских были белорусские школы с преподаванием польского языка); в 1925/26 учебном году открылись первые две литовские школы в Полоцком округе (в 1927 г. их было уже 10) [3, с. 75].

В 1927 г. обучение в школах Беларуси велось на восьми национальных языках.

Большинство учителей, особенно сельских, относилось к белорусизации благожелательно. Городские учителя воспринимали белорусизацию

как необходимость и не возражали против ее. Можно говорить о том, что среди интеллигенции к 1927 г. сложились уже довольно значительные кадры, которые активно принимали участие в культурном строительстве. Вместе с тем и среди учителей, и среди учеников были и те, кто относился к белорусизации враждебно или формально. Например, были случаи нежелания изучать белорусский язык в школах: дети в анонимных анкетах писали, что «...нам больше нравится русский язык, т. к. на белорусском языке дальше Минска не поедешь» (из сообщения Мозырской окружной нацкомиссии от 25.06.29) [4, с. 81].

К сожалению, основания для недовольства были. Так, в некоторых районах настолько тщательно взялись за белорусизацию (например, на Могилевщине), что сожгли все учебники на русском языке, а это, естественно, вызвало недовольство населения, особенно сельского (их детям сложно было поступить в 7-летние школы, где требовалось знание русского языка). В отдельных случаях наблюдался резкий контраст между помещениями и оборудованием, например, еврейской и белорусской школы в одной и той же местности. Это приводило к тому, что еврейская школа этой местности рассматривалась населением как школа второго сорта, что способствовало оттоку учеников из этой школы в белорусские или русские школы.

В период осуществления белорусизации одной из самых острых была проблема образовательных кадров. Для ее разрешения ЦИК БССР обратился к Наркомобразованию РСФСР с просьбой откомандировать в БССР учителей – уроженцев Беларуси, а также опубликовал обращение к ним с призывом включиться в культурное возрождение страны. Благодаря этому обращению на родину вернулся Я. Колас, один с первых организаторов белорусских школ (до этого времени он работал учителем в Курской области). По приглашению Академического центра БССР в Минск приехал Е. Романов, один из самых известных белорусских языковедов, этнографов, который с 1917 г. жил и работал в Ставрополе. В скором времени из Одессы вернулись такие выдающиеся деятели белорусской культуры, как Балицкий А., Некрашевич С., Ильюченки Петр и Юлиан, Лежневич А., Питухович М., Громыко Н., Олехнович Ф. В 1925 г. на родину вернулся известный белорусский историк и этнограф Довнар-Запольский М., который возглавил историко-этнографическую комиссию Инбелкульту, преподавал в Белорусском государственном университете.

С учетом сложности проблемы формирования преподавательских кадров особое внимание

уделялось подготовке учителей, которые могли бы вести преподавание на белорусском языке, для чего стали открываться краткосрочные курсы (ежегодно на 1,5–2,5 месяца). Курсы имели практический характер и разрабатывали вопросы методики и школьной практики. К 1927 г. через такие курсы прошло 75% учителей [5, с. 416]. Работали также краткосрочные курсы (3 месяца) специально для изучения белорусского языка.

С целью переподготовки учителей в декабре 1923 г. в Минске начали работать Высшие курсы белорусоведения, в учебных планах которых были такие дисциплины, как белорусский язык, история белорусской литературы, история Беларуси, география и этнография Беларуси, белорусское искусство, методика языка и литературы. Интересно отметить, что одновременно с Высшими курсами белорусоведения работали Центральные белорусские курсы по переподготовке учителей белорусских школ РСФСР (это были двухмесячные курсы, слушателями которых являлись учителя из Брянской, Смоленской и Псковской губерний).

Отметим, что учителя, окончившие курсы белорусоведения, назначались только в белорусские школы или в те, которые должны были перейти на белорусский язык. Кроме того, эти учителя должны были на местах объединить вокруг себя белорусское учительство близлежащих районов и наладить среди них работу по укреплению национального самосознания путем создания отдельных кружков и секций.

Проводилась работа по белорусизации профшкол, техникумов. Примером здесь являлись учреждения педагогического профиля, готовившие учительские кадры. К 1928 г. полностью были белорусизированы педагогические техникумы и курсы по подготовке учителей. Белорусизация других техникумов (индустриальных, строительного, кооперативного, художественного) заключалась в том, что там белорусский язык был введен как предмет изучения.

Создание сети образования национальных меньшинств потребовало ускоренной подготовки соответствующих педагогических кадров. В 1926/27 учебном году работали 3 национальных еврейских (в Минске, Витебске и Гомеле) и польский педагогических техникума. Для подготовки учителей латышского языка Наркомобразованию посылал в Ленинградский латышский педтехникум по 10 стипендиатов.

Высшие учебные заведения переходили на белорусский язык медленнее, что объясняется, в первую очередь, недостаточным знанием белорусского языка преподавательским составом.

Особое внимание уделялось изучению белорусского языка студентами вузов при переходе

на последний курс обучения, и если, например, выпускники университета не демонстрировали достаточных знаний белорусского языка, их оставляли еще на год для специального его изучения.

Отметим, что в ходе проведения белорусизации высших учебных заведений были сложности и серьезные недостатки, наблюдались формальные отношения и даже сопротивление некоторой части сотрудников вузов изучению белорусского языка и переводу преподавания их дисциплин на этот язык. Не способствовало белорусизации вузов применение нажима и административных мер. Например, значительная часть преподавателей и студентов высказывали недовольство решением считать окончившими университет только тех, кто хорошо владел белорусским языком. На этой почве возникали конфликты и среди студентов.

Тем не менее, несмотря на многочисленные трудности, к концу 1920-х гг. значительно укрепилась научная база Белорусского государственного университета, Белорусской сельскохозяйственной академии, других вузов республики. Тем самым обеспечивалась подготовка как кадров специалистов-практиков, так и молодой белорусской профессуры, которая вместе с учеными, приехавшими в БССР по приглашению белорусского правительства, составила довольно значительный на то время интеллектуальный потенциал зарождающейся белорусской науки.

С учетом потребностей развития народного хозяйства и культуры на базе Инбелкультула была создана Белорусская Академия наук, которая открылась 1 января 1929 г. Ее первым президентом стал академик Игнатовский В. М., вице-президентами – академики Белуга М. И. и Некраше-

вич С. Н. Первыми действительными членами были 22 известных общественных деятеля, писателя, в том числе Колос Я., Купала Я., Пичета В., Замотин И., Ясинский А. (среди них были белорусы, русские, евреи, литовец и др.).

Для разработки научных и культурных проблем, связанных с особенностями тех или других национальностей, при Академии наук были организованы еврейская, польская и латышская секции. Еврейская секция, например, имела в своем составе лингвистическую, литературную, социально-экономическую и фольклорную комиссии, которые разрабатывали вопросы по истории евреев в Беларуси и Литве, по истории колонизации, рекрутчины и т. д.

Заключение. Таким образом, в 1920-е гг. система народного образования в основном сложилась, сформировались принципы государственной политики и деятельности партийных и общественных организаций в этой сфере. В сложных материальных условиях росла сеть общеобразовательных школ, техникумов, вузов. Расширение обучения на белорусском языке закладывало основы для воспитания национального самосознания. Очевидно, что это время стало важным этапом в становлении белорусской науки, когда были созданы и разворачивали свою деятельность первые научные учреждения, формировались кадры ученых, были достигнуты определенные успехи в области гуманитарных, биологических, сельскохозяйственных и других наук. Центром научного развития, культурной жизни стал Институт белорусской культуры, где многое было сделано для белорусского возрождения, формирования научных и культурных кадров.

Список литературы

1. Восьмы Ўсебеларускі з'езд Саветаў. Стэнаграфічная справаздача. Мінск: Выд-ва ЦВК БССР, 1927. 486 с.
2. Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Мінск: Беларускае выд-ва, 1927. 137 с.
3. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання ў БССР: у 2 ч. Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР. Ч. 1: Беларусізацыя, 1928. 152 с.
4. Два гады нацыянальнай работы ў БССР: збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальнаму пытання. Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР, 1929. 167 с.
5. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Минск: Изд-во СНК БССР, 1927. 528 с.

References

1. *Vos'my Ysebelaruski z'yezd Savetau. Stenagrafichnaya spravazdacha* [Eighth All-Belarusian Congress of Soviets Verbatim report]. Minsk, Vydavetstva TsVK BSSR Publ., 1927. 486 p. (In Belarusian).
2. *Charvyakou A. Za Savetskuyu Belarus'* [For Soviet Belarus]. Minsk, Belaruskaye vydavetstva Publ., 1927. 137 p. (In Belarusian).
3. *Praktychnaye vyrashenne natsyyanal'naga pytannya u BSSR. U 2 ch. Ch 1. Belarusizatsiya* [The practical solution of the national question in the Byelorussian SSR. In 2 parts. Part 1. Belarusization]. Minsk, Vydavetstva Natskamisii TsVK BSSR Publ., 1928. 152 p. (In Belarusian).

4. *Dva gady natsyyanal'nay raboty u BSSR: zbor pramou, artykulau i rezalyutsyy pa natsyyanal'namu pytannyu* [Two years of national work in the BSSR: the collection of speeches, articles and resolutions on the national question]. Minsk, Vydavetstva Natskamsii TsVK BSSR Publ., 1929. 167 p. (In Belarusian).

5. *Beloruskaya Sovetskaya Sotsialisticheskaya Respublika* [Belarusian Soviet Socialist Republic]. Minsk, Izdatel'stvo SNK BSSR Publ., 1927. 528 p. (In Russian).

Информация об авторе

Коледа Инна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь).

Information about the author

Kolyada Ina Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 15.09.2023

УДК 325.2(450)«1921/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ТВОРЧЫЯ І АДУКАЦЫЙНЫЯ ПРАЕКТЫ БЕЛАРУСАЎ
У ІТАЛІІ (1921–1939 ГГ.)**

У артыкуле прааналізавана дзейнасць беларускіх студэнтаў у каталіцкіх навучальных установах Рыма, прыведзены факты творчай кар’еры беларусаў у Італіі. Беларускі оперны спявак Павел Пракапеня рэгулярна выступаў з канцэртамі ў італьянскіх гарадах, плануючы папулярны-заваць беларускую народную музычную культуру праз радыёзапісы ў Рыме. Ксяндзы-беларусы вучыліся ў Папскім Грыгарыянскім універсітэце і Папскім усходнім інстытуце ў Рыме. Беларускія католікі вылучаліся сваёй актыўнай грамадскай дзейнасцю, удзельнічалі ў міжнародных студэнцкіх арганізацыях, у 1926 г. дабіліся аўдыенцыі ў Папы Рымскага Пія XI. Беларускія ксяндзы ў Італіі адкрыта заяўлялі пра дыскрымінацыю беларусаў-католікаў у Польшчы, што прыводзіла да палітычных канфліктаў з палякамі на міжнародным узроўні. У артыкуле вызначана роля міжнароднага супрацоўніцтва беларусаў у Італіі. Пры падтрымцы нямецкага пасольства пры Ватыкане ксяндзы-беларусы планавалі адчыніць Беларускую духоўную семінарыю у Рыме. Праект семінарыі не быў рэалізаваны, аднак стаў чарговай спробай стварэння беларускай вышэйшай навучальнай установы за мяжой у міжваенны перыяд.

Ключавыя словы: беларускі эмігрант, беларуская эміграцыя, беларуская дыяспара, Італія, каталіцкі касцёл, музычная культура.

Для цытавання: Коваль В. У. Творчыя і адукацыйныя праекты беларусаў у Італіі (1921–1939 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 51–54. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-9.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**CREATIVE AND EDUCATIONAL PROJECTS
OF BELARUSIANS IN ITALY (1921–1939)**

This article analyzes the activity of Belarusian students in the higher Catholic institutions of Rome. Some facts about the creative career of Belarusians in Italy are presented. Belarusian opera singer Pavel Prokopenya regularly gave concerts in Italian cities. He planned to popularize the Belarusian folk musical culture as his own radio recordings in Rome. Belarusian priests studied at the Pontifical Gregorian University and the Pontifical Oriental Institute in Rome. They carried out the active public work, participated in the international student organizations. Belarusian Catholics achieved an audience with Pope Pius XI in 1926. Belarusian priests in Italy openly described the situation of religious discrimination against Belarusian Catholics in Poland, which led to the political international conflicts. The article provides the role of the Belarusian international cooperation in Italy. Belarusian priests in Rome planned to open a Belarusian theological seminary in Rome with the support of the German Embassy in the Vatican. The seminary project was not realized. This project was another attempt to organize a Belarusian higher education institution abroad during the interwar period.

Keywords: Belarusian emigrant, Belarusian emigration, Belarusian diaspora, Italy, Catholic church, musical culture.

For citation: Koval V. U. Creative and educational projects of Belarusians in Italy (1921–1939). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 51–54. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-9 (In Belarusian).

Уводзіны. У айчыннай гісторыі міжваенны перыяд вызначыўся фарміраваннем сталай эміграцыйнай хвалі беларускага насельніцтва з тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая з 1921 г. па 1939 г. уваходзіла ў склад Другой Рэчы Паспалітай. Найбуйнейшыя цэнтры палітычнай і эканамічнай эміграцыі вылучыліся яшчэ ў пачатку 1920-х гг., значны ўплыў на іх фарміра-

ванне аказалі спрыяльная эканамічная кан’юнктура, прававая падтрымка эмігрантаў, крэдытныя праграмы і адметнасці ўнутранай палітыкі дзяржаў-рэцыпіентаў. У міжваенны перыяд эміграцыя беларусаў у Італію не мела масавага характару, аднак асобныя беларускія арганізацыі Рыма пакінулі значны след у гісторыі нацыянальнай дыяспары.

Італію сярод іншых еўрапейскіх краін у 1920–1930-я гг. вылучаў высокі ўзровень культурнага развіцця і актыўная дзейнасць каталіцкага духавенства, таму таленавітыя і ініцыятыўныя беларусы праявілі сябе ў Рыме ў галіне мастацтва і пакінулі след праз дзейнасць рэлігійных ўстаноў і арганізацый.

Асноўная частка. Беларуская супольнасць у Італіі вылучалася сваімі смелымі ініцыятывамі, пра якія рэгулярна публікавалася інфармацыя на старонках віленскай прэсы і ў замежных перыядычных выданнях. Міжваенная Італія стала асноўным каталіцкім цэнтрам беларусаў замежжа. Ксяндзы-беларусы ў Рыме актыўна развівалі супрацоўніцтва з міжнароднымі каталіцкімі арганізацыямі, удзельнічалі ў грамадскім жыцці беларускай дыяспары, падтрымлівалі сувязі з метраполіяй.

Асобныя таленавітыя беларусы накіроўваліся ў Італію, каб развіць свае творчыя здольнасці, набыць адукацыю ў галіне мастацтва. У італьянскім асяроддзі беларусы не страчвалі сваёй нацыянальнай ідэнтычнасці, яны імкнуліся папулярываць беларускую музычную культуру за мяжой. Італьянскае бельканта («bel canto») – тэхніка віртуозных спеваў праславіла опернае мастацтва гэтай краіны на ўвесь свет. У Італію імкнуліся выехаць на вучобу маладыя спевакі з розных краін свету, бо там аформілася ўнікальная музычная школа, якая стварала выключных артыстаў для опернай сцэны.

Сярод творча адоранай моладзі ў Італіі вучыліся і выступалі таксама беларускія артысты. У літаратурна-навуковым часопісе «Калосьсе» былі апублікаваны матэрыялы пра беларускага таленавітага опернага спявака Паўла Пракапеню [1, 2], які вучыўся мастацтву выканаўцы оперных партый у Вене, Мілане і Рыме. Беларусь з італьянскай опернай школы абяцаў выдаўцам часопіса папулярываць нацыянальную культуру пры падтрымцы сваіх выкладчыкаў у Рыме: «Артыст запэўнівае, што канцэртуючы будзе даваць і рэпэртаў беларускі. Незадоўга – кажа – пачуецца з рымскага мікрафону нашыя родныя беларускія песьні» [1, с. 121]. Творчая кар’ера спявака была насычанай, ён меў сярод сваіх педагогаў і калег нямала знакамітых асоб з розных еўрапейскіх краін. Малады выканаўца атрымаў падтрымку свайго настаўніка, сусветна вядомага опернага спявака Яна Кепуры, які часта на канцэртах сам прадстаўляў публіцы Паўла Пракапеню.

Нягледзячы на тое, што беларускі бас-барытон Пракапеня П. выступаў у Аўстрыі, Швейцарыі, Германіі, Англіі, Францыі [2, с. 120], публіка запамінала яго талент выключна паспяховымі канцэртамі менавіта ў Італіі, дзе беларус выступаў дастаткова часта. «Толькі за два з

палавінаю гады перад рымскім мікрафонам даў 54 канцэрты, а ў Мілане, Нэаполі і іншых местах Італіі – 34 канцэрты» [1, с. 121], – пазначалася ў часопісе «Калосьсе». Оперны спявак-беларус праслаўляў нацыянальную культуру, звяртаючы ўвагу прафесійнай міжнароднай супольнасці на мелагучную беларускую народную песню.

Агульнае веравызнанне кансалідавала людзей, рэлігійныя ўстановы і арганізацыі аб’ядноўвалі іх агульнымі справамі. У Другой Рэчы Паспалітай у 1920-я гг. на тэрыторыі Заходняй Беларусі змянілася роля праваслаўнай царквы, яна згубіла сваю дамінуючую ролю ў грамадскім жыцці, як гэта было ў Расійскай імперыі. Польскія ўлады пачалі перадаваць будынкі царквы католікам з мэтай рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі паланізацыі. Польская нацыянальная ідэя павінна была аказаць непасрэдны ўплыў на калектыўную самасвядомасць беларусаў праз Рыма-каталіцкі касцёл.

Ускладняе гістарычнае даследаванне той факт, што значная частка беларускамоўных католікаў лічыла сябе палякамі, аднак сярод каталіцкага насельніцтва былі групы, якія прынцыпова адносілі сябе да беларусаў. Большасць праваслаўнага насельніцтва на беларускіх тэрыторыях не адносілі сябе да палякаў, аднак існавалі польскія праваслаўныя арганізацыі, якія спрыялі працэсу апалячвання. Напрыклад, у 1938 г. праваслаўныя палякі не перашкаджалі польскім адміністрацыйным уладам, калі тыя прынялі рашэнне і даручылі мясцовым органам разабраць у г. Гродна царкву Аляксандра Неўскага [3, с. 270]. Барацьба з праваслаўнымі будынкамі мела палітычную аснову, бо колькасць праваслаўных жыхароў рэзка скарачалася ў тым населеным пункце, дзе сабор перабудоўваўся ў касцёл.

У Другой Рэчы Паспалітай ажыццяўлялася не толькі пераследванне праваслаўнай царквы, але і каталіцкіх ксяндзоў, якія імкнуліся праводзіць набажэнствы па-беларуску ці нават выкарыстоўвалі беларускую мову ў гутарках з вернікамі. Барацьба супраць беларускай нацыянальнай ідэі ў каталіцкім асяроддзі разгарнулася даволі шырока, ксяндзы сутыкаліся з праблемамі нават у сітуацыі, калі дэманстравалі веданне беларускай мовы.

Вядомы ў беларускім каталіцкім асяроддзі ксёндз Ян Міхаіл Тарасевіч, які карыстаўся павагай і аўтарытэтам сярод беларусаў ЗША, таксама сутыкнуўся з дыскрымінацыяй з боку польскіх улад. Ксёндз Тарасевіч прыехаў са Злучаных Штатаў у вёску Клешнікі да брата, дзе пачаў гутарыць з вяскоўцамі па-беларуску, за што стараста афіцыйна запатрабаваў яго высялення за межы краіны (нягледзячы на амерыканскі пашпарт ксяндза з дзеючай польскай візай) [4, с. 96]. Знакамітага святара абвінавацілі ў шавінізме толькі

за выкарыстанне беларускай мовы ў побытавай камунікацыі, што дэманструе праблемную рэлігійную сітуацыю ў Заходняй Беларусі.

Беларускія студэнты ў Італіі набывалі адукацыю ў Папскім Грыгарыянскім універсітэце ў Рыме і ў Папскім усходнім інстытуце ў Рыме [5]. У вышэйшых каталіцкіх навучальных установах беларусы вывучалі філасофію, гісторыю царквы, кананічнае права і іншыя навукі. На падставе ліставання, якое захоўваецца ў Беларускам дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва, можна зрабіць выснову, што сваёй высокай грамадскай актыўнасцю вылучыліся наступныя беларусы-ксяндзы ў Італіі: Станіслаў Глякоўскі, Антон Ройка, Францішак Чарняўскі [5]. Пералічаная група беларускіх ксяндзоў у 1925 г. нават выступіла з ініцыятывай зарэгістраваць сваю суполку ў Італіі ў Аб'яднанні беларускіх студэнцкіх арганізацый (цэнтральны орган міжнароднай арганізацыі дзейнічаў у Празе). Ініцыятыва была прынята, пасля гэтага пачалі развівацца кантакты паміж беларусамі ў Чэхаславакіі і ксяндзамі ў Італіі. Ксяндзы-беларусы ў Італіі Кулак К. і Чарняўскі Ф. у лістападзе 1925 г. прынялі ўдзел ва ўрачыстым святкаванні 1600-й гадавіны Нікейскага Сабора [6, с. 8]. Удзельнікі ўрачыстасці атрымалі права выступіць ад імя беларускіх католікаў, што мела палітычнае значэнне для нацыянальнай супольнасці.

Ксяндзы-беларусы ў Італіі спрабавалі развіваць нацыянальную ідэю за мяжой, яны імкнуліся арганізаваць у Рыме беларускі каталіцкі цэнтр. У 1924 г. пры падтрымцы нямецкага пасольства пры Ватыкане беларусы ў Італіі спрабавалі стварыць Беларускаю духоўную семінарыю ў Рыме, пра што адразу з'явіліся матэрыялы ў прэсе («Віленскі дзённік», «Сын Беларуса») [7, с. 1]. Ініцыятыва стварэння новай духоўнай семінарыі была негатыўна ўспрынята ксяндзамі-палякамі, якія супраціўляліся развіццю беларускай нацыянальнай ідэі сярод каталіцкага насельніцтва. Беларуская духоўная семінарыя ў Італіі так і не была адчынена, аднак дыскусіі аб стварэнні вышэйшай нацыянальнай ўстановы за мяжой працягваліся яшчэ да сярэдзіны 1930-х гг.

Актыўная грамадская пазіцыя беларусаў у Італіі асвятлялася на старонках віленскай беларускамоўнай прэсы. Газета «Беларуская Крыніца» нават аформіла асобную рубрыку пад назвай «Беларусы ў Рыме», матэрыялы якой на сучасны момант сталі карыснай і інфарматыўнай гістарычнай крыніцай пра дзейнасць беларусаў замежжа. Газетны артыкул «Папа Pius XI і Беларусы» [8, с. 6] нават зафіксаваў афіцыйны візіт беларускіх ксяндзоў да Папы Рымскага. У 1926 г. беларускія студэнты-католікі дабіліся аўдыенцыі ў Папы Рымскага Пія XI [8, с. 6]. У газетным матэрыяле распавядаецца пра дэталі

сустрэчы, на якой адбылося абмеркаванне стану беларускай каталіцкай супольнасці ў складзе Другой Рэчы Паспалітай. Важна падкрэсліць, што Папа Рымскі Пія XI вызначыўся ў гісторыі міжваеннага часу сваімі шырокімі дыпламатычнымі кантактамі. У перыяд яго пантыфіката Ватыкан атрымаў суверэннітэт як горад-дзяржава.

Сустрэча з беларусамі выклікала занепакоенасць польскіх ксяндзоў, пра што шчыра напісала «Беларуская Крыніца». Студэнты патлумачылі Папе Рымскаму, што ў Польшчы далёка не ўсе католікі з'яўляюцца палякамі па нацыянальнасці, а частка каталіцкага насельніцтва адносіць сябе да беларусаў: «Некалькі месяцаў таму Папеж прыняў беларускіх ксяндзоў студэнтаў, адбываючых у Рыме навукі. Давёў іх да Папежа стары мніх італьянец, які прадставіў іх як палякаў. На гэта адзін з ксяндзоў студэнтаў адазваўся: “мы не Палякі, а Беларусы”. Пасля гэтага Папеж бліжэй зацікавіўся студэнтамі і выпытваў з якіх яны мейсцаў беларускіх. Гэтым усім былі дужа незадаволены студэнты Палякі, прывыкшыя ўсіх католікоў у Польшчы лічыць “польскай веры”» [8, с. 6]. На высокім узроўні арганізаванай сустрэчы былі абмеркаваны не толькі рэлігійныя пытанні, але і палітычныя праблемы беларусаў як нацыянальнай меншасці ў Другой Рэчы Паспалітай.

Неабходна падкрэсліць, што беларусы-католікі мелі шырокія міжнародныя кантакты з рэлігійнымі арганізацыямі. Асабліва актыўна развівалася супрацоўніцтва будучых беларускіх ксяндзоў з харвацкім каталіцкім студэнцтвам. У выніку працы з'езда харвацкіх студэнтаў-католікоў, які адбыўся 22–24 ліпеня 1927 г. у г. Спліт (Югаславія), была аформлена рэзалюцыя да беларускіх католікоў [9, с. 3]. Харвацкія студэнты-католікі ў сваім афіцыйным дакуменце пазначылі праблему дыскрымінацыі беларускага каталіцкага насельніцтва ў Другой Рэчы Паспалітай. Занепакоенасць харватаў выклікала забарона праводзіць набажэнствы на беларускай мове, што падкрэслівалася ў рэзалюцыі як прыклад несправядлівага і нехрысціянскага стаўлення да нацыянальных пачуццяў беларусаў.

Сярод беларускіх студэнтаў у Італіі былі таленавітыя асобы, пра якіх на сваіх старонках размяшчалі матэрыялы замежныя перыядычныя выданні. Напрыклад, афіцыйны друкаваны орган Ватыкана «Рымскі агляд» («Osservatore Romano», № 141 за 1926 г.) апублікаваў рэліз пра паспяховую абарону доктарскай дысертацыі ксяндза-беларуса Станіслава Глякоўскага, якая адбылася ў Рыме 17 чэрвеня 1926 г. [10, с. 6]. Беларускі ксяндз з Віленскай архідыяцэзіі атрымаў адукацыю ў Папскім усходнім інстытуце ў Рыме. Газета «Беларуская крыніца» апублікавала тэму навуковай дысертацыі Ст. Глякоўскага:

«Малітва паводле дзённіка Іаана Кранштадскага “Маё жыццё ў Хрысце”» [10, с. 6]. Матэрыял віленскага выдання вылучала асабліва ўрачыстасць, пачуццё гонару за новага беларускага доктара касцельных усходніх навук Глякоўскага Ст.

Заклучэнне. Беларусы ў Італіі вызначыліся сваімі арганізацыйнымі і творчымі ініцыятывамі. Дзеячы мастацтва і беларускія ксяндзы імкнуліся папулярызаваць і развіваць нацыянальную адметнасць у іншакультурным асяроддзі. Оперны спявак Павел Пракапеня меў насычаную гастрольную праграму па краінах Еўропы, у рамках якой

спрабаваў пашыраць беларускую народную пеўчую культуру за мяжой. Ксяндзы-беларусы ўздымалі праблему нацыянальных меншасцей у Другой Рэчы Паспалітай на міжнародным узроўні. Яны дабіліся аўдыенцы ў Папы Рымскага Пія XI з мэтай абмеркавання пытання рэлігійнай дыскрымінацыі беларусаў у Польшчы. У гады пантыфіката Пія XI беларускія католікі ў розных краінах свету развівалі актыўнае супрацоўніцтва з Ватыканам. У 1924 г. узнік праект адкрыцця Беларускай духоўнай семінарыі ў Рыме, які так і не быў рэалізаваны.

Спіс літаратуры

1. Я. Ш. Павал Пракапеня // Калосьсе. 1937. Кн. 2 (11). С. 121.
2. Бужанскі А. Павал Пракапеня // Калосьсе. 1937. Кн. 2 (11). С. 120.
3. Chomik P. [et. al.] *Historia Białorusinów Podlasia*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2016. 538 s.
4. Mironowicz E. *Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego*. Białystok: Trans Humana, 2007. 294 s.
5. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Фонд 3. Воп. 1. Спр. 184. Арк. 9.
6. *Bielarusy ŭ Rymie* // *Bielaruskaja Krynica*. 1926. № 1. S. 8.
7. *Беларуская духоўная семінарыя ў Рыме* // *Сын Беларуса*. 1924. № 35. С. 1.
8. *Papież Pius XI i Bielarusy* // *Bielaruskaja Krynica*. 1926. № 33. S. 6.
9. *Charwackaje Katalickaje Studenstwa – Bielaruskam Katalickamu Studenstwu* // *Bielaruskaja Krynica*. 1927. № 36. S. 3.
10. *Ksiondz-bielarus – doktaram Papieskaha Uschodniaha Instytutu* // *Bielaruskaia Krynica*. 1926. № 21. S. 6.

References

1. Ja. Sh. Paval Prokopenya. *Kalos 'se* [Spikeiets], 1934, book 2 (11), p. 121 (In Belarusian).
2. Buzhanski A. Paval Prokopenya. *Kalos 'se* [Spikeiets], 1934, book 2 (11), pp. 120–121 (In Belarusian).
3. Chomik P. [et. al.] *Historia Białorusinów Podlasia* [History of the Belarusians in Podlyashsha]. Białystok, Białoruskie Towarzystwo Historyczne Publ., 2016. 538 p. (In Polish).
4. Mironowicz E. *Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego* [Belarusians and Ukrainians in the politics of the Pilsudski camp]. Białystok, Trans Humana Publ., 2007. 294 p. (In Polish).
5. Belarusian State Archive and Museum of Art. Fund 3. I. 1. F. 184. L. 9.
6. Belarusians in Rome. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1926, no. 1, p. 8 (In Belarusian).
7. Belarusian Theological Seminary in Rome. *Syn Belarusa* [The Son of Belarusian], 1924, no. 35, p. 1 (In Belarusian).
8. Pope Pius XI and Belarusians. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1926, no. 33, p. 6 (In Belarusian).
9. Croatian Catholic students to Belarusian Catholic students. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1927, no. 36, p. 3 (In Belarusian).
10. Belarusian priest is a doctoral student of the Pontifical Oriental Institute. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1926, no. 21, p. 6 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Паступіў 11.09.2023

УДК 94 (476)“1921/1939”

В. М. Бароўская

Інстытут гісторыі НАН Беларусі

КУЛЬТУРНЫЯ ўЗАЕМАДАЧЫНЕННІ БССР І ПОЛЬШЧЫ ў 1921–1939 ГГ.

Артыкул прысвечаны разгляду асноўных форм навуковых узаемадачыненьняў БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг.: кнігаабмену, супрацоўніцтву ў рамках канферэнцый, кангрэсаў; накіраванню замежных камандзіровак вучоных абодвух бакоў. Прыцягненне шырокага кола архіўных крыніц, якія ўпершыню ўводзяцца ў навуковы зварот, выкарыстанне спецыяльна-гістарычных метадаў, прыцыпаў гістарызму і аб'ектыўнасці дазволілі прыйсці да высновы, што навуковыя беларуска-польскія ўзаемасувязі міжваеннага часу хоць і мелі пазітыўную дынаміку і стабільныя формы адносін, аднак не адрозніваліся планавасцю і рэгулярнасцю.

Звяртаецца ўвага на той факт, што паступленні польскамоўнай літаратуры ў БССР знаходзіліся на другім месцы, пасля нямецкамоўных, агульны ўзровень арганізацыі працэсу кнігаабмену не дазваляў наладзіць якаснае навуковае даследаванне. Гэта адбівалася на дзейнасці даследчых цэнтраў паланістыкі, у тым ліку і Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі. Упершыню ў айчынай гістарыяграфіі прыводзяцца колькасныя паказчыкі выпісной літаратуры, што дазваляе прасачыць тэмпы кнігаабмену з польскім бокам, параўнаць з іншымі краінамі.

Культурнае ўзаемасупрацоўніцтва БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг., нягледзячы на шматлікія супярэчнасці ў палітычнай сферы двухбаковых зносін (праблемы ў выкананні артыкулаў Рыжскага мірнага дагавора, пачуццё варожасці і недаверу ў грамадстве і кіруючых колах абодвух бакоў), мела пазітыўную дынаміку развіцця.

Ключавыя словы: Рыжскі дагавор, БССР, Польшча, культурнае супрацоўніцтва, Усерасійскае таварства культурнай сувязі з замежжам.

Для цытавання: Бароўская В. М. Культурныя ўзаемадачынненні БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 55–59. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-10.

Borovskaya Volha

Institute of History of the National Academy of sciences of Belarus

CULTURAL RELATIONS BETWEEN THE BSSR AND POLAND IN 1921–1939

The article is devoted to the main forms of scientific relations between the BSSR and Poland in 1921–1939: book exchange, cooperation within the framework of conferences and congresses; the direction of foreign business trips of scientists from both sides. The involvement of a wide range of archival sources, first introduced into scientific circulation, the use of special historical methods, the principles of historicism and objectivity, made it possible to conclude that the scientific Belarusian-Polish relations of the interwar period, although there were positive dynamics and stable forms of relations, however, did not differ in planning and regularity.

Attention is drawn to the fact that the receipts of Polish-language literature in the BSSR were in second place, after the German-language ones, the general level of organization of the book exchange process did not allow for a qualitative scientific research. This fought back on the activities of the Polonist research centers, including the Commission for the Study of Western Belarus. For the first time in domestic historiography, quantitative indicators of written literature are given, which makes it possible to trace the pace of book exchange with the Polish side, and compare with other countries.

Cultural cooperation between the BSSR and Poland in 1921–1939 despite numerous contradictions in the political sphere of bilateral relations (problems in the implementation of the articles of the Riga Peace Treaty, a sense of hostility and mistrust in society and the ruling circles of both sides) had a positive dynamic of development.

Keywords: Riga Treaty, BSSR, Poland, cultural cooperation, All-Russian Society for Cultural Relations with Foreign Countries.

For citation: Borovskaya V. Cultural relations between the BSSR and Poland in 1921–1939. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 55–59. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-10 (In Belarusian).

Уводзіны. Падпісанне Рыжскага мірнага дагавора паміж савецкімі рэспублікамі і Польшчай у сакавіку 1921 г. заклала пачатак новага этапу ў развіцці двухбаковых культурных сувязей. Асноўныя айчынныя і замежныя напрацоўкі па праблеме ўзаемаадносін краін з’явіліся ў 1970-я гг. Варта адзначыць працы А. Я. Іофе [1], Т. П. Агапкінай [2], А. Л. Дзіўнагорцава [3], М. М. Чарных [4]. Сярод сучасных даследчыкаў праблемы неабходна ўгадаць І. У. Тарасаву [5] і Т. Р. Семакіну [6]. Аднак, на жаль, у артыкулах даследчыкаў амаль цалкам адсутнічала беларуская праблема, культурныя ўзаемадачынненні БССР і Польскай Рэспублікі ў 1921–1939 гг. не з’явіліся аб’ектам самастойнага даследавання. Вывучэнне гісторыі беларуска-польскага культурнага ўзаемадзеяння ў 1921–1939 гг. набывае асаблівую актуальнасць у апошнія гады, калі адносіны паміж суседзьмі Рэспублікі Беларусь – Расіяй і Еўрапейскім саюзам (уключаючы і Польшчу) набылі канфліктны характар. Даследаванне вопыту ўзаемадачынненняў паміж дзяржавамі з рознымі грамадска-палітычнымі і культурна-канфесійнымі сістэмамі, паміж уладай і этнічнымі групамі на розных этапах гісторыі Беларусі, у тым ліку і ў міжваенны адрэзак часу, мае значны практычны вынік.

Асноўнымі крыніцамі па праблеме сталі матэрыялы Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (фонды 1 (Прэзідыум Акадэміі навук БССР), 67 (Інстытут беларускай культуры), 68 (Камісія па вывучэнні Заходняй Беларусі); Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (фонды 42 (Народны камісарыят асветы БССР), 205 (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт), 546 (Дзяржаўная бібліятэка БССР імя У. І. Леніна); Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (фонд 188 (матэрыялы Калегіі Народнага камісарыята замежных спраў); Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі (фонд Р-5283 Усерасійскае таварыства культурнай сувязі з замежжам). Большасць архіўных матэрыялаў упершыню ўводзіцца ў навуковы зварот.

Культурнае ўзаемасупрацоўніцтва БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг., нягледзячы на шматлікія супярэчнасці ў палітычнай сферы двухбаковых зносін (праблемы ў выкананні артыкулаў Рыжскага мірнага дагавора, пачуццё варажасці і недаверу ў грамадстве і кіруючых колах абодвух бакоў), мела пазітыўную дынаміку развіцця. Нягледзячы на некаторы спад тэмпаў у 1927–1932 гг., выкліканы непаразуменнямі ідэалагічнага плана, культурныя беларуска-польскія кантакты міжваеннага часу мелі пэўную накіраванасць, вылучаліся стабільныя формы ўзаемадачынненняў (кнігаабмен, удзел у канферэнцыях і конкурсах).

Мэта даследавання – вылучыць і ахарактарызаваць асноўныя накірункі культурных узае-

мадачынненняў БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. Для дасягнення мэты неабходна выканаць наступныя задачы: 1) вывучыць асноўныя формы культурных двухбаковых сувязей міжваеннага перыяду; 2) раскрыць спецыфіку ажыццяўлення кнігаабмену паміж БССР і Польшчай; 3) выявіць асаблівасці ўсталявання культурных кантактаў з польскім бокам праз арганізацыю асветных мерапрыемстваў.

Асноўная частка. Артыкул XI Рыжскага мірнага дагавора прадугледжваў перадачу Польшчы савецкім бокам культурных каштоўнасцей, вывезены падчас падзелаў Рэчы Паспалітай з 1772 г. па 1917 г. Была створана Спецыяльная змешаная камісія па рээвакуацыі культурных каштоўнасцей. 8 кастрычніка 1921 г. камісія прыступіла да працы, і ўжо праз 20 дзён паўнамоцны прадстаўнік РСФСР у Варшаве Л. М. Карахан заявіў аб перадачы ў бліжэйшы час першай партыі твораў мастацтва.

10 ліпеня 1925 г. СССР і Польшча падпісалі папярэднюю дамову, а 16 лістапада 1927 г. заключылі Генеральную дамову, якая падводзіла канчатковы вынік Спецыяльнай камісіі па выяўленні польскіх культурных каштоўнасцей, што падлягалі звароту. На яго аснове ў далейшым адбывалася перадача культурных каштоўнасцей, якая была скончана да 1932 г. Паўнамоцны прадстаўнік СССР у Польшчы Багамолаў Д. У. адзначаў, што Генеральная дамова стала «значным крокам наперад на шляху культурнага збліжэння народаў СССР і Польшчы». Указваючы на аб’ектыўныя перадумовы такога збліжэння, ён заявіў: «непамерна важным з’яўляецца ўмацаванне ўзаемаадносін паміж прадстаўнікамі навукі, мастацтва і літаратуры абедзвюх краін з мэтай узаемнага азнаямлення і абмену культурнымі дасягненнямі» [7, с. 228].

Зацікаўленасць Савецкай дзяржавы ў развіцці культурных адносін стала штуршком да стварэння ў 1925 г. Усесаюзнага таварыства культурнай сувязі з замежжам (УТКС), асноўнай мэтай якога, як указана ў статуте, было «садзейнічанне ўсталяванню і развіццю навуковай і культурнай сувязі паміж устаноўмі, грамадскімі арганізацыямі і асобнымі навуковымі і культурнымі працаўнікамі СССР і замежжа». Са стварэннем УТКС культурныя сувязі пераўтвараліся ў справу дзяржаўнай важнасці, адносіны розных савецкіх культурных устаноў з адпаведнымі замежнымі ўстановамі ўпарадкаваліся і каардынаваліся, набылі рэгулярнасць і планавасць. У УТКС быў створаны аддзел Польшчы і прыбалтыйскіх краін. Упаўнаважаным таварыства ў Польшчы стаў М. П. Аркадз’еў. УТКС устанавіў непасрэдныя кантакты з культурнымі ўстановамі Польшчы, з вядомымі прадстаўнікамі польскай культуры.

Адным з асноўных пытанняў у працы УТКС стаў кнігаабмен. Характэрна, што пасля стварэння Таварыства толькі за 10 месяцаў 1926 г. было накіравана ў Польшчу 1927 кніг і атрымана адтуль 3710. У 1928 г. Польшча ўжо займала ў кнігаабмене СССР з еўрапейскімі краінамі трэцяе месца па перасылцы і шостае месца па адпраўцы. У 1929 г. УТКС планавала стварэнне аддзелаў савецкай кнігі ў бібліятэках усіх буйных культурных цэнтраў Польшчы, перш за ўсё ў Варшаўскай публічнай бібліятэцы.

УТКС мела на мэце палепшыць агульную інфармацыю польскага грамадства пра ўсе бакі жыцця СССР, накіроўвала кожны тыдзень свае бюлетэні ў Польшчу. Вялікае значэнне мела наведванне СССР у студзені 1926 г. дэлегацыяй польскага сейма, якая ставіла сваёй задачай палітычнае, эканамічнае і культурнае збліжэнне паміж СССР і Польшчай. Дэлегацыя наведвала Маскву, Ленінград, Украіну і Беларусь, знаёмілася з эканомікай і культурай савецкіх рэспублік. Члены дэлегацыі адзначылі росквіт нацыянальнай культуры ў СССР, у прыватнасці свабоднае культурнае развіццё польскага нацыянальнага меншынства. З 1927 г. сталі ажыццяўляцца і групавыя паездкі савецкіх людзей, у прыватнасці журналістаў, працаўнікоў асветы, у Польшчу

Залежнасць культурных адносін ад палітычнага фактару ярка праявілася на апошнім этапе міжваеннага перыяду. Пачатак яго характарызаваўся вядомым збліжэннем паміж СССР і Польшчай, якое пачалося пасля падпісання ў 1932 г. пакта аб ненападзе. Атмасфера, створаная гэтым палітычным актам, зрабіла магчымымі спробы больш трывалага эканамічнага супрацоўніцтва, а таксама актывізацыі культурнага абмену на працягу 1933–1935 гг., а ў некаторых галінах культуры і да 1939 г.

У 1933–1939 гг. асноўная частка культурных сувязей СССР з Польшчай, як і раней, ажыццяўлялася праз УТКС. Таварыства падтрымлівала сувязі з культурнымі ўстановамі, творчымі саюзамі, бібліятэкамі, музеямі, рэдакцыямі і г. д.

У агітацыйна-прапагандысцкіх мэтах і для дэманстрацыі ўзроўню развіцця беларускай культуры былі арганізаваны паездкі для беларускіх пісьменнікаў праз Польшчу ў Заходнюю Еўропу. Згодна з пратаколам нарады пры Сакратарыяце ЦК КП (б)Б аб паездцы М. Чарота і Д. Ф. Жылуновіча за мяжу ад 11 жніўня 1925 г., яны павінны былі наладзіць сувязь з прадстаўнікамі беларускай грамадскасці і прыхільнымі да БССР коламі за мяжой, па магчымасці чытаць лекцыі па адраджэнні беларускай культуры, пазбягаючы палітычнай тэматыкі, па просьбе Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі спыніцца ў Варшаве і звязацца з беларускімі пасламі сейма.

У выпадку нявыдачы польскай візы было вырашана арганізаваць кампанію ў нямецкай прэсе. Палякі сарвалі гэтыя планы, выдаўшы толькі транзітную візу. Калі Я. Купала ў 1927 г. ездзіў на Захад разам з М. Чаротам і іншымі беларускімі літаратарамі, у Польшчы адбыліся сустрэчы з С. А. Рак-Міхайлоўскім, Б. А. Тарашкевічам, А. І. Цвікевічам, А. І. Луцкевічам.

У 1927–1928 гг. адбылася паездка беларускіх літаратараў у Польшчу, Чэхаславакію і Германію. Дэлегацыю ўзначальваў Д. Ф. Жылуновіч (Ц. Гартны), удзельнікамі былі: М. Зарэцкі (М. Я. Касялкоў), М. Чарот (М. С. Кудзелька), Я. Купала (І. Д. Луцкевіч). Усе адзначаныя пісьменнікі і паэты так ці іначай былі звязаны з літаратурным аб'яднаннем «Маладняк». Падарожжа літаратараў у 1927–1928 гг. у Польшчу, Чэхаславакію, Германію яскрава прадстае ва ўспамінах Д. Ф. Жылуновіча: «Падарожжа за мяжу ставіла перад намі дваюкую мэту – азнаямленне з даследаваннямі еўрапейскай культуры і асведамленне беларускай зарубежнай грамадскасці з развіццём культуры ў БССР. Гэтыя заданні цягнулі за сабой трэцяе – патрэбу ўсталявання культурнай сувязі паміж БССР і замежжам» [8].

Пытанне аб накіраванні С. М. Некрашэвіча Д. Ф. Жылуновіча ў Заходнюю Еўропу для агітацыі ў абарону БСРГ вырашалася на самым высокім узроўні – у ЦК УКП(б) і ўзгаднялася з НКЗС СССР, сакратаром ЦК УКП(б) Касіёрам С. В. і І. В. Сталіным. Паездка адбылася ў красавіку – маі 1928 г. Паводле справаздачы Д. Ф. Жылуновіча ў ЦК КП(б)Б, «Адозва Камітэта па абароне Грамады» была падпісана ў Германіі шэрагам вядомых культурных дзеячаў і надрукавана ў бюлетэні «Чырвоная дапамога». Збор подпісаў у абарону Грамады адбыўся таксама ў Чэхаславакіі. С. М. Некрашэвіч і Д. Ф. Жылуновіч сустракаліся ў Вене з генеральным сакратаром кангрэса нацыянальных меншасцей пры Лізе нацый доктарам Абэнда Р. У той жа час Д. Ф. Жылуновіч скардзіўся, што ні ў адным з савецкіх паўнамоцных прадстаўніцтваў няма чалавека, «які б хоць трохкі быў зацікаўлены ў інфармацыі замежнай прэсы аб беларускім пытанні» [8, арк. 15].

Падчас гэтага візіту адбыліся сустрэчы і выступленні беларускіх прадстаўнікоў з грамадскімі дзеячамі Беластока, Варшавы. На жаль, у сваіх успамінах Д. Ф. Жылуновіч не ўзгадвае пра якія-небудзь асаблівасці сваёй вандроўкі ў Польскай Рэспубліцы, большую ўвагу аўтар звяртае на паездку ў Германію. Падчас выступленняў «маладнякоўцаў» гучала так званая ранняя «малая проза» М. Зарэцкага і М. Чарота, прасякнутая рамантыкай, лірычным настроем, увагай да простага чалавека і яго ўнутранага

свету, імкненнем будаваць творы на вострых, драматычных калізіях. У іх творах раскрываецца праблема ўзаемаадносін асабістага і сацыяльнага, імкненнем бачыць рысы, навеяныя новай, паслярэвалюцыйнай эпохай, такія як скалечаныя лёсы людзей, якія так і не змаглі знайсці сваё месца.

У другой палове 1920-х гг. пачынаецца творчы ўздым савецкай драматургіі. Вядома, што М. Зарэцкі цікавіўся тэатрам, быў ініцыятарам і актыўным удзельнікам тэатральнай дыскусіі ў 1928 г., зацвердзіў сябе як тэатральны крытык, які выступаў за развіццё нацыянальнага тэатра і кіно. Яшчэ ў пачатку 1920-х гг., падчас службы ў Віцебскай вайскавай часці, пісьменнік арганізаваў «Беларускае культурна-асветнае таварыства», стварыў ваенную аматарскую трупу і кіраваў ёю. У 1928 г. ён напісаў п'есу «Віхор на балоце», у якой выкарыстаў выяўленчыя сродкі меладрамы з яе традыцыйным любоўным трохкутнікам, трагічнымі ахвярамі як вынікам непадзельнага кахання. П'еса «Белыя ружы» (1928–1929 гг.) вытрымана ў рамантычным ключы з элементамі прыгодніцтва, у ёй выкарыстаны фальклорныя паданні і легенды.

У сваю чаргу меліся намаганні арганізаваць паказ п'ес беларускіх аўтараў на польскай сцэне. Аднак гэта задумка скончылася безвынікова. Творы М. Зарэцкага паспяхова былі пастаўлены на сцэне Дзяржаўнага рускага драматычнага тэатра БССР. Згодна са справаздачай УТКС за першае паўгоддзе 1931 г. пад назвай «Хроніка культурнай сувязі з Польшчай», сувязі ў галіне тэатральнага мастацтва сутыкаліся з боязю польскага кіраўніцтва, што савецкія тэатральныя пастаноўкі з'яўляюцца яскравай праявай «бальшавіцкай агітацый мас». Таму большую папулярнасць мелі п'есы А. П. Чэхава, А. М. Астроўскага і іншых класікаў. П'есы ж сучасных аўтараў, паводле меркавання А. Слонімскага, «адрозніваюцца прымітывізмам і надакучваюць пастаянным ухваленнем савецкага рэжыму». У выніку савецкі бок не запрасілі на Міжнародную тэатральную алімпіяду ў 1932 г. [9, арк. 146]. Таксама супрацоўнікі УТКС з горыччу канстатавалі, што антысавецкія кампаніі, якія разгортваліся ў прэсе, у шэрагу артыкулаў літаратурнае жыццё ў СССР паказвалі ў вельмі негатывым ключы.

Савецкія кінакарціны, такія як «Браненосец Пацёмкін» С. Эйзенштэйна і іншыя, прайшлі знач-

ную цэнзарскую праверку, у выніку з фільма былі выразаны многія сцэны, якія, па меркаванні польскага боку, могуць «узбудзіць грамадскую думку бальшавіцкай прапагандай». У сваю чаргу УТКС канстатаваў, што «сістэматычнае польскай цэнзурай выхалашчванне і вычварэнства карцін савецкай прадукцыі ўводзіць у зман замежную грамадскасць і наносіць гэтым большую палітычную шкоду, якая ніяк не зможа быць апраўдана тымі нязначнымі выгадамі, якія мы маем ад продажу 2–3 карцін на польскім рынку» [10, арк. 20]. Кантакты ў галіне кінамаатографу заставаліся аднабаковымі на працягу ўсяго міжваеннага перыяду. Аўдыёвізуальны кантэнт, які прапаноўваўся да імпарту польскай забаўляльнай індустрыяй, па меркаванні УТКС, цалкам не падыходзіў для новага пакалення савецкіх глядачоў, якія выраслі на масавым мастацтве сацыяльнага рэалізму [11, арк. 39].

Музычныя кантакты Польшчы і СССР традыцыйна былі значнымі, пра што сведчылі сталыя гастролі савецкіх музыкантаў у Польшчы і польскіх – у СССР, абмен выданнямі нот, удзел у музычных конкурсах і г. д. Падчас II Конкурсу піяністаў імя Ф. Шапена, які адбыўся ў 1932 г. у Варшаве, стаў арэнай ідэалагічнай барацьбы. Супрацоўнікі УТКС канстатавалі прадужытасць польскай грамадскасці да савецкіх піяністаў [9, арк. 215]

Заклучэнне. Ідэалагічныя рознагалосці і супярэчнасці паміж Польшчай і СССР у 1921–1939 гг. былі толькі часткай шырокага працэсу развіцця культурнага супрацоўніцтва. Дзякуючы намаганням УТКС была арганізавана значная колькасць мерапрыемстваў і паспяховых перагавораў як з польскімі арганізацыямі, так і з прыватнымі асобамі, якія цікавіліся савецкай культурай.

Культурныя ўзаемадачынненні БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. прайшлі шлях ад этапу станаўлення праз перыяд больш ці менш значнай актыўнасці і амаль да поўнага спынення. Першыя два (1921–1927 гг. і 1928–1932 гг.) этапы паказалі, што адрозненні ў сацыяльна-палітычных ладах БССР і Польшчы перашкаджалі развіццю культурных сувязей. Нягледзячы на той факт, што паступленні польскамоўнай літаратуры ў БССР знаходзіліся на другім месцы, пасля нямецкамоўных, агульны ўзровень арганізацыі працэсу кнігаабмену не дазваляў наладзіць якаснае навуковае даследаванне.

Спіс літаратуры

1. Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. М., 1975. 117 с.
2. Агапкина Т. П. Переписка польских и советских писателей (к истории польско-советских литературных связей 20–30 годов) // Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 96–110.
3. Дивногорцев А. Л. Первые контакты советских и зарубежных библиотек (20-е годы) // Советское библиотековедение. 1985. № 3. С. 102–110.

4. Falkowicz S., Czernych M. Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym // *Dzieje najnowsze*. 1970. № 2. С. 105–123.
5. Тарасова И. В. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии международного книгообмена в 1925–1928 гг. // *Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. ст.* Уфа, 2015. Ч. 5. С. 83–91.
6. Семкина Т. Р. Непонятая литература, подозрительные пьесы и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических противоречиях в польско-советских культурных контактах на рубеже 1920–1930-х гг. // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 381–393.
7. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 11 т. М., 1967. Т. 5. 616 с.
8. Беларускі дзяржаўна архіў-музей літаратуры і мастацтва. Ф. 15. Воп. 1. Спр. 13.
9. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (ДАРФ). Ф. Р-5283. Воп. 1а. Спр. 193.
10. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі. Ф. 188. Воп. 8. Спр. 11.
11. ДАРФ. Ф. Р-5283. Воп. 1а. Спр. 174.

References

1. Ioffe A. E. *Megdunarodnyye svyazi sovetsoy nauki, tekhniki i kul'tury, 1917–1932* [International relations of Soviet science, technology and culture, 1917–1932]. Moscow, 1975. 117 p. (In Russian).
2. Agapkina T. P. Correspondence of Polish and Soviet Writers (On the History of Polish-Soviet Literary Relations in the 20–30s). *Sovetskoye slavyanovedeniye* [Soviet Slavic studies], 1973, no. 4, pp. 96–110 (In Russian).
3. Divnogorcev A. L. The first contacts of Soviet and foreign librarians (20s). *Sovetskoye bibliotekovedeniye* [Soviet library science], 1985, no. 3, pp. 102–110 (In Russian).
4. Falkowicz S., Czernych M. Polish-Soviet cultural and scientific international cooperation. *Dzieje najnowsze* [Recent history], 1970, no. 2, pp. 105–123 (In Polish).
5. Tarasova I. V. Rol' The Role of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries in the Development of International Book Exchange in 1925–1928. *Traditsionnaya i innovatsionnaya nauka: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy: sbornik statey* [Traditional and innovative science: history, current state, prospects: collection of articles]. Ufa, 2015, vol. 5, pp. 83–91 (In Russian).
6. Semakina T. R. Misunderstood Literature, Suspicious Plays and Omnipotent Censorship: On the Issue of Ideological Contradictions in Polish-Soviet Cultural Contacts at the Turn of the 1920s–1930s. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac], 2022, no. 3–4, pp. 381–393 (In Russian).
7. *Dokumenty i materialy po istorii sovetso-pol'skikh otnosheniy: v 11 t.* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations: in 11 vol.]. Moscow, 1967, vol. 5. 616 p. (In Russian).
8. Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art. Fund. 15. I. 1. F. 13.
9. State archive of the Russian Federation (SARF). Fund. R-5283. I. 1a. F. 193.
10. Archive of foreign policy of the Russian Federation. Fund. 188. I. 8. F. 11.
11. SARF. Fund R-5283. I. 1a. F. 174.

Інфармацыя пра аўтара

Бароўская Вольга Мікалаеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі (220072. г. Мінск, вул. Акадэмічная, 1, Рэспубліка Беларусь). E-mail: borovskaya-olga@mail.ru.

Information about the author

Borovskaya Volha – PhD (History), Associate Professor, Leading Researcher. Institute of History of the National Academy of sciences of Belarus (1, Akademichnaya, 220072, Minsk, Belarus). E-mail: borovskaya-olga@mail.ru.

Пасмыніў 05.07.2023

УДК 355.23(476)

А. В. Миронюк

Белорусский государственный технологический университет

**СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1921–1991 ГГ.)**

В статье рассматривается вопрос о становлении и развитии военной подготовки в Белорусском государственном университете, причинах как внутреннего, так и внешнего характера, поспособствовавших образованию военной кафедры, а впоследствии на ее основе и военного факультета. Исходя из анализа литературы и нормативно-правовых актов представлен исторический обзор процесса становления и развития военной подготовки в учебных заведениях Беларуси. Сделан акцент на истории создания военного факультета в БГУ: рассмотрен порядок прохождения учащимися допризывной военной подготовки и отбывания ими по окончании обучения действительной военной службы, дана характеристика преподавательского состава военной кафедры, организации учебного процесса, материально-технической базы обучения и др., а также рассмотрена реорганизация на современном этапе военной кафедры в военный факультет.

Ключевые слова: военная подготовка, образование, университет, факультет, кафедра.

Для цитирования: Миронюк А. В. Становление военного образования в Белорусском государственном университете (1921–1991 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 60–65. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-11.

A. V. Mironyuk

Belarusian State Technological University

**THE FORMATION OF MILITARY EDUCATION
IN BELARUSIAN STATE UNIVERSITY (1921–1991)**

The article examines the issue of the formation and development of military training at the Belarusian State University, the reasons of both internal and external nature that contributed to the formation of the military department, and subsequently, on its basis, the military faculty. Based on an analysis of literature and legal acts, a historical overview of the process of formation and development of military training in educational institutions of Belarus is presented. Emphasis is placed on the history of the creation of the military department at BSU: the procedure for students undergoing pre-conscription military training and serving after completing active military service is considered, characteristics are given to the teaching staff of the military department, the organization of the educational process, the material and technical base of training, etc., as well as the reorganization at the present stage of the military department into a military faculty.

Keywords: military training; education; university; faculty; department.

For citation: Mironyuk A. V. The formation of military education in Belarusian State University (1921–1991). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 60–65. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-11 (In Russian).

Введение. Возникновение систематической военной подготовки в гражданских учебных заведениях было обусловлено необходимостью наличия у государств многочисленных армий в связи с увеличением масштабов войн. Даже экономически сильные страны были не в состоянии содержать их в мирное время. Таким образом, возникло противоречие между необходимостью участия в войне большого количества сил и средств и экономической невозможностью государств содержать их в мирное время для потребности урегулирования крупномасштабных военных конфликтов. Для разрешения этого противоречия со 2-й половины XVIII в. большинство европейских государств были вынуждены

создавать запас (резерв) людей, провианта, техники и амуниции, которые затем использовались при увеличении армии накануне войны и в ходе нее. Одним из путей создания военно-обученного резерва стала со временем и военная подготовка специалистов в гражданских высших учебных заведениях, в частности Белорусском государственном университете (БГУ). Эта проблема малоизучена, является актуальной и представляет несомненный научный интерес.

Основная часть. После победы Октябрьской революции 1917 г. действующая система подготовки военно-обученного резерва была разрушена, и ее пришлось создавать заново. 22 апреля 1918 г. ВЦИК принял декрет «Об обязательном

обучении трудящихся военному делу», который обязывал граждан от 18 до 40 лет без отрыва от основной работы к прохождению 96-часового курса обучения военному делу. После завершения обучения трудящийся брался на учет как военнообязанный и в случае военной угрозы должен был влиться в ряды Красной Армии [1, с. 8].

После окончания гражданской войны в соответствии с военной реформой 1924–1925 гг. численность армии сократилась с 5,5 млн до 560 тыс. человек. Это вызвало необходимость иметь военно-обученный резерв, в том числе и командные кадры. На основе предложения, подготовленного М. В. Фрунзе в 1926 г., в вузах и техникумах была введена высшая допризывная подготовка студентов, которые обучались по программам, рассчитанным на четыре года обучения. Учебный план включал 180 часов занятий с обязательным лагерным сбором. В программах определялась основная цель высшей допризывной подготовки студентов: «подготовить из них командира запаса или знающего военное дело работника военной промышленности» [2]. В этот период осуществлялся поиск новых методов и форм обучения, приоритет отдавался тем, которые обеспечивали учебно-познавательную самостоятельность и исследовательскую активность обучающихся. В обучении использовались демонстрационный, лабораторный, и исследовательский методы, не приветствовались в процессе обучения механическое заучивание учебного материала, зубрежка, муштра.

Важной особенностью учебного процесса являлся его практико-ориентированный характер: студенты проходили лагерный сбор в действующих воинских частях, после первого года обучения привлекались к показательным и совместным учениям, решали практические управленческие и расчетные задачи в контексте будущей военно-профессиональной деятельности [3, с. 18]. Качество высшей допризывной подготовки характеризует тот факт, что студенты, желающие поступить на учебу в военные училища (до 1930 г. включительно), зачислялись в них без экзаменов.

Закон «Об обязательной военной службе», принятый в 1925 г., обусловил введение высшей вневоинской подготовки в университетах, институтах и техникумах. Это явилось качественно новым этапом в военной подготовке студентов учебных заведений, имеющим большое значение для накопления командных кадров запаса в предвоенные годы.

Приказом Реввоенсовета СССР № 670 от 4 ноября 1926 г. введена в действие Инструкция о порядке прохождения учащимися высших учебных заведений высшей допризывной военной подготовки и отбывания ими по окончании вуза действительной военной службы,

на основании которой был образован единый военный кабинет, именно такое название кафедры имела в то время (в начале 1930-х гг. военный кабинет был преобразован в военную кафедру Белорусского государственного университета). Приказ был подписан заместителем наркома по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета СССР Уншлихтом И. С.

Инструкция включала две части: «О прохождении высшей допризывной военной подготовки»; «О прохождении действительной военной службы лицами, успешно прошедшими допризывную военную подготовку».

Положения первой части определяли задачи допризывной военной подготовки, предварительную подготовку учащихся высших учебных заведений для замещения должностей начального состава запаса Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА); военно-промышленных предприятий – квалифицированными рабочими. Допризывная военная подготовка включала теорию военного дела, изучаемую в зимний период в течение 4 учебных курсов и 2-месячную летнюю практику, проводимую в период специальных лагерных сборов. Высшую допризывную военную подготовку обязаны были пройти все учащиеся, включая лиц женского пола.

В процессе теоретической подготовки изучались тактика, материальная часть оружия и ряд специальных предметов в зависимости от профиля высшего учебного заведения.

Необходимо отметить, что в БГУ фактически сразу после его открытия в 1921 г. появилась штатная единица «военного руководителя». Самым первым университетским военруком, а именно военруком медицинском факультета, стал его студент Боркуевич С. И., работавший до 1925 г. [4].

5 декабря 1925 г. в газете «Савецкая Беларусь» была размещена небольшая заметка, в которой сообщалось, что «с 1925–1926 академического года в Белорусском государственном университете начнется военизация. Для всех студентов обязательно будут читаться общие лекции, а также будут функционировать кружки по войсковому делу» [5, с. 271].

В сентябре 1926 г. приказом Реввоенсовета СССР № 565 военным руководителем БГУ по проведению военного обучения пролетарского студенчества в соответствии с декретом СНК и ЦИК СССР от 20 августа 1926 г. был назначен полковник Петров М. И., имевший опыт службы в царской армии, участник Первой мировой войны. В 1924 г. он был назначен помощником начальника Объединенной Белорусской военной школы им. ЦИК БССР (ОБВШ). М. М. Петров стал первым руководителем военной кафедры Белорусского государственного университета и

трудился в этой должности до 1934 г. В связи с тем, что штатных преподавателей военной подготовки не имелось, для проведения занятий приглашались педагоги из ОБВШ и офицеры местных воинских частей [6, с. 138]. М. М. Петров активно занимался созданием и оборудованием при военной кафедре оружейной комнаты, которая начала действовать с 1931 г. Ему также принадлежит заслуга в открытии тира для стрелкового оружия, оружейной мастерской и складов боеприпасов [7, с. 254]. При военном кабинете был организован даже специальный военно-морской уголок.

С 1927 г. после ознакомления с обучением в военном лагере «Советская Беларусь» на станции Дретунь в Полоцком районе выявились явные недостатки в подготовке будущих командиров РККА, что подтолкнуло руководство университета к корректировке учебных планов, и большее внимание стало уделяться физической подготовке. Был построен гимнастический зал [4]. В результате в 1927/28 учебном году на рабфаке в перечне предметов в разделе «Вайсковыя прадметы» значился и «Спартыўны гурток». Занятия со студентами I–II курсов вел преподаватель Петров М. М. [8, с. 116].

В 1926–1931 гг. курс «Высшая допризывная военная подготовка студентов» вел, будучи штатным преподавателем, командир 39-го Мелекесско-Пугачёвского кавалерийского полка (впоследствии четырежды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза) Жуков Г. К., который служил в то время в Белорусском военном округе. По воспоминаниям его бывших студентов «К новым обязанностям молодой преподаватель отнесся с присущей ему ответственностью. Он появлялся перед студентами минута в минуту, в тщательно отутюженном обмундировании, начищенных до блеска сапогах. Как лектор говорил четко, в конспект старался не заглядывать, темы излагал просто и доступно, приводя примеры из опыта своей службы» [5, с. 272].

Приказом ректора БГУ от 4 июня 1928 г. на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 20 августа 1926 г. и приказа Реввоенсовета СССР от 15 октября 1926 г. студенты II и III курсов были обязаны пройти «высшую допризывную военную подготовку». Студенты II курса БГУ направлялись на двухмесячный лагерный сбор в военный лагерь «Большевик», а студенты III курса – на «трехнедельные выходы в поле при университете». Основной задачей сборов и занятий в поле определялось «получение навыков, а также познаний и навыков младшего командира РККА» [8, с. 116]. С 1 марта 1932 г. военная кафедра перешла на шестидневное обу-

чение. По окончании обучения студенты для прохождения аттестации должны были сдать зачет по основным предметам.

В середине 1934 г. название военной кафедры было скорректировано – она стала называться кафедрой военных дисциплин.

С 1936 г. кафедра военных дисциплин вновь стала именоваться военной кафедрой Белорусского государственного университета. Начиная с 1936 г. основной формой работы со студентами были практические занятия в поле, а также в учебных аудиториях и стрелковом тире. При военной кафедре БГУ действовала библиотека. Регулярно проводились стрельбы из различных видов оружия, в зависимости от специализации студентов. В парках воинских частей проводились практические занятия по вождению и применению военной техники.

В 1937 г. ее непродолжительное время возглавлял С. И. Спегальский. В этот период на кафедре велась подготовка по трем специальностям: офицеры запаса артиллерии, офицеры запаса пехоты, а также медицинские сестры запаса.

В 1939 г. по итогам оборонной работы университет занял 1-е место среди вузов республики. В этом же году на всех факультетах было создано множество кружков по подготовке воинов-стрелков, значкистов ГТО 1-й и 2-й степени, парашютистов, планеристов, мотоциклистов. Планировалось занять 1-е место среди вузов Советского Союза, для чего ставилась задача набрать 8000 очков [8, с. 118].

С началом Великой Отечественной войны занятия по военной подготовке были приостановлены. Многие выпускники военной кафедры Белорусского государственного университета применяли полученные знания и навыки в борьбе с врагом.

С осени 1943 г. вместе с началом деятельности университета на станции Сходня под Москвой возобновилась работа военной кафедры. Вначале военное дело стал преподавать всего только один человек – старший преподаватель по военному делу Шейнеман М. А. Можно предположить, что в 1943 г. быстрее всего была возобновлена не полноценная военная кафедра, а создано что-то вроде военного кабинета БГУ. Дело в том, что условия тогда просто не позволяли возобновить всю кафедру целиком, но к преподаванию присоединялись студенты-фронтовики. Например, известно, что будущий народный писатель Беларуси Иван Мележ как раз занимался этим и даже считался руководителем всего военного дела [7, с. 255].

Осенью 1944 г. Белорусский государственный университет из эвакуации вернулся в Минск [9]. Деятельность кафедры военной подготовки

была возобновлена. Ее преподавательский состав насчитывал, всего 9 человек, но сам факт работы кафедры практически сразу же после освобождения Минска свидетельствует о том, насколько серьезным было отношение к военной подготовке в то время [10]. Сохранившиеся документы позволяют назвать имена преподавателей кафедры военной подготовки на 1944/1945 учебный год: подполковник Н. Л. Макаревич, начальник кафедры, преподаватель военного дела с 1931 г., во время войны командир артиллерийского полка; капитан С. А. Капитонов, начальник учебной части кафедры, преподаватель военного дела с 1945 г.; Н. М. Большаков, старший преподаватель военного дела с 1944 г.; Ф. Р. Красильщикова, преподаватель физвоспитания с 1935 г., на кафедре с 1945 г.; Д. С. Каракоз, старший преподаватель, преподаватель анатомии и физиологии человека с 1945 г., кандидат медицинских наук; В. И. Подоплелов, старший преподаватель, артиллерист; Н. В. Адаменка, преподаватель общевойсковой дисциплины с 1945 г.; Р. М. Алексеенко, преподаватель анатомии и физиологии человека с 1945 г. [7, с. 255–256].

С 1946 г. кафедра военной подготовки стала называться военной кафедрой. По всему Советскому Союзу количество военных кафедр в гражданских вузах продолжает расти, как следствие, растет и количество военно-учетных специальностей, по которым осуществлялась подготовка студентов. На военной кафедре БГУ численность преподавательского состава увеличилась до 13 человек. Кроме упомянутых выше сотрудников были приняты на работу на военную кафедру офицеры, участники Великой Отечественной войны: майор В. М. Устинович, старший преподаватель, артиллерист; А. А. Шарбатович, старший преподаватель медицинской дисциплины; майор А. Ф. Четвёрта, старший преподаватель общевойсковой подготовки; А. Х. Тонхилевич и Х. Л. Бланштейн, преподаватели медицинской дисциплины. Кроме них на кафедре трудились К. Т. Демидович, преподаватель физической подготовки; И. А. Хейнеман, преподаватель медицинской дисциплины, кандидат медицинских наук; Ф. А. Веренштейн, преподаватель физической подготовки [7, с. 256–257].

В 1946–1947 гг. были разработаны новые учебные планы, которые соответствовали реалиям того времени. В 1948 г. военная кафедра университета получила название специальной, которое сохранялось до 1952 г. Среди ее преподавателей числились: начальник кафедры с 1949 г., участник Великой Отечественной войны полковник Ф. Ф. Терешонок, выпускник ОБВШ (до войны он преподавал и был командиром батареи Рязанского артиллерийского училища);

В. М. Устинович, старший преподаватель; П. В. Сухов, старший преподаватель кафедры с 1950 г.; Г. Л. Адамчик, преподаватель кафедры с 1951 г.; С. К. Исаков, преподаватель кафедры с 1950 г.; Ф. Л. Пасько, начальник специальной части.

Стоит подчеркнуть, что в 1948 г. на базе курса физической подготовки военной кафедры была создана кафедра физического воспитания БГУ, которую возглавил М. А. Шейнеман [8, с. 118].

Отметим, что на военной кафедре Белорусского государственного университета проходили службу Герои Советского Союза: полковник Патрин А. Ф., со 2 октября 1952 г. по 14 июля 1955 г. – начальник учебной части и преподаватель курса артиллерии; генерал-майор Кирсанов А. В. – начальник кафедры с 1955 по 1960 г., до этого начальник Центральных курсов усовершенствования офицерского состава ВДВ. Впоследствии с 1960 по 1974 г. он работал проректором БГУ по хозяйственной части.

В 1967 г. принятие Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» определило новый этап в развитии военной подготовки студентов гражданских вузов. В соответствии со статьей 66-й этого Закона офицер запаса, не достигший 30 лет, в том числе выпускник гражданского учебного заведения, мог призываться на действительную военную службу в мирное время сроком на 2–3 года. Для того чтобы офицеры запаса не теряли свою квалификацию, Закон определял им обязательное прохождение сборов в войсках [11, с. 23].

В это время активно продолжает развиваться учебно-материальная база военной кафедры БГУ. В учебный процесс активно внедряются технические средства обучения: кино, телевидение, автоматизированные устройства, тренажеры. Особое место в этом ряду занимают программное и алгоритмическое обучение, внедрение которых способствовало повышению качества военной подготовки. Так, в 1987 г. на базе военной кафедры Белорусского государственного университета проходили показательные занятия с начальниками военных кафедр высших учебных заведений Советского Союза, руководителем которых был заместитель министра обороны СССР, Герой Советского Союза генерал-полковник Науменко В. М. [7, с. 256–257]. За отличную организацию и проведение занятий многие офицеры военной кафедры были отмечены в приказе министра обороны СССР, а старший преподаватель полковник Кошевой А. К. был награжден орденом «Знак Почета».

В различные годы на военной кафедре, а позже и на военном факультете БГУ работали ветераны не только Великой Отечественной

войны, но и ветераны войны в Афганистане: подполковник Головцов Ю. А., братья подполковники Жолнеркевичи Виктор Алексеевич и Василий Алексеевич, полковник Заяц И. И., полковник Сурмач М. М., полковник Лашук А. В., полковник Шкуров А. Р. Кроме ветеранов войн на военной кафедре работали участники в ликвидации последствий аварии на Черно-

быльской АЭС: полковники Чистяков А. М. и Элькин Э. М.

Заключение. Таким образом, в течение 1926–1991 гг. шел активный процесс становления и развития военной кафедры БГУ. За это время был накоплен огромный опыт учебной и воспитательной работы в сфере подготовки будущих офицеров, сформирован преподавательский корпус.

Список литературы

1. Программа всеобщего обучения военному делу: руководство для инструкторов / Отд-ние всеобщ. обучения. М., 1918. 32 с.
2. Воробьев И. Н. Отечественная военная школа: история и современность // Военная мысль. 2010. № 3. С. 43–49.
3. Программа по высшей допризывной военной подготовке в гражданских высших учебных заведениях: артиллерийский уклон. [Н. К. В. М.]. 1927. 39 с.
4. Нікалаева Н. Як ва ўніверсітэцкіх сценах рыхтаваліся даць адпор капіталістычнаму свету // Звязда. 20.08.2021. URL: <https://zviazda.by/be/node/226177> (дата звароту 10.08.2023).
5. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / С. В. Абламейко [и др.]. Минск: БГУ, 2017. 303 с.
6. Острога В. А. Развитие научных и образовательных центров по Новой и Новейшей истории в Белорусской ССР. 1919–1991 гг. Минск: РИВШ, 2016. 428 с.
7. Белорусский государственный университет: очерки истории и современное состояние / под общ. ред. А. Д. Короля. Минск: БГУ, 2021. 504 с.
8. Кафедра физического воспитания и спорта. История и современность. К 70-летию / редкол.: В. А. Коледа (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2018. 151 с.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 6. Д. 2. Л. 122.
10. НАРБ. Ф. 205. Оп. 6. Д. 2. Л. 128.
11. Закон СССР о всеобщей воинской обязанности: принят третьей сессией Верховного Совета СССР седьмого созыва 12 окт. 1967 г. М., 1986. 31 с.

References

1. *Programma vseobshchego obucheniya voyennomu delu: rukovodstvo dlya instruktorov* [Program for general military training: a guide for instructors]. Moscow, 1918. 32 p. (In Russian).
2. Vorobyov I. N. Domestic military school: history and modernity. *Voyennaya mysl'* [Military Thought], 2010, no. 3, pp. 43–49 (In Russian).
3. *Programma po vysshey doprizyvnoy voyennoy podgotovke v grazhdanskikh vysshikh uchebnykh zavedeniakh: artilleriyskiy ukhon* [Program for higher pre-conscription military training in civilian higher educational institutions: artillery bias]. [N. K.V.M.], 1927. 39 p. (In Russian).
4. Nikalaeva N. How in the university walls they were preparing to fight back against the capitalist world [Zviazda], 2021, August 20. Available at: <https://zviazda.by/be/node/226177> (accessed 10.08.2023) (In Belarusian).
5. Ablameiko S. V. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoy nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1941)* [The intellectual elite of Belarus. The founders of Belarusian science and higher education]. Minsk, BGU Publ., 2017. 303 p. (In Russian).
6. Ostroga V. A. *Razvitiye nauchnykh i obrazovatel'nykh tsentrov po Novoy i Noveyshey istorii v Belorusskoy SSR. 1919–1991 gg.* [Development of scientific and educational centers on New and Contemporary history in the Belarusian SSR. 1919–1991]. RIVSh Publ., 2016. 428 p. (In Russian).
7. Karol A. D. *Belorusskiy gosudarstvennyy universitet: ocherki istorii i sovremennoye sostoyaniye* [Belarusian State University: essays on history and current state]. Minsk, BGU Publ., 2021. 504 p. (In Russian).
8. *Kafedra fizicheskogo vospitaniya i sporta. Istoriya i sovremennost'. K 70-letiyu* [Department of Physical Education and Sports. History and modernity. To the 70th anniversary]. Ed. by: V. A. Koleda [et al.]. Minsk, BGU Publ., 2018. 151 p. (In Russian).
9. National Archives of the Republic of Belarus. Fund 205. I. 6. F. 2. S. 122.
10. NARB. Fund 205. I. 6. F. 2. S. 128.

11. USSR Law on General Military Duty: adopted by the third session of the Supreme Soviet of the USSR of the seventh convocation on October 12. 1967. Moscow, 1986. 31 p. (In Russian).

Информация об авторе

Миронюк Артём Васильевич – магистр, преподаватель военной кафедры. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: mironyuk.art@mail.ru

Information about the author

Mironyuk Artyom Vasilievich – Master of Sciences, Lecturer, the Military Department. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: mironyuk.art@mail.ru

Поступила 14.09.2023

УДК 94(476)

А. С. Горны

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы

**БЕЛАРУСКІ НАЦЫЯНАЛЬНЫ РУХ У МІЖВАЕННАЙ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ
Ў АДЛЮСТРАВАННІ СУЧАСНАЙ ЗАМЕЖНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ***

Для падрыхтоўкі комплекснага даследавання па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі актуальнымі з'яўляюцца веды пра тэарэтычныя падыходы замежных гісторыкаў з мэтай параўнальнага аналізу. У артыкуле праводзіцца характарыстыка сучасных здабыткаў замежнай гістарычнай навукі ў гэтым накірунку. Аўтар разглядае працы такіх польскіх даследчыкаў, як В. Сляшынскі, Я. Мірановіч, А. Глагоўская, М. Мароз, ракрывае іх погляды на палітычныя напрамкі беларускага руху, яго грамадскую актыўнасць і значэнне для развіцця агульных палітычных працэсаў у міжваеннай Польшчы. Падкрэсліваецца трэнд сучаснай польскай гістарыяграфіі ў вывучэнні асобных рэгіёнаў міжваеннай Польшчы і нацыянальных працэсаў у іх. Акрамя гэтага, разглядаецца сучасная літоўская гістарыяграфія, працы расійскіх даследчыкаў, прысвечаныя этнапалітычным працэсам у Заходняй Беларусі. Падаецца характарыстыка прац двух сучасных англамоўных аўтараў – шведскага гісторыка Пер Андэrsa Рудлінга і японскага гісторыка Мічыхіра Ясуі.

У заключэнні аўтар прыходзіць да высноў, што ў сучаснай польскай гістарыяграфіі працягваюць паўтараць ранейшы памылковы тэзіс аб слабасці і няздольнасці беларускага руху ў Заходняй Беларусі, у літоўскай гістарыяграфіі назіраецца ігнараванне беларускага фактару ў вывучэнні гісторыі міжваеннага перыяду, у расійскай і англамоўнай гістарыяграфіі па-ранейшаму беларускі рух у Заходняй Беларусі не стаў асобным аб'ектам для даследавання.

Ключавыя словы: беларускі нацыянальны рух, Заходняя Беларусь, міжваенная Польшча, нацыянальныя працэсы, гістарыяграфія.

Для цытавання: Горны А. С. Беларускі нацыянальны рух у міжваеннай Заходняй Беларусі ў адлюстраванні сучаснай замежнай гістарыяграфіі // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 66–71. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-12.

A. S. Gorny

Yanka Kupala State University of Grodno

**BELARUSIAN NATIONAL MOVEMENT IN INTERWAR WESTERN BELARUS
IN THE REFLECTION OF MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY**

It is necessary to know the theoretical approaches of foreign historians in order to prepare a comprehensive study on the history of the Belarusian national movement in interwar Western Belarus. The article describes the modern achievements of foreign historical science in this direction. The author of the article examines the works of such Polish researchers as V. Slyashinsky, J. Miranovich, A. Glahouskaya, M. Maroz. It reveals their views on the political directions of the Belarusian movement, its social activity and significance for the development of general political processes in interwar Poland. He also notes the tendency of modern Polish historiography in the study of different regions of interwar Poland and national processes in them. In addition, the author examines modern Lithuanian historiography, the works of Russian researchers devoted to ethno-political processes in Western Belarus. The researcher describes the works of two modern English-language authors – the Swedish historian Per Anders Rudling and the Japanese historian Michihiro Yasui.

In conclusion, the author comes to the conclusion that modern Polish historiography continues to repeat the previous wrong thesis about the weakness and incapacity of the Belarusian movement in Western Belarus; in Lithuanian historiography, the Belarusian factor in the study is ignored. From the history of the interwar period in Russian and English-language historiography, the Belarusian movement in Western Belarus has not yet become a separate object of study.

Keywords: belarusian national movement, Western Belarus, interwar Poland, national processes, historiography.

For citation: Gorny A. S. Belarusian national movement in interwar Western Belarus in the reflection in the reflection of modern foreign historiography. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 66–71. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-12 (In Belarusian).

*Артыкул падрыхтаваны ў рамках гранта Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў № Г23ИП-036 «Грамадска-палітычнае развіццё Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) у замежнай гістарыяграфіі».

Уводзіны. Гісторыя беларускага нацыянальнага руху з'яўляецца неад'емнай часткай гістарычных працэсаў у міжваеннай Заходняй Беларусі. Дзейнасць беларускіх палітычных і культурна-асветніцкіх арганізацый прывяла да разгортвання масавага нацыянальнага руху супраць палітыкі паланізацыі і нацыянальнага ўціску, у якім прымалі ўдзел тысячы актывістаў з розных заходнебеларускіх рэгіёнаў. Дадзеная з'ява набыла значную традыцыйную адлюстраванню ў айчынным гістарычным навуцы, у першую чаргу ў навуковых працах, прысвечаных міжваеннай гісторыі. У той жа час актуальнай на сёння з'яўляецца падрыхтоўка абагульняючага даследавання па гэтай праблеме, у якім будучы акумуляваны асноўныя тэарэтычныя і факталагічныя здабыткі беларускай гістарыяграфіі ў гэтым накірунку.

Пры падрыхтоўцы комплекснага даследавання па гісторыі беларускага руху ў Заходняй Беларусі нельга не ўлічваць навуковыя напрацоўкі замежных даследчыкаў. У першую чаргу тут неабходна вылучыць польскую гістарыяграфію, у рамках якой была падрыхтавана значная колькасць рознабаковых даследаванняў па гісторыі міжваеннай Польшчы і яе нацыянальных меншасцяў. Таксама гэтая тэматыка ў той ці іншай ступені ўзнімалася ў іншых краінах, дзе назіралася развіццё беларусазнаўчых даследаванняў. Працягваюцца гэтыя працэсы і цяпер. Таму сучаснаму пакаленню беларускіх даследчыкаў вельмі важна ведаць асноўныя тэарэтычныя падыходы замежных гісторыкаў, рабіць параўнальны аналіз выкарыстання факталагіі і раскрываць як моцныя, так і слабыя бакі падрыхтаваных прац, каб пазбегнуць суб'ектыўных ацэнак ва ўласных даследчыцкіх праектах.

Асноўная частка. Як было ўжо падкрэслена вышэй, значны матэрыял па гісторыі беларускага руху ў міжваеннай Польшчы назапасіла польская гістарычная навука. У 2000-я гг. у ёй заяўляе пра сабе цэлы шэраг даследчыкаў, якія займаюцца праблематыкай так званых «крэсаў усходніх» у міжваенны перыяд, выкарыстоўваючы не толькі дакументы з польскіх архіваў, але і з беларускіх, літоўскіх, украінскіх і расійскіх дакументасховішчаў. Прыкладам такога могуць выступаць працы вучонага з Беластока Войцеха Сляшынскага [1]. Адною з важных тэм, якую закранаў гісторык, была арганізацыя ўнутранай бяспекі польскімі органамі ўлады ў Заходняй Беларусі і супрацьдзеянне нелегальным формам дзейнасці беларускага руху. В. Сляшынскі на падставе рознабаковых крыніц даследаваў механізмы барацьбы польскіх органаў бяспекі з антыпольскім партызанскім рухам і падпольнай актыўнасцю Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (КПЗБ), якую, між іншым, адносіў не да нацыянальных арганізацый, а да ўніверсальных

камуністычных партый. Яго агульная ацэнка беларускага руху ў міжваеннай Польшчы захоўвала ранейшыя высновы польскай гістарыяграфіі аб слабасці і залежнасці ад знешніх фактараў.

Адным з найбуйнейшых прадстаўнікоў сучаснай польскай беларусістыкі з'яўляецца гісторык і біёграф Алена Глагоўская (Казлоўская). У сваіх навуковых і навукова-папулярных працах яна ў тым ліку даследавала працэсы развіцця беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці ў міжваенны перыяд. Так, у манаграфіі «Польска-беларускія адносіны ў XX стагоддзі» даследчыца прапанавала ўласную перыядызацыю развіцця палітыкі Польшчы адносна беларусаў у 1921–1939 гг. У адрозненне ад многіх польскіх гісторыкаў Глагоўская бачыла пэўны патэнцыял у дзейнасці розных беларускіх нацыянальных структур, які, аднак, быў нівіліраваны асіміляцыйнай палітыкай польскага ўлад, якую яна ацэньвае вельмі негатыўна [2, s. 169–231].

Праблематыка дзейнасці беларускіх нацыянальных структур у міжваеннай Польшчы закралася ў працах сучаснага польскага даследчыка беларускага паходжання Яўгена Мірановіча. У рамках вывучэння палітыкі польскага ўлад адносна беларускага насельніцтва даследчык вызначыў месца ў гэтых працэсах беларускіх актывістаў і нацыянальных структур, такіх, як КПЗБ, Таварыства беларускай школы (ТБШ), Беларуска-хрысціянская дэмакратыя (БХД) і інш. На думку Мірановіча, канкурэнцыя паміж беларускімі леварадыкальнымі і нацыянальна-дэмакратычнымі арганізацыямі не давала магчымасці стварыць моцны палітычны рух, што актыўна выкарыстоўвалі польскія ўлады для вырашэння «беларускай праблемы» і далейшага правядзення палітыкі паланізацыі [3, s. 80].

Вядомым спецыялістам па гісторыі беларускага руху ў Заходняй Беларусі у сучаснай польскай гістарыяграфіі з'яўляецца даследчыца Маўгажата Мароз (Ацытка). Аб'ектам яе даследаванняў былі ў асноўным нацыянальна-дэмакратычныя структуры беларускага руху. У кнізе, прызвечанай газеце «Крыніца», гісторык зрабіла не столькі прэсознаўчы аналіз, колькі раскрыла кантэкст фарміравання ідэалогіі беларускіх хрысціянскіх дэмакратаў, паказала асноўныя накірункі дзейнасці БХД і Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры (БІІК), у першую чаргу ў віленскім асяроддзі беларускай інтэлігенцыі [4].

Асабліва сучаснай польскай гістарыяграфіі з'яўляецца актыўная ўвага гісторыкаў да рэгіянальных працэсаў і лакальна-гістарычных з'яў у міжваеннай Польшчы. Тэма так званых «усходніх крэсаў» перастала быць цэласным аб'ектам вывучэння, польскія даследчыкі спрабуюць разбіць гэты рэгіён на пэўныя часткі, абаліраючыся на тагачасны адміністрацыйна-тэрытарыяльны

падзел. Сярод падобных даследаванняў вылучаецца праца палітолага і гісторыка Яцэка Ягуса «Беларускае насельніцтва Навагрудскага ваяводства II Рэчы Паспалітай ва ўспрыманні польскіх эліт рэгіёну». Разглядаючы беларускі нацыянальны рух у Польшчы, Ягусь значна спраціў праблему і звёў яе да існавання ўсяго двух замкнёных накірункаў – камуністычнага і хрысціянска-дэмакратычнага [5, s. 63]. Паўтараліся старыя ацэнкі польскай гістарыяграфіі аб тым, што беларусы стварылі найменшую колькасць партый і арганізацый сярод усіх меншасцяў міжваеннай Польшчы. Таксама аўтар зноў агучваў тэзіс аб тым, што беларускі рух у Заходняй Беларусі меў пераважна сацыяльную арыентацыю, а не нацыянальную. Сцвярджалася, напрыклад, што нібыта пасля роспуску Грамады вынікі яе існавання для нацыянальнай свядомасці беларусаў былі мізэрнымі [5, s. 59]. Пры гэтым дадзена думка аўтара базіравалася хутчэй на поглядах тагачасных польскіх эліт рэгіёну, чым на ўласна беларускім матэрыяле, які наўпрост ігнараваўся. У рабоце ўвогуле не былі выкарыстаны матэрыялы з беларускіх архіваў, што значна абмежавала яе факталагічную вартасць.

Міжваенная Віленшчына стала прадметам вывучэння Іааны Янушэўскай-Юркевіч, даследчыцы з універсітэта ў Катавіцах. У сваёй манаграфіі яна, сярод іншага, закранула і дзейнасць беларускіх структур у гэтым рэгіёне. На аснове значнай крыніцавай базы з Цэнтральнага дзяржаўнага архіва Літвы было прааналізавана становішча беларускага насельніцтва ў Сярэдняй Літве, разгледжаны феномен Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ), ахарактарызавана дзейнасць некамуністычных і праўрадавых беларускіх арганізацый. Аўтар сцвярджала, што ў міжваенны перыяд сярод беларускіх эліт пачалі праяўляцца тэндэнцыі прызнання польскай дзяржаўнасці і пашырэння арганічнай працы, аднак гэты кірунак атрымаў палітычнае паражэнне, дзякуючы ўнутраным і знешнім фактарам [6, s. 662]. Заўважым, што ў манаграфіі Янушэўскай-Юркевіч пры разглядзе структур беларускага руху фактычна была праігнаравана КПЗБ.

Трэндам сучаснай польскай гістарыяграфіі стала вывучэнне Палескага ваяводства, дзе ў міжваенны перыяд польскія ўлады праводзілі цэлы комплекс мер па інтэграцыі рэгіёна ў польскую дзяржаву. У дадзеных даследаваннях акцэнт у першую чаргу зроблены на праблемах фарміравання польскага адміністрацыйнага апарату на Палессі, на правядзенні эканамічнай мадэрнізацыі, развіцці польскай асветніцкай палітыкі. Аднак разам з гэтым былі спробы аналізаваць забытаныя нацыянальныя пытанні палескага рэгіёна. У 2014 г. згаданы вышэй спецыяліст па Заходняй Беларусі Сляшынскі В. выдаў кнігу «Палескае

ваяводства». Сярод аналізу палітычных і эканамічных фактараў існавання тагачаснага Палесся ён зрабіў невялікі агляд мясцовых нацыянальных рухаў. Адносна беларусаў быў паўтораны агульны тэзіс польскіх даследчыкаў – беларуская дзейнасць у Палескім ваяводстве была слабой, а мясцовых сялян цікавілі не нацыянальныя, а пераважна эканамічныя праблемы [7, s. 82].

Значны ўклад у даследаванне гісторыі Палесся зрабіў сучасны польскі даследчык Пётр Ціхарацкі. Ён з'яўляецца аўтарам грунтоўнай працы, прысвечанай палітычнаму жыццю ў Палескім ваяводстве ў міжваенны перыяд. П. Ціхарацкі не абышоў увагай і беларускія нацыянальныя арганізацыі, разгледзеўшы існаванне гурткоў БСРГ у ваяводстве і дзейнасць беларускіх актывістаў падчас выбарчых кампаній у польскі парламент. У прыватнасці, гісторык паспрабаваў адысці ад агульнапрынятага тэзіса польскай гістарыяграфіі аб эканамічных падставах развіцця беларускага руху ў Заходняй Беларусі і падкрэсліў, што пашырэнне гурткоў БСРГ было абумоўлена нацыянальнымі фактарамі, на што не звяртала ўвагу мясцовае кіраўніцтва [8, s. 214]. Аналіз функцыянавання пракамуністычнага дыскурсу ў Палескім ваяводстве і пашырэння лева-радыкальных ідэй П. Ціхарацкі вынес у асобнае даследаванне, у якім прысутнічае значны факталагічны матэрыял пра мясцовыя структуры КПЗБ [9].

Беларускі нацыянальны рух міжваеннага перыяду меў пэўную традыцыю адлюстравання ў літоўскай гістарычнай навуцы. У прыватнасці, у савецкі перыяд літоўскія гісторыкі імкнуліся грунтоўна прааналізаваць дзейнасць структур Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі на тэрыторыі Віленшчыны. У 1978 г. разам з беларускімі калегамі быў рэалізаваны нават сумесны выдавецкі праект – зборнік дакументаў і матэрыялаў «Рэволюционное движение в Вильнюсском крае 1920–1940» [10]. Аднак пасля 1991 г. у літоўскай гістарыяграфіі тэматыка беларускага руху на тэрыторыі міжваеннай Віленшчыны не атрымала свайго развіцця. Больш таго, сучасныя літоўскія гісторыкі нават пры разглядзе нацыянальных працэсаў у міжваеннай Вільне фактычна цалкам ігнаруюць беларускі фактар [11, p. 150]. Выключэннем можа быць шэраг артыкулаў літоўскага журналіста В. Жэймантаса аб беларускіх дзеячах культуры, якія працавалі ў Вільне і міжваеннай Заходняй Беларусі ў цэлым [12].

У сучаснай расійскай гістарыяграфіі працэсы нацыянальнага развіцця беларускага насельніцтва ў міжваеннай Польшчы не сталі прадметам комплексных даследаванняў, што стварае пэўную перспектыву для расійскіх навуковых цэнтраў беларусістыкі ў будучыні. Некаторыя аспекты развіцця нацыянальнай свядомасці беларусаў у міжваеннай Польшчы, праблемы ажыццяўлення

палітыкі паланізацыі закранаў у сваіх працах даследчык Мікалай Маркелаў, які пры аналізе нацыянальных пытанняў у Заходняй Беларусі выкарыстоўваў метадалогію французскіх даследаванняў [13]. Асобныя сюжэты біяграфіі дзеячаў беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі, а таксама погляды нямецкіх міжваенных палітычных колаў на беларускае пытанне ў Польшчы былі адлюстраваны ў працах гісторыка Ігара Барынава [14].

Гісторыя Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд як інтэгральная частка беларускай гісторыі з'яўлялася аб'ектам вывучэння сучасных гісторыкаў, якія былі прадстаўнікамі англамоўнай навуковай прасторы. Знакавай працай сучаснага замежнага беларусазнаўства можна лічыць манаграфію шведскага гісторыка Пэра Рудлінга, выдадзеную ў Піцсбургу ў 2015 г. Трэба адзначыць, што ў адрозненне ад папярэдніх прац замежных даследчыкаў, пры падрыхтоўцы сваёй кнігі Рудлінг карыстаўся не толькі здабыткамі гістарыяграфіі, але і дакументамі з беларускіх і літоўскіх архіваў. Асобны раздзел гэтай працы прысвечаны аналізу развіцця беларускага нацыянальнага праекта ў Заходняй Беларусі. У ім шведскі гісторык робіць акцэнт на вывучэнні дзейнасці дзвюх заходнебеларускіх палітычных арганізацый – БХД і БСРГ. Ідэалогію БХД ён разглядае як спалучэнне ідэй лібералізму, нацыяналізму, хрысціянскага ідэалізму, змешаных з сацыялістычнымі ідэямі кааперацыі і перамеркаваннем зямлі, якія набылі папулярнасць у асяроддзі беларускай інтэлігенцыі [15, р. 183]. Тым не менш, на думку Рудлінга, у беларускім палітычным жыцці ў Заходняй Беларусі дамінаваў так званы «левы нацыяналізм», уасабленнем якога была БСРГ і іншыя леварадыкальныя арганізацыі [15, р. 189–190]. Нягледзячы на значныя тэарэтычныя абагульненні, праведзеныя гісторыкам, у яго кнізе прысутнічаюць некаторыя хібы і недакладнасці. Напрыклад, пэўнае неразуменне выклікае дата 1931 г. як крайняя храналагічная рамка даследавання.

Адной з апошніх публікацый па гісторыі беларускага руху ў Заходняй Беларусі ў англамоўнай навуковай прасторы можна лічыць артыкул японскага даследчыка Мічыхіра Ясуі «Дзень Грамады ў польскім Сейме. Беларускі нацыянальны рух падчас ранняга рэжыму санацыі». У артыкуле гісторык сканцэнтравана ўвагу на праблеме

ліквідацыі БСРГ у 1927 г. праз прызму адной падзеі – галасаванні ў польскім Сейме наконт пазбаўлення дэпутацкай недатактыкальнасці паслоў парламенцкага клуба БСРГ. Каштоўнасцю артыкула можна лічыць грунтоўны аналіз польскага перыядычнага друку, на аснове якога японскі гісторык спрабуе прасачыць адносіны польскіх палітычных і інтэлектуальных эліт да развіцця беларускага нацыяналізму ў часы станаўлення санацыйнага рэжыму [16].

Заклучэнне. Пры падвядзенні вынікаў неабходна заўважыць, што ў сучаснай замежнай гістарыяграфіі распрацавана значная колькасць даследаванняў, у якіх у той ці іншай ступені аналізуецца беларускі нацыянальны рух у міжваеннай Заходняй Беларусі. Аднак узровень аналізу ў гэтых працах з'яўляецца неаднародным. Сучасныя польскія даследчыкі паўтараюць старыя тэзісы польскай гістарыяграфіі аб слабасці ці нават маргінальнасці беларускага руху, адсутнасці ў ім выразных ідэалагічных напрамкаў, яго залежнасці ад знешняга фактару, у першую чаргу савецкага. Беларусы ў міжваенны перыяд, ва ўяўленні большасці польскіх гісторыкаў, мелі слабую нацыянальную ідэнтычнасць і былі няздольныя арганізаваць моцны нацыянальны рух. Правядзенне комплекснага даследавання ў гэтым накірунку сучаснымі беларускімі гісторыкамі дазволіць паказаць памылковасць гэтых поглядаў. Праўда, сярод прадстаўнікоў польскай гістарыяграфіі сустракаюцца гісторыкі, якія бачылі патэнцыял развіцця беларускага руху, што быў стрыманы асіміляцыйнай палітыкай улад.

У сучаснай літоўскай гістарыяграфіі назіраецца тэндэнцыя ігнаравання беларускага фактару ў даследаванні нацыянальных працэсаў у Віленскім рэгіёне ў міжваенны перыяд, што робіць такія даследаванні абмежаванымі і суб'ектыўнымі. Беларускі нацыянальны рух у Заходняй Беларусі не стаў прадметам асобных даследаванняў у расійскай гістарыяграфіі, дзе ён разглядаецца ў рамках вывучэння больш шырокіх этнапалітычных працэсаў у міжваенны перыяд. Прадстаўнікі англамоўнага гістарычнага дыскурсу таксама разглядаюць дадзеную праблематыку ў спалучэнні з іншымі аспектамі гісторыі найважнейшага перыяду. Значным недахопам іх прац з'яўляецца ігнараванне здабыткаў беларускай гістарыяграфіі як з пункту гледжання факталогіі, так і тэарэтычных напрацовак.

Спіс літаратуры

1. Śleszyński W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Warszawa: RYTM, 2007. 400 s.
2. Głogowska H. Stosunki polsko-białoruskie w XX wieku. Białystok: Wydawnictwo UwB, 2012. 678 s.
3. Mironowicz E. Białorusini i ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok: Trans Humana, 2007. 294 s.

4. Moroz M. «Krynica»: ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2001. 230 s.
5. Jaguś J. Ludność białoruska województwa nowogródzkiego II Rzeczypospolitej w percepcji polskich elit regionu. Toruń: Wyd. Adam Marszałek, 2014. 276 s.
6. Januszewska-Jurkiewicz J. Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920–1939. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2010. 710 s.
7. Śleszyński W. Województwo Poleskie. Kraków: Avalon, 2014. 336 s.
8. Cichoracki P. Województwo poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych. Łomianki: LTW, 2014. 478 s.
9. Cichoracki P. Komuniści na Polesiu w latach 1921–1939. Łomianki: LTW, 2016. 273 s.
10. Революционное движение в Вильнюсском крае: документы и материалы / сост.: В. Канцявичюс [и др.]. Вильнюс: Минтис, 1978. 448 с.
11. Mačiulis D., Staliūnas D. Vilnius – lietuvos sostinė: problema tautinės valstybės projekte (XIX a. pabaiga – 1940 m.). Vilnius: LII leidykla, 2015. 324 p.
12. Žeimantas V. Adomas Stankevičius – kunigas, rašytojas, baltarusių atgimimo veikėjas // XXI amžius. 2009. Nr 80. P. 4.
13. Маркелов Н. А. Межэтнические отношения белорусов и поляков в условиях формирования новой государственной идентичности в 1921–1939 гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, кн. 4. С. 1019–1027.
14. Баринов И. И. Белоруссия и белорусы в антипольской стратегии Германии (1915–1939 гг.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 28–47.
15. Rudling Per Anders. The rise and fall of Belarusian nationalism, 1906–1931. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. 436 p.
16. Yasui Michihiro. “Hromada’s Day” in the Polish Sejm (Feb. 4, 1927). The Belarusian national movement under the early Sanacja Regime // Гісторыя Беларусі ў XX стагоддзі. Памяці прафесара Івана Коўкеля: зб. навук. арт. / пад рэд. А. Горнага. Гродна: ЮрсаПрынт, 2017. С. 67–92.

References

1. Śleszyński W. *Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej* [Internal security in the policy of the Polish state in the north-eastern territories of the Second Polish Republic]. Warsaw, RYTM Publ., 2007. 400 p. (In Polish).
2. Głogowska H. *Stosunki polsko-białoruskie w XX wieku* [Polish-Belarusian relations in the 20th century]. Białystok, UwB Publ., 2012. 678 p. (In Polish).
3. Mironowicz E. *Białorusini i ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego* [Belarusians and Ukrainians in the politics of the Piłsudski camp]. Białystok, Trans Humana Publ., 2007. 294 p. (In Polish).
4. Moroz M. “Krynica”: ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu [«Krynica»: ideology and leaders of Belarusian Catholicism]. Białystok, Białoruskie Towarzystwo Historyczne Publ., 2001. 230 p. (In Polish).
5. Jaguś J. *Ludność białoruska województwa nowogródzkiego II Rzeczypospolitej w percepcji polskich elit regionu* [The Belarusian population of the Nowogródek Voivodeship of the Second Polish Republic in the perception of the Polish elites of the region]. Toruń, Wyd. Adam Marszałek Publ., 2014. 276 p. (In Polish).
6. Januszewska-Jurkiewicz J. *Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920–1939* [National relations in the Vilnius region in the years 1920–1939]. Katowice, Wyd. Uniwersytetu Śląskiego Publ., 2010. 710 p. (In Polish).
7. Śleszyński W. *Województwo Poleskie* [Polesie Voivodeship]. Krakow, Avalon Publ., 2014. 336 p. (In Polish).
8. Cichoracki P. *Województwo poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych* [Polesie Voivodeship 1921–1939. From political history]. Łomianki, LTW Publ., 2014. 478 p. (In Polish).
9. Cichoracki P. *Komuniści na Polesiu w latach 1921–1939* [Communists in Polesie in 1921–1939]. Łomianki, LTW Publ., 2016. 273 p. (In Polish).
10. *Revoljucyonnoye dvizheniye v Vil'nyusskom kraje: dokumenty i materialy* [Revolutionary movement in the Vilnius region: documents and materials]. Comp.: V. Kancyavichyus [et al.]. Vilnius, Mintis Publ., 1978. 448 p. (In Russian).
11. Mačiulis D., Staliūnas D. *Vilnius – lietuvos sostinė: problema tautinės valstybės projekte (XIX a. pabaiga – 1940 m.)* [Vilnius – the capital of Lithuania: a problem in the nation-state project (end of the 19th century end – 1940)]. Vilnius, LII leidykla Publ., 2015. 324 p. (In Lithuanian).

12. Žeimantas V. Adam Stankievič is a priest, writer, actor of the Belarusian revival. *XXI amžius* [XXI century], 2009, no 80, p. 4 (In Lithuanian).

13. Markelov N. Interethnic relations between Belarusians and Poles in the context of the formation of a new state identity in 1921–1939. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Humanities Series], 2017, vol. 159, book 4, pp. 1019–1027 (In Russian).

14. Barinov I. Belarus and Belarusians in Germany's anti-Polish strategy (1915–1939). *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac], 2022, no. 1–2, pp. 28–47 (In Russian).

15. Rudling Per Anders. The rise and fall of Belarusian nationalism, 1906–1931. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press Publ., 2015. 436 p.

16. Yasui Michihiro. “Hromada’s Day” in the Polish Sejm (Feb. 4, 1927). The Belarusian national movement under the early Sanacja Regime. *Gistoryia Belarusi u XX stagoddzi. Pamyatsi prafesara Ivana Koukelia* [History of Belarus in the 20th century. In memory of Professor Ivan Koukel]. Hrodna, JursaPrint Publ., 2017, pp. 67–92.

Інфармацыя пра аўтара

Горны Аляксандр Сяргеевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін, кіраўнік Цэнтра даследавання дзяспар і замежнага беларусазнаўства. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы (230023, г. Гродна, вул. Ажэшкі, 22, Рэспубліка Беларусь). E-mail: litvin.gorny@gmail.com

Information about the author

Gorny Aliaksandr Siargeevich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus, Archeology and Special Historical Disciplines, Head of Center for Diaspora Studies and Foreign Belarusian Studies. Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko str., 230023, Grodno). E-mail: litvin.gorny@gmail.com

Пасмыніў 10.09.2023

УДК 331.102.325(1-22)«1970/1980»(476)

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

**ПОИСК ПУТЕЙ ПОВЫШЕНИЯ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ
В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1970-Е – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)**

В статье рассмотрены направления работы по мобилизации тружеников села на успешное выполнение народнохозяйственных планов республики в аграрном секторе. Обращено внимание на появившиеся новые мобилизационные ресурсы развития производственной инициативы и трудовой активности сельскохозяйственных рабочих. Проанализированы принципы, цели, задачи социалистического соревнования как действенного средства поддержания трудового энтузиазма и формирования товарищеской взаимопомощи. Акцентировано внимание на идеологическом обеспечении соревновательного процесса, моментах совершенствования его форм и методов, массово-политической работе среди колхозников и рабочих совхозов. Приведены примеры успешного вовлечения рабочих массовых профессий села в соревнование за высокую культуру земледелия через усиление организационной составляющей трудовой состязательности и умелое сочетание моральных и материальных стимулов. Выделены и охарактеризованы наиболее удачные организационные формы соревнования, способствующие повышению профессионального мастерства и индивидуальному творческому развитию. Изучены вопросы совершенствования внутрихозяйственных распределительных отношений, изменений в системе оплаты труда и использования передового опыта эффективной организации труда механизаторов-полеводов и работников животноводства. Сделаны выводы о результативности предпринятых поисков.

Ключевые слова: инициатива, социалистическое соревнование, идеологическое обеспечение, материальные стимулы, организация труда, хозрасчет, подряд.

Для цитирования: Якуш Н. М. Поиск путей повышения трудовой активности сельскохозяйственных рабочих в Белорусской ССР (1970-е – середина 1980-х гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 72–76. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-13.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

**SEARCHING FOR WAYS TO INCREASE THE LABOR ACTIVITY
OF AGRICULTURAL WORKERS IN THE BELARUSIAN SSR (1970S – MID-1980S)**

The article examines the areas of work to mobilize rural workers for the successful implementation of the national economic plans of the republic in the agricultural sector. Attention is drawn to the emerging new mobilization resources for the development of production initiative and labor activity of agricultural workers. The principles, goals, and objectives of socialist competition as an effective means of maintaining labor enthusiasm and forming comradesly mutual assistance are analyzed. Attention is focused on the ideological support of the competitive process, aspects of improving its forms and methods, and mass political work among collective farmers and state farm workers. Examples are given of the successful involvement of workers of mass rural professions in the competition for a high culture of agriculture through strengthening the organizational component of labor competition and a skillful combination of moral and material incentives. The most successful organizational forms of competition that contribute to improving professional skills and individual creative development are identified and characterized. The issues of improving on-farm distribution relations, changes in the wage system and the use of best practices in the effective organization of labor of field mechanics and livestock workers have been studied. Conclusions are drawn about the effectiveness of the searches undertaken.

Keywords: initiative, socialist competition, ideological support, material incentives, labor organization, cost accounting, contract.

For citation: Yakush N. M. Searching for ways to increase the labor activity of agricultural workers in the Belarusian SSR (1970s – mid-1980s). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023*, no. 2(275), pp. 72–76. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-13 (In Russian).

Введение. Социально-экономическая система БССР 1970-х – первой половины 1980-х гг. развивалась противоречиво и контрастно. В Беларуси

было введено в строй более 170 промышленных предприятий, опережающими темпами развивались отрасли, определявшие научно-технический

прогресс: приборостроение, электронная и радиотехническая промышленность, средства связи, а также все виды транспорта. Однако экономика утрачивала динамизм. Это заметно проявлялось в сельскохозяйственном производстве, хотя среди республик СССР сельское хозяйство Беларуси развивалось наиболее динамично в результате целенаправленной работы по созданию механизированного аграрного сектора экономики. Вместе с тем наряду с достижениями становились очевидными провалы аграрной политики, которые находили отражение в замедлении темпов прироста валовой продукции и роста производительности труда, низкой урожайности, неэффективном использовании капиталовложений, ослаблении роли моральных и материальных стимулов труда земледельцев и животноводов. Проблемы усугублялись масштабным оттоком молодого трудоспособного населения из сел в города, нехваткой квалифицированных рабочих кадров, новых технических компетенций и специалистов сельского хозяйства высших квалификаций. В таких условиях важнейшей составляющей работы Компартии Белоруссии, советского и хозяйственного руководства республики становился поиск мобилизационных ресурсов развития производственной инициативы и трудовой активности тружеников села. Накопленный опыт такой работы представляет интерес с точки зрения изучения и анализа его результативности.

Основная часть. В рассматриваемый период актуальность приобрела проблема грамотного и эффективного сочетания моральных и материальных стимулов трудовой заинтересованности. Предпосылки для выстраивания этого процесса были заложены в середине 1960-х гг. в ходе реализации принятых в марте 1965 г. решений о неотложных хозяйственных и организационных мерах помощи колхозам и совхозам, а также постепенного снижения ограничений и чрезмерной регламентации коллективной и индивидуальной хозяйственной деятельности, повышения оплаты труда. Соответствующие подходы были закреплены постановлениями ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 апреля 1966 г., 14 марта 1971 г., а также постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 сентября 1977 г. На основании принятых постановлений в Белорусской ССР были введены повышенные на 18–20% по сравнению с ранее действовавшими тарифные ставки, установлены надбавка к заработной плате и ежегодные дополнительно оплачиваемые отпуска в зависимости от стажа непрерывной работы по специальности в данном хозяйстве для трактористов-машинистов. Начала применяться доплата к заработку в размере 10% лицам, имеющим звание «Мастер животноводства первого класса»,

«Мастер животноводства второго класса». Эти меры позволили с 1965 по 1980 г. увеличить среднемесячный размер оплаты труда рабочих совхозов и колхозников с 53,3 до 122 руб. [1, с. 136].

Важнейшим рычагом всемерного повышения трудовой активности и инициативы сельских тружеников в 1970-е – середине 1980-х гг. выступало социалистическое соревнование. Принцип трудового соперничества рассматривался советской властью как один из эффективных методов укрепления социалистических отношений, экономического строительства и товарищеской взаимопомощи. В августе 1971 г. Центральным Комитетом КПСС было принято постановление «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования», в котором акцентировалось внимание на развертывании всенародного движения за ускоренное выполнение народнохозяйственных планов и заданий. В качестве знаков отличия победителей и общественного признания их высоких заслуг перед обществом Президиумом Верховного Совета СССР были утверждены орден Трудовой Славы и медаль «Ветеран труда».

В исследуемый период в БССР основной целью и главными задачами являлись вовлечение сельскохозяйственных рабочих в соревнование за высокую культуру земледелия и внедрение научной организации труда в производство. В 1975 г. было принято совместное постановление Министерства сельского хозяйства БССР и республиканского объединения «Сельхозтехника» об учреждении Знака качества полей севооборота. Согласно постановлению, Знак присуждался только тем полям и посевам, урожай которых по своей величине и качеству обеспечивал перевыполнение социалистических обязательств и соответствовал уровню отечественных и мировых показателей по данной культуре. Включились в соревнование за присуждение Знака качества колхозы им. Калинина Несвижского, «Оснежицкий» Пинского, «Маяк коммунизма» Борисовского, «Светлый путь» Молодечненского, «Звезда» Горецкого, «Прогресс» Гродненского, совхозы «Брилёво» Гомельского и «Яхимовщина» Молодечненского районов [2, с. 36].

Советская многолетняя практика развития трудовой инициативы базировалась на опыте идеологического обеспечения, массово-политической работе среди земледельцев и животноводов. Была поставлена задача тесно увязать массовую политическую работу с работой организаторской. Цель – создание условий для наиболее полного проявления творческих способностей каждого труженика, особенно при проведении таких скоротечных кампаний, как сев и уборка.

Как свидетельствуют архивные документы, партийно-политическая работа по своевременному и качественному проведению осенне-полевых кампаний базировалась на разработанных районными комитетами партии организационных и агитационно-пропагандистских мероприятиях. Четкую и слаженную организацию их выполнения продемонстрировали хозяйства Малоритского района в 1972 г. Были созданы бригады политорганизаторов, состоявшие из числа партийных работников, специалистов сельского хозяйства, учителей, работников культуры. Они ежедневно встречались с людьми и не только рассказывали о ходе весенне-полевых работ, важнейших событиях внутренней и международной жизни, но и оперативно решали возникающие на севе вопросы. Для координации полевых работ при райкоме КПБ была создана оперативная группа, куда ежедневно поступала информация о ходе сева, использовании техники, острых проблемах и настроениях людей. Это давало возможность концентрировать внимание на наиболее трудных участках посевной кампании, своевременно поправлять положение дел на местах, обеспечивать условия для поддержания высокого производственного ритма. Накопленный в Малоритском районе действенный опыт идеологического обеспечения весеннего сева был одобрен бюро Брестского обкома партии и рекомендован к распространению [3, л. 3].

Поиск наиболее действенных средств мобилизации трудовой энергии сельских тружеников, направленной на достижение высоких показателей производства, продемонстрировал значимость таких принципов организации трудового состязания, как широкая гласность, сравнимость результатов, возможность практического повторения передового опыта. Именно они приводили к положительным результатам, помогали исключить формализм в социалистическом соревновании и выявить его эффективные формы. Примером этому является широкое распространение среди сельскохозяйственных рабочих соревнования по профессиям. Зародившийся на Гродненщине в конце восьмой пятилетки конкурс механизаторов на основе балльной системы обеспечивал гласность соперничества трактористов, шоферов, комбайнеров, животноводов. Это делало данный конкурс действенным, конкретным. В результате соревнования по профессиям нашло широкую прописку к концу исследуемого периода во всех хозяйствах, районах, областях республики. Практика подтвердила, что эта форма позволила в значительной мере исключить субъективизм и объективно учитывать затраты труда каждого труженика, способствовала повышению его теоретических знаний и профессионального мастерства. В колхозах и совхозах Брестской области

ежегодно в межхозяйственных, районных и областном соревновании механизаторов участвовало около 15 тыс. человек, в хозяйствах Гродненщины – свыше 12 тыс. [4, л. 38].

Удачной организационной формой повышения уровня трудовой активности стала публичная защита хозяйствами принятых на себя социалистических обязательств. В основе социалистических обязательств лежало экономическое обоснование всех факторов, обеспечивающих повышение урожайности сельскохозяйственных культур и общий рост производительности труда. После разработки обязательств проходила их защита в колхозах или совхозах, на районных и областных комиссиях. Такой подход к организации трудового соперничества заставлял руководителей и специалистов глубоко изучать рекомендации сельскохозяйственных наук, научно-технические достижения в сельском хозяйстве, нацеливал весь коллектив на использование передовых технологий, методов и приемов труда. Прямо и опосредованно моменты нацеливали на качественное повышение уровня деловой квалификации, стимулировали активную вовлеченность в производство потенциального профессионального ресурса рабочих сил. При этом изучению и распространению передового опыта среди хлеборобов и животноводов республики во многом способствовали проведение в рамках организации соревнования семинаров и научно-практических конференций, «дней» бригады, творческого часа, работа школ передового опыта, университетов сельскохозяйственных знаний.

Важным фактором повышения действенности трудового соперничества, развития творческой активности тружеников села стало умелое использование и правильное сочетание моральных и материальных стимулов. В процессе выполнения заданий девятого и десятого пятилетних планов развития народного хозяйства в республике развернулся поиск утверждения единого характера морального и материального поощрения сельских тружеников. Удачным решением такой задачи стало стимулирование победителей профессиональных конкурсов в Гродненской области. Имена победителей заносились в Книгу народной славы, их фотографии помещались на Доску почета, им вручались переходящее Красное знамя, вымпелы, денежные премии. Одновременно тем участникам соревнования, которые набирали необходимое количество баллов, присваивался очередной класс профессионального мастерства, новый разряд, что в дальнейшем давало определенную ежемесячную надбавку к зарплате [5, л. 337, 338].

Большое внимание грамотному и эффективному сочетанию моральных и материальных стимулов в соревновании уделяли партийные и

советские органы Минской области. В ноябре 1973 г. бюро Минского обкома КПБ совместно с исполкомом областного Совета депутатов трудящихся и областным Советом профсоюзов приняло постановление об учреждении для поощрения победителей в индивидуальном социалистическом соревновании нагрудных знаков «Мастер урожая», «За ударный труд», «Лучший механизатор», «Трудовая слава». Фамилии людей, удостоенных одного из этих знаков, публиковались в газетах и заносились в Книгу почета. Победителям соревнования предоставлялось право получения отпуска в удобное время, льготных путевок в дома отдыха, бесплатных туристических путевок [6, л. 140].

Действенным стимулом в поощрении производственной инициативы являлось присвоение внутриколхозных и внутрисовхозных почетных званий «Мастер высоких урожаев», «Ветеран труда», «Мастер высокопроизводительного использования техники» др. Удачной формой морального поощрения, имеющей глубокое человеческое измерение, явилось соревнование на призы, названные именами прославленных героев-земляков.

Расширение сферы применения технического квалифицированного труда в сельскохозяйственном производстве в 1970–1980-е годы создавало возможность для совершенствования форм его организации. Главной организационной формой труда механизаторов-полеводов в эти годы стала механизированная производственная бригада, в составе которой формировались постоянные специализированные звенья конечной продукции по возделыванию льна, выращиванию картофеля, овощей, других культур. В годы десятилетия в Белорусской ССР была широко развернута работа по внедрению опыта хлеборобов Ипатовского района Ставропольского края, суть которого состояла в концентрации техники и людских ресурсов, разделении труда по уборочным операциям и полной завершенности всего цикла работ, широком маневре технических средств в колхозе, совхозе и между хозяйствами. Партийные органы БССР прикладывали максимальные усилия для поддержки и повсеместного распространения этого опыта работы. Например, в соответствии с решениями Брестского и Минского ОК КПБ в июле 1977 г. во всех районах этих областей были проведены семинары по изучению практики организации работы механизированных отрядов на уборке хлеба в комплексе и на поточной основе, оперативного контроля за технологией и качеством работ, широкого применения раздельного способа уборки. В работе семинаров принимали участие специалисты сельского хозяйства, колхозный и совхозный актив [7, л. 5, 6, 24].

Практика подтвердила жизнеспособность механизированных отрядов как новой формы организации труда. К середине 1980-х годов они были созданы почти в каждом хозяйстве республики и выполняли практически все полевые работы. Объединение механизаторов в постоянные и временные уборочно-транспортные отряды позволяло занять каждого работника максимально с учетом его квалификации и практического опыта, в определенной мере ослабить зависимость заработной платы от технического состояния машин, улучшить режим работы механизаторов. В конечном итоге это значительно повышало трудовую активность и эффективность труда, производительность которого в отдельных случаях возрастала в 1,5–2 раза [8].

Совершенствование процесса производства в животноводстве проводилось через внедрение коллективных форм обслуживания животных на основе технологического разделения труда, при котором группы животных формируются по продуктивности, половозрастным и другим признакам. Наибольшая эффективность работы обеспечивалась внедрением поточно-цеховой системы производства и бригадно-звеньевой организации труда животноводов с введением двухциклического распорядка дня их работы. Внедрение цеховой структуры производства, создание звеньев и переход на двухцикличный режим работы позволяли упорядочить рабочий день и рабочую неделю животноводов, делали труд более привлекательным и производительным. Характерен пример колхоза «Озеры» Гродненского района. На ферме «Глубинка» этого хозяйства сначала создали 4 звена и начали предоставлять дояркам по 2 выходных дня через 6 дней работы. Затем на ферме внедрили поточно-цеховую технологию, перераспределили обязанности среди работников, закрепив за каждым звеном по 2 группы скота. В результате доярки начали пользоваться двумя выходными через 4 дня работы. Причем трудовые затраты на 1 центнер молока снизились на 54%, а среднемесячная оплата труда доярок возросла более чем на 50% [9, с. 10].

Одним из направлений работы по поиску путей повышения активности и развития трудовой инициативы тружеников села явилось совершенствование распределительных отношений внутри коллективов при усилении общей направленности форм и методов стимулирования труда на его конечные результаты. Наибольшее распространение в исследуемый период в сельском хозяйстве Белорусской ССР имела индивидуальная сдельно-премиальная форма оплаты, которая в основном зависела от объема выполненных работ, ориентировалась на количественные

результаты. Задачу поставить материальное стимулирование в прямую зависимость от конечных результатов пытались решить с помощью коллективного подряда, как наиболее эффективной формы внутрихозяйственного расчета, при котором сдельно-премиальная форма оплаты труда сменяется аккордно-премиальной. Несмотря на серьезные трудности и проблемы с внедрением в одиннадцатой пятилетке практики бригадного подряда, примеры успешной работы ряда хозяйств по коллективному подряду продемонстрировали рост трудовой и технологической дисциплины рабочих кадров массовых профессий, их ответственности за судьбу урожая, усиление взаимопомощи и взаимозаменяемости. Это и позволяет отнести новые принципы оплаты труда к одному из возможных факторов, повышающих заинтересованность тружеников села в достижении высоких производственных резуль-

татов и стимулирующих высокий уровень их трудовой самоотдачи.

Выводы. На основании вышеизложенного материала можно сказать, что в течение 1970-х – середине 1980-х гг. в Белорусской ССР шел достаточно интенсивный поиск новых, эффективных форм повышения производственной активности тружеников села. Сущность и направления этого поиска были прямо соотнесены с попытками общего реформирования методов планового управления советской экономикой при усилении роли товарно-денежных рычагов воздействия. Основное внимание было направлено на повышение мобилизующей силы социалистического соревнования и творческое развитие его принципов, гармоничное дополнение моральных стимулов труда материальной заинтересованностью в нем, введение рациональных форм организации производственных процессов.

Список литературы

1. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1981 году: стат. ежегодник. Минск, 1982. 232 с.
2. Сельское хозяйство Белоруссии. 1975. № 10.
3. Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 37. Д. 26.
4. НАРБ. Ф. 4. Оп. 46. Д. 87.
5. НАРБ. Ф. 4. Оп. 65. Д. 19.
6. НАРБ. Ф. 4. Оп. 69. Д. 40.
7. НАРБ. Ф. 4. Оп. 55, 73. Д. 109, 43.
8. Советская Белоруссия. 1980. 2 июля.
9. Сельское хозяйство Белоруссии. 1983. № 5.

References

1. *Narodnoye khozyaystvo Belorusskoy SSR v 1981 godu: statisticheskiy ezhegodnik* [National economy of the Belarusian SSR in 1981: statistical yearbook]. Minsk, 1982. 232 p. (In Russian).
2. *Sel'skoye khozyaystvo Belorussii* [Agriculture of Belarus], 1975, no. 10 (In Russian).
3. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. I. 37. F. 26.
4. NARB. Fund 4. I. 46. F. 87.
5. NARB. Fund 4. I. 65. F. 19.
6. NARB. Fund 4. I. 69. F. 40.
7. NARB. Fund 4. I. 55, 73. F. 109, 43.
8. *Sovetskaya Belorussiya* [Soviet Belarus], 1980, July 2 (In Russian).
9. *Sel'skoye khozyaystvo Belorussii* [Agriculture of Belarus], 1983, no. 5 (In Russian).

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yakush@belstu.by

Information about the author

Yakush Nadzeshda Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iackush@yandex.ru

Поступила 10.09.2023

УДК 339.543(09)

В. А. Острога

Белорусский государственный университет

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТАМОЖНЯ БССР. МИНСКАЯ ТАМОЖНЯ В 1975–1991 ГГ.

В статье анализируется деятельность Минской таможи с момента ее восстановления из таможенного поста в таможню в 1975 г. Приводятся яркие примеры трудовых успехов минских таможенников в ходе проведения таможенного контроля. Отмечается постоянный рост значения Минской таможни в системе таможенных органов БССР и СССР, что вылилось в возможность формирования на ее базе центральной и крупнейшей в Советской Беларуси Белорусской территориальной таможни (1987–1990 гг.). Делается вывод, что экономические реформы в СССР второй половины 1980-х гг. сформировали из нее крупное и инфраструктурно развитое таможенное учреждение. Это позволило Минской таможне к 1991 г. по своей значимости и развитости полностью соответствовать статусу центральной таможни, находящейся в наиболее экономически развитом регионе республики.

Ключевые слова: Белорусская ССР, Минск, таможенные органы СССР, таможня, таможенный пост, таможенник, таможенный контроль, борьба с контрабандой, инфраструктура.

Для цитирования: Острога В. А. Центральная таможня БССР. Минская таможня в 1975–1991 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 77–81. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-14.

V. A. Astroha

Belarusian State University

CENTRAL CUSTOMS OF THE BSSR. MINSK CUSTOMS IN 1975–1991

The article analyzes the activities of the Minsk customs, since its restoration from the customs post to the customs in 1975. Vivid examples of the labor successes of Minsk customs officers in the course of customs control are given. There is a constant increase in the importance of the Minsk Customs in the system of customs authorities of the BSSR and the USSR, which resulted in the possibility of forming on its basis the central and largest Belarusian territorial customs in Soviet Belarus (1987–1990). It is concluded that economic reforms in the USSR of the second half of the 1980s formed a large and infrastructurally developed customs institution out of it. This allowed the Minsk Customs to fully correspond to the status of the central customs, located in the most economically developed region of the republic, in terms of its significance and development by 1991.

Keywords: Belarusian SSR, Minsk, customs authorities of the USSR, customs, customs post, customs officer, customs control, anti-smuggling, infrastructure.

For citation: Astroha V. A. Central customs of the BSSR. Minsk customs in 1975–1991. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 77–81. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-14 (In Russian).

Введение. История белорусских таможен сегодня является одной из малоизученных страниц прошлого нашей страны. К примеру, из около 50 таможен, функционировавших в различные исторические периоды на белорусских землях, на сегодня относительно изучены только 5: Гродненская региональная, Брестская, Могилевская, Минская региональная и Гомельская таможни. Ждут написания своей истории еще как минимум три ныне действующие таможни: Оперативная, Минская центральная и Витебская. Но, несмотря на имеющиеся немногочисленные публикации по истории Минской региональной таможни, в том числе монографии В. А. Острога и С. В. Иванова «История Минской региональной таможни» (2022 г.) [1], на наш взгляд, необходимо про-

должать углубление и популяризацию знаний по истории таможенного дела Беларуси. Поэтому целью настоящего исследования является анализ деятельности Минской таможни с 1975 по 1991 г. В этой связи, несомненно, поднятая проблема имеет высокую степень актуальности.

Основная часть. XX век стал для Минской таможни периодом значительных и жестких трансформаций. Восстановленная после более чем векового забвения в 1922 г. столичная таможня прошла в 1928 г. через свою очередную ликвидацию, была возрождена в 1945 г., расформирована в ходе структурных преобразований 1950–1960-х гг. и вновь возобновила свою деятельность в 1975 г. Но уже к 1991 г., благодаря общественно-экономическим реформам в СССР второй

половины 1980-х гг., она представляла собой центральное крупное и инфраструктурно наиболее развитое таможенное учреждение в БССР.

5 августа 1975 г. приказом Министерства внешней торговли СССР № 306 существовавший с 1955 г. Минский таможенный пост был преобразован в таможню. С 31 октября того же года ее возглавил инспектор таможенной службы II ранга Кречко П. В., бывший начальник Минского таможенного поста Брестской таможни. Это был молодой, но опытный таможенник. С 1967 г. он работал контролером, инспектором Брестской таможни. Именно он в первые годы независимости Беларуси, с ноября 1991 г. по январь 1992 г., исполнял обязанности первого Председателя Государственного таможенного комитета Республики Беларусь.

Наряду с бывшими сотрудниками Минского таможенного поста Брестской таможни на работу в новую таможню были направлены опытные работники Брестской и Чопской (Украинская ССР) таможен. В 1970-х – первой половине 1980-х гг. отделы таможни размещались в различных местах города: на Главпочтамте в отделе почтовой пересылки, столичном аэропорту «Минск» и железнодорожном узле «Степянка». Как вспоминает ветеран таможни Т. П. Калачик, «условия труда у таможенников были сложными. Не хватало служебных помещений, отсутствовало необходимое оборудование, инвентарь... но коллектив был прекрасный» [2, с. 24].

Сотрудникам этой таможни не раз приходилось задерживать контрабанду. К примеру, начальник ее почтового отделения Юманова Н. Ф. отмечала, что работала с удовольствием, хотя и приходилось жертвовать личным временем. Так, 13 декабря 1976 г. она, при осуществлении таможенного досмотра багажа гражданина СССР Э. Ф. Семенякина, проявив бдительность и инициативу, обнаружила и задержала большое количество товаров на сумму 2502 руб. [3, л. 12]. В другом случае, сотрудница этого отделения Т. П. Калачик обнаружила в сухофруктах золотое кольцо. Контрабандисты вложили в свежую грушу украшение, а потом ее засушили. Сокрытие обнаружили с помощью щупа – металлического стержня, которым при досмотре прокалывали мягкие и картонные упаковки, а также сыпучие продукты [2, с. 24].

В этот период в таможне работал и Д. П. Иваново, переведенный в 1974 г. из Брестской таможни. За значительные успехи в обнаружении контрабанды его называли легендой таможни. За 33 года своей службы он был награжден 66 грамотами и благодарностями, несколькими медалями и почетными ведомственными нагрудными знаками. Так, однажды также работавший в почтовом отделе Главпочтамта Д. П. Иваново

проверял с коллегой почтовую посылку. Посылка весила 2 кг и содержала несколько свертков сала. Но когда таможенник развернул один из них и перегнул сало, то увидел там спрятанные золотые кольца [4, с. 5].

Нередко сотрудникам таможни приходилось вставать на пути нелегального трафика культурных ценностей. Например, в июне 1977 г. минские таможенники передали в Музей древнебелорусского искусства Института искусствоведения, этнографии Академии наук БССР задержанную редчайшую икону XIV в. «Мать Божья Милосердности Малоритская» [5, с. 24]. В 1980-х гг. сотрудники поста в Минском аэропорту передали в Государственный художественный музей БССР около десятка предметов медного художественного литья культового характера: иконы и складни.

Как вспоминал позднее о буднях минских таможенников бывший первый заместитель председателя ГТК Республики Беларусь Деревяшко А. Н., долгое время работавший инспектором в Минской таможне, «в те времена как говорили? Требуется повысить культуру таможенного контроля! Делалось это через социалистические обязательства, которые принимались каждый год в апреле. Через дополнительную подготовку – экономическую, политическую, а при определенных ситуациях – и специальную. Например, перед Олимпиадой 1980 г. в Москве часть коллектива прошла курсы в Минском технологическом институте, где нас учили способам обнаружения взрывоопасных, пиротехнических и других предметов, которые могут быть использованы злоумышленниками...» [6]. Интересен был случай обнаружения таможенником Негреевым В. контрабанды в международном почтовом отправлении. Этот сотрудник обратил внимание на то, что из США уже который раз шлют бандероли с грунтованным картоном. Таможенник попытался стереть краску на уголке, на котором вдруг проступило изображение, написанное масляной краской. После того как было смыто вододисперсионное покрытие, оказалось, что под ним натюрморт. В тот день было изъято 100 картин [7, с. 26].

Высокие результаты работы минских таможенников основывались на постоянном повышении квалификации. При таможне с 13 сентября 1976 г. действовал Учебно-методический совет для решения вопросов, связанных с организацией и методикой обучения работников, обобщения опыта работы преподавателей и наставников, разработки мероприятий по улучшению организации и повышению качества обучения, а также вопросов профессиональной подготовки, повышения квалификации и экономического образования работников таможни. Первым мероприятием совета стал специальный семинар по изучению текущего законодательства и передового опыта

таможенного контроля, занятия на котором проводил лично начальник таможни. Также сотрудники обучались на двухмесячных курсах работников таможенных учреждений в г. Риге, на котором изучали внешнюю политику СССР и современные международные отношения, основы внешней торговли СССР, основы административного, гражданского, уголовного и трудового права, основы товароведения [8, л. 13]. Многие минские таможенники сдавали письменный и устный экзамены по английскому, немецкому, французскому, португальскому и другим языкам. Экзамены принимала комиссия, в состав которой обязательно входил преподаватель из Минского государственного педагогического института иностранных языков.

В начале 1980-х гг. продолжилось организационно-структурное развитие системы таможенных органов на территории БССР. Так, 26 августа 1982 г. в г. Жлобине в связи с открытием Белорусского металлургического завода (БМЗ) был создан новый таможенный пост Минской таможни. Это был первый внутренний таможенный пост на территории БССР.

Особую важность имело утвержденное 9 сентября 1982 г. Приказом Главного таможенного управления Министерства внешней торговли (ГТУ МВТ) Положение о таможнях и таможенных постах, которое регулировало деятельность местных таможенных учреждений. Определялось, что в их структуру могли входить следующие отделы: оперативные, пассажирские, почтово-грузовые, дипломатических грузов, контроля за грузами иностранных фирм, технических средств контроля, борьбы с контрабандой, оперативно-технического обеспечения и некоторые другие.

Середина 1980-х – 1991 гг. характеризуется кардинальными изменениями в сфере внешнеэкономической деятельности СССР и ее таможенного регулирования, ликвидацией государственной монополии на внешнюю торговлю, модернизацией таможенной службы, что привело к созданию в Советском Союзе самостоятельного таможенного ведомства. Перестройка таможенного дела конца 1980-х гг. была неразрывно связана с общими экономическими реформами в стране, провозглашенными Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в апреле 1985 г., и разработкой совершенно новой стратегии внешнеэкономических связей СССР. Перестройка внешнеэкономических связей была направлена на ликвидацию кризисных явлений в советской экономике, восстановление экономического паритета на международной арене. Начатые процессы потребовали изменений таможенной системы и приведения ее в соответствие с новыми условиями. Ведомственная подчиненность Главного

таможенного управления Министерству внешней торговли не обеспечивала действительно полного государственного контроля за внешнеэкономическими операциями и борьбой с контрабандой. Она была даже одним из источников служебных злоупотреблений и коррупции. Решением Совета Министров СССР от 12 февраля 1986 г. № 222 таможенная служба выведена из подчинения МВТ и на ее базе образовано Главное управление Государственного таможенного контроля (ГУ ГТК СССР) при Совете Министров СССР. 13 июля 1987 г. Советом Министров СССР было утверждено положение о ГУ ГТК, согласно которому оно являлось общесоюзным органом государственного таможенного контроля. Впервые за всю историю СССР таможенная служба выделялась организационно, что значительно подняло ее статус. Для поощрения добросовестных сотрудников в 1988 г. учреждена ведомственная юбилейная медаль «70 лет таможенной службы СССР», а в 1989 г. – знак «Отличник таможенной службы СССР». Этих наград были удостоены и многие минские таможенники.

Но в ходе преобразований проявились и системные проблемы. Из-за непоследовательного проведения реформ новый механизм регулирования внешнеэкономической деятельности на деле практически не действовал, отсутствовала законодательная база для обновленных экономических условий, наблюдалась техническая отсталость. Кроме того, таможенная служба СССР была малочисленной, у нее не хватало людских ресурсов для выполнения новых задач. Таможенное ведомство СССР стояло перед новыми вызовами времени и начало переходить к активному воздействию на экспортно-импортную деятельность внешнеэкономических организаций, прежде всего путем применения экономических методов регулирования. Это повысило его авторитет и роль, восстановило все его функции, утраченные либо ослабленные за предыдущие десятилетия.

Происходившие изменения затронули таможенные учреждения и в союзных республиках. Так, «в целях улучшения управления таможенным делом и усиления контроля за импортными и экспортными грузовыми отправлениями на территории БССР приказом ГУ ГТК при Совете Министров СССР № 44 от 6 апреля 1987 г. Минская таможня была преобразована в Белорусскую территориальную таможню во главе с П. В. Кречко, распространив свою зону деятельности на всю территорию БССР, кроме Гродненской и Брестской областей» [9, л. 1]. Основной задачей минских таможенников стало осуществление таможенного контроля на предприятиях, которые получали и отправляли экспортную продукцию.

К концу 1980-х гг. Белорусская территориальная таможня структурно состояла из транзитно-грузового отдела; пассажирского отдела; почтового отдела; отдела бухгалтерского учета и контроля; отдела по борьбе с контрабандой; отдела технических средств; таможенных постов: Жлобинского, Новополоцкого, «Мачулищи», «Минск-2» [9, л. 1].

Минские таможенники в этот период успешно выполняли служебные задания, решали, как говорили в то время, «задачи по обеспечению защиты политических и экономических интересов СССР». Протоколы оперативных совещаний таможни ярко свидетельствуют о принципиальных дискуссиях, стремлении четко и профессионально организовывать работу по всем направлениям, совершенствовать технологии таможенного контроля, поддерживать инициативу сотрудников. Этой максимальной отдачей от каждого требовал и сам статус Белорусской территориальной таможни.

Очередным шагом глобального реформирования таможенной сферы СССР в сторону большей самостоятельности республиканских таможен стало постановление Совета Министров СССР № 399 от 21 апреля 1990 г. «О мерах по совершенствованию управления таможенным делом в СССР» и приказ ГУ ГТК при Совете Министров № 95 от 27 апреля 1990 г. о создании Белорусского управления ГТК СССР (БУ ГТК СССР), начальником которого был назначен П. В. Кречко. Незадолго до этого постановлением Совета Министров СССР от 24 февраля 1990 г. и приказом ГУ ГТК при Совете Министров СССР ему было впервые в истории Минской таможни присвоено одно из высших таможенных специальных званий – государственного советника таможенной службы III ранга. В связи с созданием БУ ГТК СССР 15 июня 1990 г. приказом № 132 Белорусская территориальная таможня была обратно переименована в Минскую таможню, которую с 23 июля 1990 г. возглавил В. В. Макаревич, опытный руководитель с двадцатилетним стажем работы в Минской таможне. Впоследствии, с 1998 г. по 2001 г., он был председателем ГТК Республики Беларусь.

С этого времени Минская таможня приобрела в республике статус центральной и начала быстро структурно расширяться. Так, 24 октября 1990 г. в ее составе были созданы новые Витебский и Могилевский таможенные посты. 14 марта 1991 г. приказом ГУ ГТК создан и подчинен ей Гомельский таможенный пост. Одновременно с развитием инфраструктуры росла и штатная численность таможни.

1 ноября 1990 г. стало знаменательным в истории не только таможни, но и всех таможенных органов, действовавших на территории БССР. В этот день в целях повышения эффектив-

ности экспортно-импортных операций и автоматизации сбора таможенной информации по внешнеторговому обороту начальник таможни приказал «провести опытную эксплуатацию программного изделия Автоматизированное рабочее место инспектора (АРМ ТИ) с 30 октября 1990 по 31 октября 1991 г.». Ответственным за опытную эксплуатацию был назначен главный инспектор Калабан С. М. [10, л. 88]. Так начиналась информатизация таможенной службы нашей страны. У ее истоков стояла именно Минская таможня.

26 марта 1991 г. Верховный Совет СССР принял новый Таможенный кодекс СССР, проект которого прошел экспертное обсуждение в Брюсселе в Совете таможенного сотрудничества. Этот кодекс принципиально отличался от предыдущего прежде всего значительным децентрализаторским характером, многочисленными экономическими инновациями. Согласно его положениям, в СССР осуществлялась единая таможенная политика на основе принципов федерализма, экономической самостоятельности и взаимной ответственности СССР и республик. В этих совершенно новых условиях руководство Минской таможни и ее сотрудники предпринимали все меры для максимально эффективного выполнения возложенных на них задач. Так, 24 мая 1991 г. в целях дальнейшего совершенствования организации борьбы с контрабандой и нарушениями таможенных правил в таможне был создан Совет по координации борьбы с таможенными правонарушениями во главе с заместителем начальника таможни Москалевым В. Ф. В состав Совета вошли начальники отдела по борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил, почтового отдела, транзитно-грузового отдела, отдела технических средств таможенного контроля, руководители таможенного поста «Минск-2», а также Жлобинского, Новополоцкого, Витебского, Могилевского и Гомельского постов. 19 июня 1991 г. в целях повышения эффективности и расширения практики досмотровых операций на базе транзитно-грузового отдела создана специальная подвижная досмотровая группа (ПДГ) в составе четырех человек. Руководителем ПДГ был назначен старший инспектор Лобач В. В. Для повышения мобильности за группой был закреплен автомобиль [11, л. 73, 85]. Важным событием в реформировании таможенной службы СССР стало проведенное 4–7 июня 1991 г. Первое Всесоюзное совещание таможенных органов. На него впервые съехались представители всех таможен СССР. Участвовал в совещании и начальник Минской таможни Макаревич В. В. В своих выступлениях делегаты воодушевленно говорили о состоянии дел на своих участках работы, о перспективах и проблемах, делились опытом [12]. Как вспоминал П. В. Кречко, в 1980-е гг.

«Минская таможня занимала призовые места (второе, третье) среди более чем 20 таможен СССР. Работали с чистыми руками, холодной головой и горячим сердцем. Белоруссия, условно говоря, была полигоном отработки новых методов контроля» [7, с. 27].

Заключение. Таким образом, с момента своего восстановления в 1975 г. значение Минской

таможни постоянно росло. Экономические реформы в СССР с конца 1980-х гг. способствовали преобразованию ее в крупное и развитое таможенное учреждение. Поэтому к 1991 г. Минская таможня по своей значимости и развитости полностью соответствовала статусу центральной таможни, находящейся в экономическом сердце республики.

Список литературы

1. Острога В. А., Иванов С. В. История Минской региональной таможни. Минск: РИВШ, 2022. 172 с.
2. Стасько Н. С силой оптимизма и небесных покровителей // Таможня и ВЭД. 2011. № 4. С. 22–24.
3. Архив Минской региональной таможни (Архив МРТ). Оп. 2. Д. 13.
4. Сабадаш С. Честь мундира // Таможенный вестник. 1998. № 10–11. С. 3–6.
5. На страже культурного наследия: таможенная служба Беларуси в борьбе с контрабандой культурных ценностей / В. П. Шостак [и др.]. Минск: Белтаможсервис, 2007. 256 с.
6. Свидетель важных перемен // Беларусь сегодня. 24.05.2011. URL: <https://www.sb.by/articles/svidetel-vazhnykh-peremen.html> (дата обращения: 14.05.2020).
7. Азаревич Т. Родная таможенная служба, или История одной фотографии // Таможня и ВЭД. 2011. № 9. С. 24–28.
8. Архив МРТ. Оп. 2. Д. 189.
9. Архив МРТ. Историческая справка к фонду Минской таможни с 18.06.45, Минского таможенного поста с 29.03.1965, Минской таможни с 05.04.87, Минской таможни с 15.06.90, Минской региональной таможни с 27.10. за 1945–1996 гг. Оп. 2.
10. Архив МРТ. Оп. 1. Д. 35.
11. Архив МРТ. Оп. 1. Д. 37.
12. На переломном этапе, 1986–1996 / Ф. В. Кругликов [и др.]. М.: СофтИздат, 2007. 223 с.

References

1. Ostroga V. A., Ivanov S. V. *Istoriya Minskoy regional'noy tamozhni* [History of Minsk regional customs]. Minsk, RIVSh Publ., 2022. 172 p. (In Russian).
2. Stas'ko N. With the power of optimism and heavenly patrons. *Tamozhnyya i VED* [Customs and foreign trade], 2011, no. 4, pp. 22–24 (In Russian).
3. *Arkhiv Minskoy regional'noy tamozhni (A MRT)* [Archive of the Minsk regional customs (A MRC)]. I. 2. F. 13.
4. Sabadash S. Esprit de corps. *Tamozhenny vestnik* [Customs newsletter], 1998, no. 10–11, pp. 3–6 (In Russian).
5. Shostak V. P. *Na strazhe kul'turnogo naslediya: tamozhennaya sluzhba Belarusi v bor'be s kontrabandoy kul'turnykh tsennostey* [Guarding cultural heritage: the customs service of Belarus in the fight against smuggling of cultural property]. Minsk, Beltamozhservis Publ., 2007. 256 p. (In Russian).
6. Witness of important changes. *Belarus' segodnya* [Belarus today], 2011, May 24. Available at: <https://www.sb.by/articles/svidetel-vazhnykh-peremen.html> (accessed 14.05.2020) (In Russian).
7. Azarevich T. Native customs service, or the story of one photograph. *Tamozhnyya i VED* [Customs and foreign trade], 2011, no. 9, pp. 24–28 (In Russian).
8. A MRC. I. 2. F. 189.
9. A MRC. Historical information about the fund of Minsk customs from 06.18.45, Minsk customs post from 29.03.1965, Minsk customs from 15.06.90, Minsk regional customs from 27.10 for 1945–1996. I. 2.
10. A MRC. I. 1. F. 35.
11. A MRC. I. 1. F. 37.
12. Kruglikov F. V. *Na perelomnom etape, 1986–1996* [At a turning point, 1986–1996]. Moscow, SoftIzdat Publ., 2007. 223 p. (In Russian).

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой таможенного дела. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Astroha Victor Alexandrovich – DSc (History), Head of the Department of customs Affairs. Belarusian State University. (4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 15.09.2023

УДК 316.74

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

**СПЕЦИФИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО В МУЗЕЙНЫХ
И МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ КОММЕМОРАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Важнейшей задачей патриотического воспитания является формирование исторической культуры подрастающего поколения. Одной из главных составляющих исторической культуры народа является историческая память. Память о прошлом дает возможность адекватно воспринимать настоящее и планировать будущее. Историческая память и ее осмысление играют большую роль в формировании гражданской солидарности в обществе, в обеспечении связи поколений, в сопричастности граждан государству. Важную роль в формировании исторической памяти играет коммеморация.

В статье показано, какое место занимает коммеморативная практика в политике современного белорусского государства. Установлено, что, несмотря на многосторонность мемориальных практик, в Республике Беларусь основой коммеморации является победа в Великой Отечественной войне, оказавшая наибольшее влияние на историческую память народа.

Ключевые слова: историческая культура, историческая память, политика памяти, коммеморативные практики.

Для цитирования: Крючек П. С. Специфика конструирования прошлого в музейных и монументальных практиках коммеморации в Республике Беларусь // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 82–87. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-15.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

**SPECIFICITY OF CONSTRUCTION OF THE PAST
IN MUSEUM AND MONUMENTAL PRACTICES
OF COMMEMORATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

The most important national patriotic education is the cultural history of the younger generation. One of the main components of the ancient culture of the people is historical memory. The memory of the past makes it possible to adequately perceive the present and plan for the future. Historical memory and its comprehension play a large role in the transition to civil solidarity in society, within the framework of the connection of generations, in the involvement of citizen-states. Commemoration plays an important role during the stay in the history of memory.

The article shows the place of commemorative practice in the politics of the modern Belarusian state. It has been established that despite the versatility of memorial practices in the Republic of Belarus, the basis of commemoration is the victory in the Great Patriotic War, which had the greatest impact on the historical memory of the people.

Keywords: historical culture, historical consciousness, historical memory, collective memory, memorial culture, historical knowledge.

Forcitation: Kruchek P. S. Specificity of construction of the past in museum and monumental practices of commemoration in the Republic of Belarus. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 82–87. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-15 (In Russian).

Введение. Одной из важнейших задач, которые сегодня решает белорусское государство, является сохранение и укрепление суверенитета Республики Беларусь. Одним из направлений в решении этой задачи является комплекс мероприятий по сохранению исторической памяти нашего народа. Отношение к историческому прошлому является важной составляющей национальной идентичности, поскольку в памяти последующих поколений сохраняются дела, со-

вершенные предками, достижения, победы и поражения, составлявшие основу государства, культурного мира, в котором живет и развивается конкретный народ [1].

Важную роль в формировании исторической памяти играет коммеморация. Сегодня термин «коммеморация» прочно вошел в современный научный и политический обиход. В самом широком смысле – это все, что связывает человека с прошлым: различные артефакты, идеи, тексты.

В узком смысле – это увековечение памяти о событиях: мемориалы, монументы, памятники, организация музеев, определение знаменательных дат, праздники, похороны, массовые мероприятия и т. д., – то, что мы называем мемориальной деятельностью.

Можно сказать, что коммеморация – это сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации о прошлом через увековечение определенных лиц и событий. Коммеморативные практики должны способствовать поддержанию в обществе единого отношения к прошлому, в том числе и прошлому «локальному», составляющему неотъемлемую часть общего прошлого народа и государства.

Основная часть. Изучение исторической памяти народа не может обойтись без изучения его музейных и мемориальных комплексов и практик. Всего в Беларуси в Государственный список историко-культурных ценностей включено 5352 объекта. Из них памятники архитектуры – 1809, истории – 1204, искусства – 61, археологии – 2263. Однако простое перечисление объектов исторического наследия, на наш взгляд, является малоинформативным. При изучении исторической памяти, по нашему мнению, необходимо сосредоточиться на наиболее посещаемых музейных и мемориальных объектах, что в большей степени отражает их место в исторической памяти белорусского народа. Так, в Беларуси насчитывается 156 музеев, которые подразделяются на исторические – 43, комплексные – 97, естественные – 2, искусствоведческие – 13 и литературные – 4. Из них, по данным Государственного статистического комитета, к наиболее посещаемым относятся: Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (559,6 тыс. посетителей за год); мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (423,3 тыс. посетителей за год); национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж» (412,4 тыс. посетителей за год); Гомельский дворцово-парковый ансамбль (325 тыс. посетителей за год); Замковый комплекс «Мир» (285 тыс. посетителей за год); Государственный мемориальный комплекс «Хатынь» (235,2 тыс. посетителей за год) [2].

Отчетливо прослеживается тенденция, что в центре мемориальной культуры Беларуси находятся события, связанные с Великой Отечественной войной, что подтверждается и государственной поддержкой данного направления. Так, в 2014 г. было построено новое современное здание, в котором размещается Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (проектирование началось в октябре 2008 г. архитектор – В. В. Крамаренко). Общая площадь музея – более 15 000 м². Экспозиция

располагается на четырех этажах в 11 залах суммарной площадью свыше 4000 м².

В канун празднования 70-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков при участии Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и Президента Российской Федерации В. В. Путина была открыта экспозиция Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

Что же касается монументальных комплексов, открытых во время существования независимой Беларуси, то, пожалуй, наиболее значимыми являются историко-культурный комплекс «Линия Сталина» и мемориальный комплекс «Тростенец», построенный на месте одноименного концентрационного лагеря, действовавшего во время Великой Отечественной войны.

«Линия Сталина» была создана к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне по инициативе благотворительного фонда «Память Афгана» при поддержке Президента Республики Беларусь. Комплекс создавался методом народной стройки, в которой принимали участие государственные и общественные организации. Открыт комплекс 30 июня 2005 г. Он призван не только увековечить грандиозную систему оборонительных укреплений районов «Линия Сталина», но и стать символом героической борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

В годы Второй мировой войны лагерь смерти Тростенец, созданный осенью 1941 г. к юго-востоку от Минска, стал крупнейшим не только в Беларуси, но и на всей оккупированной территории Советского Союза. По количеству жертв фашизма Тростенец стал четвертым после Освенцима, Майданека и Трешлинка.

22 июня 2015 г. на месте концлагеря был открыт мемориальный комплекс «Тростенец» с 10-метровым центральным монументом «Врата памяти», ставшим продолжением небольшого мемориала, построенного здесь в 1960-е гг.

Память о Великой Отечественной войне является, по сути, ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси.

Так, в исследовании НАН Беларуси «Историческая память белорусов: социологический анализ» пишется: «То, что события ВОВ являются ключевыми в историческом сознании белорусов, подтверждают и данные социологических исследований. Наиболее значимым событием в истории белорусского народа населением страны признается победа в Великой Отечественной войне: такого мнения придерживаются 69,1% населения. Как показало исследование 2010 г.,

восприятие этого события связано в современном белорусском обществе, с одной стороны, с чувством гордости и благодарности своим отцам и дедам за этот подвиг, но с другой – это событие до сих пор напоминает о потерях и боли, которые принесла война. Так, почти половина населения Беларуси считает победу в этой войне – великой победой отцов и дедов и испытывает благодарность участникам войны (42,8 и 44,1% соответственно). Почти каждый третий белорус (31,7%) испытывает гордость за страну, победившую фашизм. Около половины (43,6%) считает 9 Мая днем памяти и скорби по всем погибшим и почти каждый пятый (17,7%) испытывает горечь за огромные жертвы, понесенные в войне» [3, с. 22].

Память о войне продолжает активно воспроизводиться в современном белорусском обществе, в котором для ее трансляции активизируются практически все возможные каналы культурной политики. Закрепление исторической памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь проходит, прежде всего, через идеологическую работу. Выражается это в государственных праздниках. Главным из них можно назвать День Победы. 9 Мая является выходным днем, празднования проходят по всей стране.

Также отмечаются иные памятные даты, связанные с событиями Великой Отечественной войны: годовщины ее начала, дни освобождения населенных пунктов, дни памяти жертв, праведников народов мира и т. д. В стране развернута активная социальная рекламная кампания – рекламные щиты размещены во всех крупных городах Беларуси.

Идеологическая работа осуществляется и по линии Белорусского республиканского союза молодежи – организацией проводятся совместные выезды на вышеуказанные мероприятия, торжественные линейки, встречи с живыми свидетелями Великой Отечественной войны, что позволяет передать образ событий прошлого напрямую потомкам, минуя множество преград и информационного шума.

В сфере образования историческая память о Великой Отечественной войне передается в рамках обязательной факультативной дисциплины «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», которая введена во всех учреждениях образования, а также в рамках сопутствующих теме учебных дисциплин, таких как всемирная история, история Беларуси, обществоведение, краеведение и т. д. Картина Великой Отечественной войны, созданная в учебных пособиях Беларуси, включает основные положения традиционной советской концепции с дополнительным освеще-

нием тем репрессий, коллаборационизма, организации экономической и политической жизни оккупированных территорий, вклада белорусского народа в победу. Изложение материала является непротиворечивым и последовательным, что позволяет создать единую целостную картину событий, происходящих в годы войны, приближенную к традиционным представлениям старшего поколения.

Медиакультура также наполнена материалами, отсылающими к истории Великой Отечественной войны. Особо здесь стоит упомянуть постоянные трансляции фильмов о войне на телевидении, тема войны доминирует и в белорусском кинопроизводстве. Значительное число фильмов, снятых за последнее время, затрагивает тематику Великой Отечественной войны. Практически в каждом из них, если речь идет не о непосредственных событиях тех лет, упоминаются их последствия в различном отдалении. Все это насыщает историческую память белорусского народа эмоционально окрашенными образами.

Поэтому совершенно неудивительным выглядит тот факт, что, по результатам социологического исследования, наиболее значимым событием в истории Беларуси, которым можно гордиться, выступает победа в Великой Отечественной войне.

Так, по данным социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2018 г., среди исторических событий, охватывающих различные временные периоды, – образование Полоцкого княжества, создание Великого княжества Литовского, создание Речи Посполитой и других, – почти половина опрошенных считает Победу над фашистской Германией и освобождение Беларуси самым важным событием отечественной истории [4, с. 261].

Но неизбежное отдаление событий Великой Отечественной войны в исторической перспективе способствует изменению восприятия ключевых событий. Если среди опрошенных в возрасте старше 65 лет освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков выделили в качестве важнейшего события истории – 77,8%, то среди 45–64-летних – 61,3%, среди 25–44-летних – 55,5%, а среди 16–24-летних – 50,0%. Для людей старших возрастных групп основу формирования коллективной памяти о Великой Отечественной войне составляют личный опыт и воспоминания родителей, тогда как молодежь формирует свое мнение на основе «культурно институционализированного наследия общества» [4, с. 261].

Несмотря на разные доминирующие источники формирования коллективной памяти о Великой Отечественной войне, представители поколений

имеют достаточно согласованные ассоциации, связанные с участием белорусского народа в этой войне. В качестве наиболее распространенной ассоциации респонденты назвали «Освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» – 56,6%. Также распространенными ассоциациями являются «Массовое партизанское движение» – 39,6% и «Защита Брестской крепости» – 38,2% [4, с. 264]. Следует отметить сходство в восприятии данных событий самым старшим и младшим поколениями. Поколение 25–44-летних по своим оценкам статистически значимо отличается как от старшего, так и от младшего поколений. Возможно, на особенности восприятия событий войны данным поколением повлияла дискуссионность концепций, отражающих военные события, нашедших место в СМИ и художественной литературе в 1990-х гг., когда значительно шире освещались темы репрессий, коллаборационизма, осуждались действия советского руководства на первых этапах войны.

Кроме того, влияние оказали и радикальные концепции, получившие широкое распространение в Украине и странах Прибалтики, в которых транслируемые традиционной советской концепцией ценности заменены на противоположные: победителем в войне провозглашались страны запада, которые спасли человечество от тоталитаризма – «нацизма» и «большевизма»; на СССР и Германию возлагалась равная ответственность за развязывание войны; определяющим фактором победы стали огромные людские ресурсы и климатические условия; действия СССР после 1944 г. трактовались как захватнические; Германия представляется жертвой войны; коллаборанты представляли в качестве национальных героев.

Коллективная память самого молодого поколения формируется при доминирующем воздействии курса истории в учреждениях образования. Это предположение подтверждается данными о наиболее распространенных источниках информации о Великой Отечественной войне среди представителей разных поколений. Так, молодежь до 24 лет основную информацию получает из Интернета – 58,6% и с помощью системы образования – 54,3%. Представители поколения 25–44-летних чаще смотрят документальные и художественные фильмы и получают информацию из Интернета. На более индивидуализированную информацию, окрашенную субъективными переживаниями ветеранов войны, чаще опираются представители старших возрастных групп: среди 45–64-летних – 30,6% и среди тех, кто старше 65 лет – 35,1% [4, с. 263].

Вместе с тем можно говорить о том, что белорусский образ войны отличается от советского и имеет свою специфику, которая начала складываться еще в СССР. Во-первых, отмечается

огромное число жертв среди белорусского народа, который приобретает статус не только народа-героя, но и народа-мученика, чья победа в войне была оплачена трагической ценой (этому способствует постоянное воспроизведение риторической фигуры о каждом четвертом (а иногда и каждом третьем) белорусе, погибшем во время войны). Во-вторых подчеркивается исключительная заслуга именно белорусского народа в победе над фашизмом, при этом особую роль играет так называемый «партизанский миф». Постепенно уходит в тень «советский народ как победитель фашизма», и это почетное место занимает белорусский народ.

Великая Отечественная война предстает в сознании белорусов событием трагическим («первый самый страшный удар в Великой Отечественной войне приняла на себя Беларусь»), неким страшным испытанием, доказывающим право народа не только на существование, но и на всеобщее уважение, и вместе с тем героическим. С другой стороны, у Великой Отечественной войны есть и негативные стороны – тяжелые потери, провальное начало войны, период оккупации и связанная с этим проблема коллаборационизма, да и само партизанское движение в неофициальной памяти, транслируемой преимущественно по семейным каналам в белорусской деревне, характеризуется вполне неоднозначно.

Эти негативные моменты остро обсуждались в СМИ в конце 1980-х – начале 1990-х гг., но в последнее время практически исчезли из публичного дискурса в Беларуси.

Таким образом, память о победе в Великой Отечественной войне среди жителей Беларуси является достаточно целостной и не вызывающей противоречивых интерпретаций. В массовом сознании она представляется тяжелым испытанием для белорусского народа, проявившего в этот период невиданный героизм, что можно расценивать как неопределимый вклад в победу над фашизмом. Эти социальные представления о прошлом полностью согласуются с тем образом войны, который существует в государственном дискурсе.

Стоит отметить, что при этом актуализируется связь прошлого и настоящего. Победа в войне – достояние народа, которым можно и нужно гордиться в наши дни. Это способствует выработке устойчивой положительной эмоциональной связи с национальной общностью, чей вклад в историю столь героичен. Упрощенность и непротиворечивость этого образа лишь способствуют его более успешному закреплению в массовом сознании.

Можно согласиться, что историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной

идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси. При этом акцентирование внимания некоторых авторов на предметности советского мифа о войне не позволяет увидеть, что в современной Беларуси память о войне наполнена иным содержанием: укреплению национальной идентичности способствует концентрация риторики на роли белорусского народа в победе над фашизмом.

Что же касается государственной политики в области исторической памяти, то кроме вышеупомянутого можно выделить Государственные программы «Замки Беларуси» и «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021–2025 гг. [5].

Относительно первой Совет Министров утвердил Государственную программу «Замки Беларуси» на 2012–2018 гг. в январе 2012 г. Программа предусматривала реализацию ряда мероприятий по сохранению историко-культурных ценностей, в первую очередь архитектурных памятников эпохи средневековья и Нового времени.

Реализация Государственной программы «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» будет способствовать сохранению военно-исторического наследия белорусского народа, гражданско-патриотическому воспитанию, выполнению международных соглашений в военно-мемориальной сфере. В истории Беларуси значительная военная составляющая обусловлена географическим положением государства. Наиболее глубокие следы на нашей земле оставили война 1812 г., Первая мировая и Великая Отечественная войны. Память о павших в борьбе за свободу и независимость Беларуси, о жертвах фашизма является важной составляющей самосознания нашего народа. Бережное отношение к такой памяти стало частью национальной идеи. В настоящее время на государственном учете в Республике Беларусь состоит более 7,9 тыс. воинских захоронений и захоронений жертв войн в которых покоится более 2 млн погибших, различных исторических периодов. В паспорта захоронений погибших в ходе войн внесены сведения о 529 тыс. захороненных, более 1 млн 500 тыс. числятся как «неизвестные».

Поисковая работа осложняется отсутствием архивных документов, содержащих персональные данные жертв войн, большим количеством военнослужащих Красной Армии, пропавших без вести во время оборонительных боев лета 1941 г., и масштабными работами по укрупнению воинских захоронений, проводившимися в послевоенные годы, в ходе которых было утрачено большое количество персональных данных о погибших.

В 2015–2019 гг. местными исполнительными и распорядительными органами на ремонт и благоустройство захоронений погибших в ходе

войн из средств местных бюджетов и иных источников было выделено более 20 млн рублей. Большое количество индивидуальных захоронений погибших в ходе войн, в первую очередь расположенных на общественных кладбищах, по внешнему виду не отличаются от окружающих их захоронений, малоинформативны и не отвечают основной задаче – формированию уважительного отношения к погибшим при защите Отечества, их мужеству и героизму. Приведение таких захоронений в надлежащее состояние требует значительных затрат финансовых средств.

Для расчета потребности в финансовых средствах на поддержание захоронений погибших в ходе войн в надлежащем состоянии в среднесрочной перспективе в 2020 г. проведена их оценка по трем категориям:

1-я категория – захоронения, не требующие значительных вложений финансовых средств;

2-я категория – захоронения, требующие текущего ремонта;

3-я категория – захоронения, требующие капитального ремонта.

По оценкам местных исполнительных и распорядительных органов, минимальная потребность в финансовых средствах на поддержание захоронений погибших в ходе войн в надлежащем состоянии до 2025 г. составляет более 8,7 млн руб.

Одним из важнейших направлений деятельности в сфере увековечения погибших при защите Отечества является поисковая работа, основанная на изучении архивных документов, связанных с безвозвратными потерями военнослужащих периодов Первой мировой и Великой Отечественной войн, переносом воинских захоронений в послевоенные годы, проведении полевых поисковых работ.

По результатам архивно-исследовательских работ, проводившихся в 2015–2019 гг., установлены и внесены в автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь», а также в паспорта воинских захоронений данные о 40 тыс. погибших, ранее считавшихся пропавшими без вести.

В соответствии со сводным целевым показателем за 5 лет реализации Государственной программы будут установлены и увековечены в паспортах захоронений погибших в ходе войн и в автоматизированном банке данных «Книга Памяти Республики Беларусь» сведения о более 32 тыс. погибших.

С 2015 по 2019 г. полевые поисковые работы проведены на 430 поисковых объектах. По результатам проведения таких работ обнаружены и перезахоронены останки 13 тыс. погибших в ходе войн. По сопутствующим находкам и другим документам удалось установить сведения о более 1 тыс. погибших.

В соответствии с целевыми показателями Государственной программы до 2025 г. по результатам архивно-исследовательских работ будет выявлено и включено в планы проведения полевых поисковых работ 400 неучтенных захоронений погибших в ходе войн. По результатам полевых поисковых работ предполагается обнаружить и торжественно захоронить останки 6 тыс. погибших.

В Государственную программу введены новые целевые показатели, связанные с оценкой качественного состояния захоронений погибших в ходе войн и предоставлением свободного доступа к информации о погибших посредством размещения в глобальной компьютерной сети Интернет районных автоматизированных банков данных «Книга памяти».

В рамках Государственной программы реализуется ряд международных соглашений в военно-мемориальной сфере, в первую очередь Соглашение об увековечении памяти о мужестве и

героизме народов государств – участников Содружества Независимых Государств в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., подписанное в г. Душанбе 3 сентября 2011 г.

Заключение. Можно констатировать что, несмотря на многосторонность мемориальных практик, в Республике Беларусь основой коммеморации является победа в Великой Отечественной войне, оказавшая наибольшее влияние на историческую память народа. Ее значимость не ослабевает от поколения к поколению белорусов, хотя с момента ее окончания прошло уже почти 80 лет. В целом Великая Отечественная война стала одним из факторов формирования общенационального единства и примирения в современной Беларуси. Любые негативные действия по отношению к памятникам Великой Отечественной войны интерпретируются на государственном уровне как угроза идентичности современного белорусского общества.

Список литературы

1. Halbwachs M. The collective memory. New York: Harper & Row Colophon Books, 1980. 182 p.
2. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: стат. сб. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/4dd/4dddffa122ec4e81a51daa723c5a2efb6.pdf> (дата обращения: 29.09. 2021).
3. Денисова Н. Ф., Бровчук Н. М. Историческая память белорусов: социологический анализ // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. 2018. Т. 63, № 1. С. 21–32.
4. Сосновская Н. А. Историческая память о великой отечественной войне: поколенческий анализ // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г. Минск: ООО «СУГАРТ», 2019. С. 261–265.
5. Увековечение памяти о погибших при защите Отечества. Государственная программа на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Рес. Беларусь № 117 от 26 февраля 2021 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 04.03.2021, 5/48842.

References

1. Halbwachs M. The collective memory. New York, Harper & Row Colophon Books Publ., 1980. 182 p.
2. Tourism and tourist resources in the Republic of Belarus. Statistical collection. Available at: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/4dd/4dddffa122ec4e81a51daa723c5a2efb6.pdf> (accessed 29.08. 2023) (In Russian).
3. Denisova N. F., Brovchuk N. M. Historical memory of Belarusians: a sociological analysis *Vetsi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi* [News of the National Academy of Sciences of Belarus. Gray areas of humanities], 2018, vol. 63, no. 1, pp. 21–32 (In Russian).
4. Sosnovskaya N. A. Historical memory of the Great Patriotic War: generational analysis *Istoricheskaya pamyat' o Belarusi kak faktor konsolidatsii obshchestva: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Historical memory of Belarus as a factor in the consolidation of society: materials of the International Scientific and Practical Conference]. Minsk, 2019, pp. 261–265 (In Russian).
5. Perpetuating the memory of those who died defending the Fatherland. State program for 2021–2025. *Natsional'nyy reyestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 04.03.2021, 5/48842 (In Russian).

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian state Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 15.09.2023

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 101.1

А. А. Потоцкий

Белорусский государственный технологический университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ЕГО КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье осуществляется анализ художественного текста как сферы самопорождающей продуктивности и производительности смысла, определяются его характеристики, а также исследуется его коммуникативный потенциал.

Установлено, что неповторимая актуальность художественного текста состоит в том, что он безгранично открыт для новых интеграций, нового коммуникативного опыта. Для текста характерна потенциальная множественность, незавершенность значений, не поддающаяся окончательному определению и иерархизации как со стороны автора, так и со стороны реципиента. В контексте данного подхода художественный текст не рассматривается с точки зрения презентации в нем исходного объективного наличного смысла. Подобная установка позволяет исследовать художественный текст как измерение открытости, несводимой к единому прочтению.

Утверждается, что художественный текст всегда есть нечто множественное и многозначное, и не столько вследствие его формы или содержания, сколько благодаря структуре самой интерпретации, сущность которой заключается в том, что первоначальное смысловое определение подлежащего пониманию текста обогащается или замещается другим смысловым определением, осуществляемым в пределах более разнообразной или просто иной системы представлений.

В результате художественный текст предстает не как нечто статическое и завершенное, а как неустойчивое и находящееся в процессе постоянной структурализации образование, что автоматически предполагает отказ интерпретатора от монологического принципа в пользу полифонизма, множественности точек зрения на разветвляющееся повествование.

Ключевые слова: художественный текст, традиция, интерпретация, коммуникация, культура.

Для цитирования: Потоцкий А. А. Художественный текст как явление культуры и его коммуникативный потенциал // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 88–91. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-16.

A. A. Pototski

Belarusian State Technological University

LITERARY TEXT AS A CULTURAL PHENOMENON AND ITS COMMUNICATIVE POTENTIAL

The article analyzes the literary text as a sphere of self-generated productivity and productivity of meaning, defines its specific characteristics, and explores the communicative potential of the literary text.

It has been established that the unique relevance of a literary text lies in the fact that it is infinitely open to new integrations, to new communicative experience. The text is characterized by potential multiplicity, incompleteness of meanings, which is not amenable to final definition and hierarchization both on the part of the author and the recipient. In the context of this approach, the literary text is not considered from the point of view of the presentation of the original objective meaning in it. Such an attitude allows us to explore a literary text as a dimension of openness that cannot be reduced to a single reading.

It is argued that a literary text is always something multiple and ambiguous, and not so much due to its form or content, but due to the structure of the interpretation itself, the essence of which lies in the fact that the original semantic definition of the text to be understood is enriched or replaced by another semantic definition carried out within more diverse or just a different system of representations.

As a result, the literary text appears not as something that has become and completed, but as an unstable formation that is in the process of constant structuralization, which automatically implies the

interpreter's rejection of the monologue principle in favor of polyphonism, a plurality of points of view on the unfolding narrative.

Keywords: literary text, tradition, interpretation, communication, culture.

For citation: Pototski A. A. Literary text as a cultural phenomenon and its communicative potential. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 88–91. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-16 (In Russian).

Введение. Каждый новый этап в развитии культуры, естественно, стремится идентифицировать себя, в том числе через интерпретацию, понимание художественного наследия. История демонстрирует немало примеров, когда процесс самопознания эпох, ощутивших необычность и новизну своих социальных состояний, заставлял их активно искать союзников в истории – препарировать классические художественные творения как близкие по духу. Наиболее очевидным образом это проявляется в переломные моменты развития культуры, когда распадаются внутрикультурные связи между основными, «предельными» для каждой эпохи понятиями, которые в совокупности своей определяют «фоновое», «контекстное» знание во всех его многоликих и трудноуловимых формах и составляют основу мировоззренческих схем, канонов смыслообразования, характеризующих ту или иную эпоху. Поэтому одной из проблем, с которой сталкивается любая культурно-историческая эпоха, любой тип общества, является проблема понимания, актуализации художественного наследия. Причина того, что каждая новая эпоха стремится заново прочитывать и интерпретировать классические произведения, скрывается в потребности измерить степень устойчивости и преемственности принятых в этой культуре собственных ценностей. Кроме того, в потребности понимания художественного наследия зачастую заключена попытка восполнить дефицит собственной духовной жизни за счет актуализации ценностей и мировоззренческих ориентиров, выражаемых классическими произведениями.

Произведения прошедших эпох необходимы именно потому, что в них мы находим ответы на новые и новые вопросы нашего времени. Как отмечал Гегель, дух трудится над предметами лишь до тех пор, пока в них есть еще некая тайна, нечто нераскрывшееся. В этом и заключается причина того, что произведение искусства знает осуществление, но не знает осуществленного: оно ответит на те вопросы, которые ему зададут. На этом обстоятельстве концентрировали внимание множество философов и культурологов, например, Р. Ингарден, А. Потебня, М. Бахтин, Ю. Лотман.

Так, Р. Ингарден отмечал, что в процессе своей жизни художественное произведение всегда создается и никогда не бывает созданным раз и навсегда. Одно из главных положений теории

А. Потебни состоит в том, что созидание художественного образа, помимо основного значения, включает в себя иное и нечто большее, чем в нем непосредственно заключено. Для него было несомненно, что буквального, точного понимания художественного произведения нет и быть не может, так как язык искусства, есть средство не выражать готовую мысль, а создавать ее. Слово служит средством сообщения мысли лишь постольку, поскольку в слушающем оно производит процесс создания мысли, следовательно, и поэтичность образа тем больше, чем в большей степени он располагает читателя или зрителя к сотворчеству.

Установлению диалога между произведением и культурно-исторической эпохой, социумом способствует сам художественный язык, многозначный по своей природе. Система взаимосвязей выразительных средств любого произведения подобна живому организму: в разных социокультурных условиях она способна актуализировать те или иные стороны и смысловые грани. При этом жизнь произведения искусства как художественного текста всегда связана с тем, что на определенном этапе обнаруживаются лишь определенные стороны художественных феноменов, которые соответствуют тем или иным ориентациям общества.

В «первозданном» виде произведение не может бытовать на новой почве, ведь в новой культурно-исторической ситуации оно встречается с таким пониманием, направленность которого определяется прикрепленностью человека к социокультурным реалиям той или иной эпохи. В процессе понимания произведения во многом реализуется потребность человека и общества в самоидентификации, стремление среди множества художественных практик найти максимально созвучные собственному внутреннему миру, обнаружить такую художественную «территорию», которая подтверждает значимость для человека того или иного типа миропонимания. По этой причине процесс понимания всегда выступает как обменный процесс, отличающийся движением с двух сторон: со стороны самого произведения и со стороны того «горизонта понимания», который присущ интерпретатору. При этом центрирующие мифологемы каждой эпохи являются причиной того, что неизменный «канонический» характер понимания художественных текстов оказывается, в принципе, невозможным. Ни одно

художественное произведение на протяжении своей исторической эволюции не остается тождественным самому себе. Поэтому ни одна отдельно взятая, претендующая на внеисторичность интерпретация, безусловно, не может быть признана канонической – время открывает новые возможности художественного текста. И если текст продолжает «работать», актуализироваться в ином художественном сознании, значит, зерна содержащихся в нем смыслов продолжают прорасти. Это еще раз доказывает, что смысл художественного произведения никогда не исчерпывается тем замыслом, который вкладывал в него автор.

Художественное произведение – это форма бытия и осуществления искусства, система художественных образов, составляющих микромир, в котором живет макромир, это модель личности и окружающей ее действительности, модель отражения природы, жизни духа, космоса, исторического развития. Произведение лично и социально, сочетает в себе предельное и реальное, существует в единстве смысла и ценности. Произведение существует одновременно, как нечто материальное и в то же время духовное – оно есть материальный предмет, способный в системе культуры выявить свои духовные и художественные качества. По отношению к миру духовному – искусство есть некий физический мир духовного. По отношению к миру физическому – искусство есть некий духовный мир физического.

Произведение искусства не только целостный, но и живой организм. Сотворенное однажды, произведение переживает своего создателя, осуществляя связь времен и поколений, продолжая излучать творческую энергию художника. И вместе с тем действительность художественного произведения и его коммуникативный потенциал не остаются в границах своего первоначального исторического горизонта. Неповторимая актуальность художественного произведения как текста состоит в том, что оно безгранично открыто для новых интеграций, нового коммуникативного опыта.

Искусство реализуется в создании особых текстов, которые являются личностными смысловыми конструктами разных культур, представляющими собой разновидность особой предельной интерпретации. Причем интерпретационное поле искусства носит безграничный во времени характер, что определяет вечность художественных текстов, которые независимо от времени интерпретации могут приобретать свой новый смысл и значение для современника, переходя от эпохи к эпохе. «Предмет искусства – выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчер-

паемо в своем смысле и значении» [1, с. 8]. Именно с позиции самого искусства, его природы и сущности особенно важен этот вечно привносимый и вечно интерпретируемый смысл, который каждый раз заново создает художественное творение.

Художественный текст – это не просто связующее звено между адресантом и адресатом, он обладает уникальным качеством – продуктивностью или свойством порождать новые смыслы. Так, большинство теоретиков постструктурализма отмечают самопроизвольный момент, когда текст начинает отличаться от самого себя, выходя за пределы собственной системы ценностей, системы смысла. Буквально текст начинает восприниматься как живое и подвижное образование: он активно воздействует на сознание интерпретатора, преобразует его и, в свою очередь, сам трансформируется под влиянием усиления реципиента. При этом смыслопорождение предполагает наличие в своей процессуальности множество вариантов. Как пишет Р. Барт, «означающие могут неограниченно играть, производя несколько смыслов с помощью одного и того же слова» [2, с. 28].

С точки зрения постструктурализма, именно в ориентации текста на интерпретатора, а не в его отнесенности к определенному автору и реализуется возникновение смысла. В этом контексте фигура интерпретатора конституируется как фигура не потребителя, а производителя художественного текста. При этом задача интерпретатора, по мнению постструктуралистов, заключается не в том, чтобы найти один из возможных смыслов текста, раскрыть скрывающуюся за текстом «тайну», обнаружив авторский замысел. Скорее, ему нужно вообразить, пережить его множественность и открытость для интерпретации.

Таким образом, на смену классическому требованию определенности значения в современной художественной практике приходит принципиальная открытость значения, детерминированная неисчерпаемой множественностью его культурных интерпретаций. Место произведения в художественном творчестве современных авторов все чаще занимает конструкция как система проекций, порождающая многочисленные ассоциации у читателя-реципиента, готового к восприятию текста не как одномерного «словаря», а как нелинейной «энциклопедии» (У. Эко), статьи которой перекликаются друг с другом, выводя далеко за пределы интерпретируемого текста. Художественный текст предстает одновременно и как «нарратив», то есть как рассказ, который, будучи артикулированным в качестве текста, в свою очередь может быть подвергнут деконструкции, как рассказ, который всегда может быть изложен по-иному.

Неслучайно в постструктуралистской традиции смысл художественного текста интерпретируется как сугубо процессуальный феномен. Так, в частности, интерпретация текста выступает в концепции Ж. Делеза как «экспериментация», не претендующая на завершенность или истинность. По Делезу, «смысл производится, он никогда не является изначальным» [3, с. 158]. По Барту, семантическое бытие текста представляет собой процесс бесконечного становления. В свете данных установок художественный текст предстает не просто некой совокупностью знаков, наделенной смыслом, который можно восстановить, а пространством, где, по словам Барта, прочерчены линии смысловых сдвигов.

Важнейшим выводом из обозначенных установок является идея о порождении смысла художественного текста в акте интерпретации, в контексте которой формулируется положение об интерпретаторе текста как источнике его смысла [4]. Следует также отметить, что в постструктуралистской трактовке литературный текст связывается не только с соответствующей ему литературной традицией, но и с историей культуры. Об этом, в частности, свидетельствует теория «социального текста», рассматривающая литературный текст в контексте общекультурного дискурса, включая религиозные, политические и экономические дискурсы.

Для интерпретатора художественного текста все это предполагает обязательную подключенность к мировой художественной культуре, знакомство с различными традициями, что должно

обеспечить ему так называемую «интертекстуальную компетенцию», позволяющую узнавать цитаты не только в смысле формальной констатации их наличия, но и в смысле содержательной их идентификации. Для формирования ассоциаций, без которых тот или иной текст невозможно понять, может понадобиться актуализация любого, даже самого неожиданного набора культурных кодов. По словам У. Эко, современный читатель должен быть носителем своего рода «интертекстуальной энциклопедии», так как он имеет дело с текстами, которые включают в себя цитаты из других текстов.

Заключение. Современная художественная культура задает ряд семантико-аксиологических векторов мышления, находясь внутри которых практически невозможно задать жесткую дихотомию субъекта и объекта. Сегодня можно констатировать, что в художественной практике современности фигура автора растворяется в пространстве многочисленных интерпретативных практик, в сознании воспринимающего субъекта. На смену парадигме понимания художественного текста приходит парадигма его «означивания».

Трактовка художественного текста не только как оригинального феномена, но и как «конструкций» из различных вариантов его интерпретации задает особый статус процедур его создания и понимания, – и то, и другое имеет смысл креативной деятельности, направленной на созидание и обогащение смыслового содержания художественного текста.

Список литературы

1. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
3. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 392 с.
4. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск: Современный литератор, 1999. 832 с.

References

1. Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 368 p. (In Russian).
2. Bart R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poyetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1994. 616 p. (In Russian).
3. Deleuze J. *Logika smysla* [Logic of meaning]. Moscow, Akademiya Publ., 1995. 392 p. (In Russian).
4. Derrida J. *O pochtovoy otkrytke ot Sokrata do Freyda i ne tol'ko* [About the postcard from Socrates to Freud and beyond]. Minsk, Sowremennyy literator Publ., 1999. 832 p. (In Russian).

Информация об авторе

Потоцкий Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: potoc78@mail.ru

Information about the author

Pototski Aliaksei Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: potoc78@mail.ru

Поступила 12.09.2023

УДК 116:304.2

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ КОЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА
В ФОРМИРОВАНИИ УСЛОВИЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА**

В статье развивается представление о содержании и структуре коэволюционного механизма в экосистеме и обществе, о возможностях и способах регулирования соотношения коэволюционных процессов для обеспечения более безопасного сосуществования общества и природы (биосферы). Анализ структуры коэволюционного механизма, коэволюционных тенденций и их соотношения, обусловленный необходимостью их регулирования для преодоления разрушительных явлений действия стихийной коэволюции, проводится на фоне сохранения способности социальных систем к саморазвитию. Все эти компоненты разрабатываемого коэволюционного подхода относятся к его приоритетным ценностям, поскольку их использование позволяет показать, каким образом социальные и, в некоторой степени, экологические системы способны сохранять свойство самовоспроизводства. В рамках коэволюционного подхода выявлены множественность направлений и разнообразие степеней взаимозависимости частей в экологических и социальных системах. Определено содержание и обоснована необходимость регулирования соотношения, взаимозависимости процессов прогресса и регресса в обществе. Раскрыто коррелятивное соотношение разнообразия способов построения отношений и общих задач сотрудничества в социальном сообществе. Выявлена взаимозависимость противоположных тенденций и неустрашимость единства разнонаправленных внутренних процессов духовной жизни в индивидуальном саморазвитии человека.

Ключевые слова: приоритет, коэволюция, общество, экосистема, безопасность.

Для цитирования: Бурак П. М. Ценностные приоритеты коэволюционного подхода в формировании условий безопасности общества // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 92–97. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-17.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**VALUE PRIORITIES OF THE CO-EVOLUTIONARY APPROACH
IN THE FORMATION OF SOCIAL SECURITY CONDITIONS**

The article develops an idea of the content and structure of the co-evolutionary mechanism in the ecosystem and society, the possibilities and ways of regulating the relationship of co-evolutionary processes to ensure safer coexistence of society and nature (biosphere). Analysis of the structure of the co-evolutionary mechanism, co-evolutionary tendencies and their relationship, due to the need to regulate them to overcome the destructive phenomena of spontaneous co-evolution, is carried out against the background of maintaining the ability of social systems to self-development. All these details of the developed co-evolutionary approach relate to the priority values of this approach, since their use allows us to show how social and, to some extent, ecological systems are able to maintain the property of self-reproduction. Within the framework of the co-evolutionary approach, a multiplicity of directions and a variety of degrees of interdependence of parts in ecological and social systems have been identified. Within the framework of the co-evolutionary approach, a multiplicity of directions and a variety of degrees of interdependence of parts in ecological and social systems have been identified. The content is identified and the need to regulate the relationship and interdependence of the processes of progress and regression in society is substantiated. The correlative relationship between the diversity of ways to build relationships and the general tasks of cooperation in a social community is revealed. The interdependence of opposing tendencies and the inevitability of the unity of multidirectional internal processes of spiritual life in a person's individual self-development have been revealed.

Keywords: priority, coevolution, society, ecosystems, security.

For citation: Burak P. M. Value priorities of the co-evolutionary approach in the formation of social security conditions. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, no. 2 (275), pp. 92–97.* DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-17 (In Russian).

Введение. Тема обусловлена актуальной потребностью современного общества в формировании и реализации интеллектуального потенциала культуры регулируемой коэволюции во все более масштабном и углубляющемся взаимодействии общества и природы, вызывающего глобальное разрушение репродуктивных механизмов биосферы, транслирующееся в глобальный экологический кризис, антропологический кризис, кризис культуры, экономический и другие кризисы и вызовы. Одной из причин обостряющейся нестабильности в современном обществе является отсутствие должного регулирования коэволюционных процессов в обществе и социоприродном взаимодействии. Стихийная, нерегулируемая коэволюция сама превращается в вызов безопасности общества. Поэтому представленная статья посвящена разработке проблемы регулируемой коэволюции.

Основная часть. *Множественность направлений и разнообразие степеней взаимозависимости частей в экологических и социальных системах.* Остановимся на предварительных замечаниях. В экологических системах множественность направлений и разнообразие степеней взаимозависимости во взаимодействии популяций различных видов есть фактор проявления их открытости в различных отношениях. В этой связи поддерживается соответствующая неравновесность как условие сохранения способности саморазвития экосистемы в качестве упреждающего или специфического свойства готовности (преадаптации) к возможным в будущем взаимообусловленным изменениям внутренней и внешней среды. Поэтому множественность направлений и разнообразие степеней взаимозависимости во взаимодействии популяций различных видов являются свидетельством не только многоканальности процессов коэволюции в экосистеме, как способной к саморазвитию, но и выявляет тенденции становления коэволюционного механизма, роль разнообразных способов коэволюции, обуславливающих возможности самосохранения системы в настоящем и будущем. Множественность вариантов диалектических противоречий во взаимодействии различных популяций (видов организмов), направленных в итоге на воспроизводство экосистемы, свидетельствует о преадаптивной роли многоканальности коэволюции и объективно закономерном характере расширения пространства ее действия, а также о неравномерности одновременно реализующихся степеней полноты ее становления и незавершенности в какой-либо одной форме. Например, коэволюция не может объективно редуцироваться и осуществляться только лишь в форме взаимовыгодного сотрудничества. Такая форма действительно существует в живой природе и обществе в соответствии с их природой, особенностями биологических и социальных систем. Она может быть

приоритетной, отвечающей доминирующим культурным ценностям того или иного общества, отражать его идеалы в стремлении к справедливому мироустройству, а также соответствовать стремлениям к выстраиванию внутрисоциальных и социоприродных отношений. Вместе с тем взаимовыгодное сотрудничество может осознаваться как таковое по своему содержанию, направленности, результатам и на деле быть таковым только лишь в сопоставлении с конкретным опытом оценки множества других направлений развития социальных, социоприродных и собственно природных взаимодействий в современном мире. В нашем искреннем желании «победить» экологический кризис мы не можем, вопреки объективной множественности различных способов взаимосвязей общества и природы, полностью свести эту множественность различных проявлений коэволюции к одному, наиболее безопасному варианту. Для этого нам пришлось бы задаться целью остановить коэволюцию не только как социальное, социотехническое, социоприродное, но и сугубо природное явление. Это было бы другой, абсолютно противоположной крайностью существующей ныне природоразрушительной тенденции человеческой экспансии. Иными словами, надо было бы начать тотальную войну против естественной природы и человечества, чтобы «зачистить» коэволюцию от элиминирующих тенденций неизбежного окончания существования любых природных и социальных систем. Вопрос действительно сложный. Не ожидать же нам бездейственно завершения нашей истории?! Необходима возвратная актуализация в выстраивании интегративной методологии в единстве диалектики, системного подхода, синергетики, принципа глобального эволюционизма и других приемов познания. Коэволюция, как и всякое другое явление в нашем мире, принципиально диалектично и «диалогично», то есть мысленно регулируемо в отношении организующих и дезорганизующих ее тенденций. Человечество научилось из природных материалов организовано создавать необычайно сложные изделия для поддержания жизнеспособности общества. В настоящее время существует неотложная и очень сложная глобальная проблема регулирования коэволюции общества и природы с помощью техники. Для этого нужна новая техника и научное «проникновение» в сложную структуру механизмов коэволюции, а также формирование организационных структур, занимающихся проблемами ее изучения и регулирования. Приходит осознание, что становление ноосферы – социоприродной метасистемы как раз объективно и обусловлено необходимостью регулирования соотношения различных тенденций коэволюции в современном нестабильном мире для достижения более безопасного его состояния.

Обнаруживается важнейшая закономерность структуры коэволюции. Она проявляется в неравновесности соотношения, неравнозначности различных тенденций коэволюции в процессах взаимозависимого развития биологических и социальных систем. Коэволюция как механизм взаимозависимого, взаимообусловленного развития различных частей одной и той же системы в своей структуре, в своих направлениях и формах отражает, воспроизводит и сохраняет принцип неравновесности, требуемый и реализуемый в способности саморазвития систем живой природы и общества.

Предварительные общие констатации о характере коэволюции в различных вариантах взаимосвязей частей биологических и социальных систем оказываются отражением в определенной степени реального взаимодействия популяций различных видов организмов, населяющих экосистему, что охарактеризовал в своей книге Ю. Одум [1, с. 273–280]. Он выделил девять типов «важных взаимодействий» популяций в экосистеме, к которым относятся: нейтрализм; взаимное конкурентное подавление; конкуренция из-за ресурсов; аменсализм; паразитизм; хищничество; комменсализм; протокооперация; мутуализм [1, с. 273–274]. Ю. Одум подчеркивает важное онтологическое обстоятельство присутствия во взаимодействии одной и той же пары популяций различных направлений коэволюции. Тип взаимодействия в паре видов может изменяться в зависимости от изменения внешних условий или в связи с прохождением стадий жизненных циклов этих пар. Отношения паразитизма могут сменяться комменсализмом, а затем становятся нейтральными. Этот факт по своему эволюционно адаптивному значению, как представляется, выходит далеко за пределы непосредственной функции сохранения жизнеспособности популяций и продуктивной открытости экосистемы. Он указывает на то, что сохранение биологических систем проявляется в регуляции соотношения различных коэволюционных тенденций в достижении ими более безопасных условий существования. Становится понятно, что достижение обществом более безопасной стратегии саморазвития и его взаимодействия с биосферой, сохранение ее репродуктивных механизмов также связаны с раскрытием сложных механизмов социальной, социотехнической, природной (биосферной) и социотехноприродной коэволюции и регулированием соотношения важнейших тенденций их взаимозависимых изменений. Приведенные замечания дополнительно свидетельствуют о наличии в живой природе важных для благополучия человека существенных особенностей коэволюции и необходимости их основательного познания. Автоматического переноса таких знаний в теорию и практику ре-

гуляции социальных и социотехнобиосферных отношений быть, конечно, не должно, однако поиск общих закономерностей саморегуляции коэволюционных механизмов для перспективного сохранения общества и биосферы, опосредованных искусственной природой – техносферой, также не должен исключать из актуальной повестки развитие трансдисциплинарного знания о единстве существования социальных, технических и биологических систем. Подчеркнем важнейшие закономерности механизма коэволюции исходя из особенностей типов межпопуляционных взаимодействий в экосистеме (по Ю. Одуму). Во-первых, во всех типах взаимодействия популяций сущность коэволюции «распределяется», дифференцируется в разных степенях проявления их свойства взаимозависимости. Биологические системы, живая природа как бы разделяют существенные свойства коэволюции и «прячут» разделенные ее части по отдельным, напрямую не связанным типам взаимодействий в парах популяций. Получается, как подчеркивал еще Гераклит: «природа любит прятаться», хотя и не всегда она это осуществляет [2, с. 192]. Вероятно, трудно было бы понять логику природы по разделению сущности коэволюции на различные направления типов взаимодействия, если бы не был известен общий, объединяющий их результат – сохранение открытой целостной экосистемы, способной к саморазвитию. В этом результате и проявляется разделенная и спрятанная по частям сущность коэволюции в разных по направленности типах взаимодействий. В их направлениях есть не только тенденции экологического объединения, но и экологического разобщения [1, с. 277]. Следует ли из этого факта вывод, что воспроизводство экосистем включает диалектически противоположные коэволюционные тенденции интеграции и дезинтеграции? Если бы это было не так, то экосистемы не обладали бы способностью саморазвития, как и социальные системы. Об этом также вполне определенно высказался Гераклит: «Природа стремится к противоположностям и из них, а не из подобного создает согласие» [2, с. 200]. Последние утверждения «падают» в суть одного из важнейших принципов необходимости регулирования соотношения тенденций коэволюции, ведущих к разрушению связей, разъединению частей, распаду целостности саморазвивающейся системы и, наоборот, к их обновлению, упорядочению и формированию целостной устойчивой структуры. В биологических системах нетронутой человеком природы такие процессы происходят коэволюционно стихийно. В обществе соотношение тенденций интеграции и разъединения, обуславливающих его будущее, должно регулироваться компетентной деятельностью специально

подготовленных людей, умеющих просчитывать возможные сценарии и результаты такого рода регуляции для поддержания социальной стабильности на основе реализации стратегии доминирования единства общества и нивелирования разрушительных возможностей разобщения. Именно такой вариант саморазвития общества реализуется в Республике Беларусь.

Во-вторых, еще один важный вывод, вытекающий из анализа коэволюционного интегрирования популяций с различными типами взаимодействия в единую экосистему, заключается в том, что сохранение коэволюционной основы (взаимозависимости) их сосуществования в различных степенях представленности этой основы в парах взаимодействующих популяций вполне определенно выражается в известном принципе, характеризующем системную организованность биологической и социальной реальности. Итак, одно во всем означает, что во всех типах взаимодействий популяций в разных степенях проявления присутствует и воспроизводится их взаимозависимость, а все популяции вместе воспроизводят сложный коэволюционный механизм или коэволюционную основу существования и саморазвития одной и той же экологической системы, частями которой они являются. В данной работе использована лишь небольшая часть труда Ю. Одума с тем, чтобы определенным образом раскрыть многоканальный механизм коэволюции на уровне различных типов взаимодействия популяций в структуре экосистемы, к которой они относятся, и одновременно обозначить коэволюционный механизм ее самовоспроизводства. Полученные теоретические положения строятся на обосновании общезначимости познания сложного механизма коэволюции и необходимости выработки подхода к регуляции соотношения тенденций коэволюции в целях поиска путей более безопасного взаимодействия общества и природы, опосредуемого техносферогенезом.

Регулирование взаимозависимости процессов прогресса и регресса в обществе. Поведение человека в обществе складывается как результат и условие синтеза внешней общей действительности и внутренней необходимости выстраивания различными способами условий и взаимозависимостей отдельных индивидов, групп людей, коллективов, организаций, населения страны, сохраняющих приемлемые направления социальных отношений, несмотря на их диалектические противоречия и разнообразие форм конкретных воздействий социальных субъектов друг на друга. В сложной системе отношений, обуславливающих и сохраняющих динамическую взаимозависимость множества социальных субъектов с разнообразием их интересов и целостность их сообщества (общества), принципиальное значение для прием-

лемой их безопасности имеют три обстоятельства. Во-первых, разнообразие интересов и множество форм воздействия социальных субъектов друг на друга должны консолидироваться общей волей их всех, интегрироваться на основе нравственных гуманистических принципов и законодательных правил совместного существования. Вся эта необходимая нормативная жизнь больших масс людей должна своевременно организационно направляться регулируемыми, выражающими общую волю по сохранению безопасности избранными органами и государственными институтами на достижение достаточной, разнообразной, продуктивной открытости общества как целостной, саморазвивающейся системы, упреждающим образом готовой решать существующие проблемы и рационально отвечать на жизненно важные вызовы. К таким вызовам относятся либо внешние, либо внутренние разрушительные воздействия, угрожающие целостности и стабильности общества. С точки зрения синергетики и учетом закономерного характера взаимосвязи процессов негэнтропии, поддерживающей внутреннюю и внешнюю неравновесность любой саморазвивающейся системы, ее способность к самообновлению за счет доминирования энергии самопостроения, с процессами саморазрушения, необходимо регулировать соотношение этих процессов. Таким образом, во-вторых, суть регулирования соотношения процессов энтропии и негэнтропии заключается в обеспечении доминирования энергии продуктивного самосозидания общества. Энтропию же никогда невозможно полностью исключить из развития (саморазвития) общества, ибо это означало бы «принудительную» ликвидацию закона превращения и сохранения вещества и энергии. Проще скажем: если бы не было процессов саморазрушения, и не было бы самосозидания. Эта истина самоочевидна на примере смены поколений людей. Все сделанное человеком ветшает и требует или обновления, или замены. К тому же сам процесс развития общества является одним из примеров проявления универсального, одноименного принципа нашего мироздания в целом, который интегрирует тенденции прогресса и регресса, а также их переходное состояние в форме незначительных, называемых нейтральными, изменений. Это обстоятельство создает необходимость решения еще одной важной задачи в обеспечении условий саморазвития общества. Следовательно, в-третьих, соотношение процессов прогресса и регресса в обществе вместе с их промежуточным звеном требуется систематически отслеживать и регулировать, в том числе на внешнем контуре взаимозависимых изменений с другими социальными субъектами. Следует подчеркнуть, что в Республике Беларусь многое из отмеченного выше осуществляется государственными органами и официальными лицами.

Коррелятивное соотношение разнообразия способов построения отношений и общих задач сотрудничества. Ценные констатации для раскрытия темы настоящей статьи содержатся, на наш взгляд, в кратком обобщении А. Гелена о фактической взаимосвязи различных уровней социальной реальности, ее организации, множественности и разнообразии взаимоотнесенных способов действий людей, которым и соответствует их активность, направленная в итоге на достижение общего результата, воспроизводство и сохранение единой для них системообразующей идеи. «Действия людей, – пишет А. Гелен, – отчасти соотносятся с общей для них действительностью, отчасти же – друг с другом. Они принимают запланированные изменения по отношению друг к другу, и есть бесчисленное множество способов влиять, принуждать, вразумлять, подавлять и освобождать, дрессировать, убеждать и воспитывать: все это суть воздействия на взаимоотнесенное поведение. Наконец, каждый человек может и должен занимать позицию относительно себя самого, контролировать свои побуждения и интересы, решать в пользу каких-то из них, тормозить другие и т. д. и, таким образом, планомерно изменять свое внутреннее состояние в соответствии с некоей руководящей идеей, отвечающей требованиям сообщества. Наблюдаемая в том или ином сообществе "мораль" и представляет собой такие ориентации побуждений, обладающих весьма различной структурой» [3, с. 162].

Подмечено и характеризуется в литературе множество способов манипулятивного взаимодействия людей [4]. При этом манипуляции, или скрытое управление людьми, могут отличаться своими ценностными основаниями и целевым замыслом или размерностью выстраивания отношений на «качелях» понимания взаимопереходов добра и зла. Было бы огрубением вопроса о значимости для общества в целом, отдельных социальных групп и отдельной личности тех или иных способов манипуляции исходя из внешней данности или отдельных смыслов. Это лишь часть взаимодействий, существующих в обществе, та часть, которая связана с другими – равноправным сотрудничеством, согласованным поведением, гармоничным, эмпатичным соучастием и др. Стихийная коэволюция отношений воспроизводит социально-этические взаимодействия и их противоречия, создавая лишь основу для взаимосвязанного развития и осознанного формирования их соотношения. Поэтому и необходима целенаправленная корректировка стихийно складывающегося соотношения позитивных и негативных способов взаимодействия между людьми в обществе, чтобы оно не пришло в состояние хаотического вызова разрушения по причине допущенного доминирования агрессивной, злонамеренной манипуляции. К счастью,

человечество на протяжении всей своей истории вырабатывало и продолжает вырабатывать нормы и ценности выстраивания гуманистических отношений и противодействий разрушительным установкам противопоставления и разобщенности, подрывающим способность к самосохранению и саморазвитию отдельных обществ и человечества в целом. Стабилизирующую роль в этом отношении выполняет социокультурный код того или иного этноса. Эта проблема особенно актуальна в современном мире разрушительного действия глобальной негативной манипуляции. Было бы ошибочным приписывать только лишь сообразительности человека придумывать меры организационной, познавательной, этической защиты от разрушительного действия спонтанных механизмов стихийного развития в обществе и природе.

Взаимозависимость противоположных тенденций и неустранимость единства разнонаправленных внутренних процессов духовной жизни в индивидуальном саморазвитии. Коэволюция укоренена во взаимодействии как атрибутивном свойстве бытия целостности мира, его системной организации и воспроизводит связанность множественных форм взаимодействия в сопряженном, взаимозависимом существовании природы их в целом, биологических и социальных систем. В контексте полноты бытия всего сущего и, следовательно, коэволюционной трансляции данного общего принципа в процессах самоорганизации систем различной природы включаются, воспроизводятся и сохраняются сопряженные механизмы сбалансированности и разбалансированности разнообразных способов взаимодействия. В этой связи на всех уровнях организации биологических и социальных систем в особенности генерируется свойство относительно противоположных тенденций их изменений, воспроизводства и сохранения. Это – имманентный фактор их соразвития, т. е. способности отражать общий принцип взаимосвязанного, взаимозависимого существования разнонаправленных взаимодействий в их нерасторжимом единстве и целостности. Если бы не было данного объективного механизма коэволюции, то не было бы и не возникло бы самой задачи организовывать коэволюцию общества и природы с перспективой формирования единой, целостной системы. Более того, решение данной проблемы связано с необходимостью разработки и внедрения коэволюционного подхода как способа регуляции соотношения позитивных и негативных проявлений стихийной самоорганизации структуры человеческой личности в образовательной практике и воспитании человека. Натура человека целостна во взаимосвязи своих организующих и дезорганизующих проявлений. Л. Н. Толстой обозначил необходимость изучения

и решения вопроса об атрибутивной неоднозначности целостности человеческой природы в следующем высказывании: «...Одно из важнейших заблуждений при суждениях о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все : все возможности, есть текучее (изменяющееся – П. Б.) вещество...» [5, с. 185]. У человека есть и должен быть внутренний источник, стимул и мотив его самосовершенствования как саморегулируемой системы. Поэтому те черты человека, которые подчеркнул Л. Н. Толстой, есть неустранимый естественный приоритет его внутреннего коэволюционного взаимодействия и возможности выбора жизненной стратегии совершенствования на основе сопоставления роли позитивных и негативных свойств природы для определения индивидуальной стратегии жизни и успешности адаптации к требованиям общества. В своей истории человек был обречен и сейчас поставлен стихийным коэволюционным взаимодействием, во множестве его разнообразных проявлений, перед необходимостью решать проблемы формирования спасительной этики построения системы социальных и социоприродных отношений, теперь уже в глобальном масштабе.

Это лишь некоторые из суждений, к которым пришел автор относительно более глубокого изучения онтологических функций коэволюции в связи с необходимостью искать приоритеты коэволюционного подхода на путях достижения мировоззренческой (гуманитарной) безопасности общества.

Заключение. В статье проанализированы вопросы структуры механизмов коэволюции и его регулятивные процессы в экосистеме и обществе, раскрыто подобие регулятивных функций коэволюционных процессов. Раскрыто содержание и обоснована необходимость регулирования взаимозависимости процессов прогресса и регресса в обществе. Выявлено коррелятивное соотношение разнообразия способов построения отношений и общих задач сотрудничества в социальной группе (коллективе). Обоснована взаимозависимость противоположных тенденций и неустранимость единства разнонаправленных внутренних процессов в саморазвитии. Все эти результаты в кратком изложении представляют собой ценностные приоритеты коэволюционного подхода к решению актуальной задачи регулирования соотношения разнообразных коэволюционных тенденций в устранении проблем безопасности общества.

Список литературы

1. Одум Ю. Основы экологии. М.: МИР, 1975. 741 с.
2. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
3. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 152–201.
4. 330 способов успешного манипулирования человеком / авт.-сост. В. В. Адамчик. Минск: Харвест, 2023. 320 с.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1928–958. Т. 53: Дневники и записные книжки 1895–1899. 563 с.

References

1. Odum Yu. *Osnovy ekologii* [Fundamentals of ecology]. Moscow, MIR Publ., 1975. 741 p. (In Russian).
2. *Fragments of early Greek philosophers. Part I. From epic theocosmogonies to the emergence of atomism*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p. (In Russian).
3. Gelen A. On the systematics of anthropology. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1988. 552 p. (In Russian).
4. Adamchik V. V. *330 sposobov uspeshnogo manipulirovaniya chelovekom* [330 ways to successfully manipulate a person]. Minsk, Kharvest Publ., 2023. 320 p. (In Russian).
5. Tolstoy L. N. *Polnoye sobraniye sochineniy. V 90 t. T. 53. Dnevnik i zapisnyye knizhki 1895–1899* [Full composition of writings. In 90 vol. Vol 53. Diaries and notebooks]. Leningrad. Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1928 – 958. 563 p. (In Russian).

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: bmp49@bk.ru

Information about the author

Burak Petr Mikiyaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bmp49@bk.ru

Поступила 28. 11.2023

УДК 1(091)+291.1

А. Озджан

Белорусский государственный университет

**ПРОЕКТ ИСЛАМСКОГО МОДЕРНИЗМА
В ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОМ УЧЕНИИ ДЖ. АФГАНИ**

В статье осуществлена историко-философская реконструкция концепций исламского модернизма Джамаледдина Афгани. Автор статьи рассматривает исламский модернизм как ответ и реакцию на доминантную позицию западной цивилизации по отношению к мусульманскому миру. Несмотря на то, что Турцию нельзя однозначно оценивать как постколониальную страну, скорее как постзападную, в статье делается утверждение о точках пересечения постколониальных исследований и теоретических версий исламского модернизма: в борьбе за ресурсы, государственную независимость, значимой оказывается борьба за идентичность. Представители исламского модернизма, в частности такой видный мыслитель и деятель, как Дж. Афгани, видят в исламе не только базис национальной идентичности представителя мусульманского мира, но и средство социально-культурной регламентации взаимоотношений в современном мусульманском обществе, а также адаптации к новшествам и кардинальным трансформациям мира. Проведенный анализ концепции исламского модернизма Дж. Афгани позволил отметить ее особенность: реализация задач фактического возрождения мусульманской идентичности на фоне усиливающегося влияния культуры Запада возможна, только если будет осуществлен возврат к изначальной идейной чистоте и духовной цельности исламской религиозной традиции.

Ключевые слова: исламский модернизм, постколониальные исследования, идентичность, религия, наука, традиция.

Для цитирования: Озджан А. Проект исламского модернизма в философско-религиозном учении Дж. Афгани // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 98–102. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-18.

A. Ozdjan

Belarusian State University

**PROJECT OF ISLAMIC MODERNISM IN PHILOSOPHICAL
AND RELIGIOUS DOCTRINE OF J. AFGHANI**

In this article the historical and philosophical reconstruction of J. Afghani's concepts of Islamic modernism is carried out. The author of the article considers Islamic modernism as a response and reaction to the dominant position of Western civilization towards the Muslim world. Despite the fact that Turkey cannot be unequivocally assessed as a post-colonial country, but rather as a post-Western one, the article makes a statement about the points of intersection between post-colonial studies and theoretical versions of Islamic modernism: in the struggle for resources and political hegemony, the struggle for identity is significant. Representatives of Islamic modernism, in particular such a prominent thinker and activist as J. Afghani, see in Islam not only the basis of national identity of a representative of the Muslim world, but also a means of socio-cultural regulation of relations in modern Muslim society, as well as adaptation to innovations and cardinal transformations of the world. The analysis of J. Afghani's concept of Islamic modernism allowed us to note its peculiarity: the realization of the tasks of the actual revival of Muslim identity against the background of the increasing influence of Western culture is possible only if there is a return to the original ideological purity and spiritual integrity of the Islamic religious tradition.

Keywords: Islamic modernism, postcolonial studies, identity, religion, science, tradition.

For citation: Ozdjan A. Project of Islamic modernism in philosophical and religious doctrine of J. Afghani. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 98–102. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-18 (In Russian).

Введение. Современный мир в начале XXI в. представляет собой пространство разломов и разрывов, чреватое конфронтациями вплоть до военных столкновений. В борьбе за ресурсы, политическую гегемонию значимой оказывается борьба за идентичность, получившая осмысление

в постколониальных исследованиях. Постколониальная стадия в развитии колонизированных народов наступает как реакция участников колониализма или империализма на крах системы: прекращение верховенства доминирующих метрополий, или центров, над угнетенными

колониями, или перифериями. Категории «Запад» и «Восток» употребляются не в значении географического расположения территорий, но как части бинарного отношения «Цивилизация / Отсталость». В постколониальной ситуации сегодня находятся не только бывшие европейские колонии – страны Африки, Азии, Среднего Востока и Латинской Америки, но и страны Восточной Европы. Интересной в контексте проблематики постколониальных исследований представляется проблема самоопределения Турции. Исходя из справедливого замечания Сельджука Туркйылмаз о том, что «...турецкого эквивалента “колониализм” не существует... Если бы концепции колониализма и квазиколониализма были обоснованы, то, возможно, для Турции сформировалась бы совершенно иная почва для размышлений», полагаем целесообразным рассматривать исламский модернизм как уникальную версию осмысления проблемы самоопределения Турции по отношению к Западу, тем более, что «Турция ощутила на себе проблемы западной гегемонии во всей их остроте, и эти проблемы напрямую влияют на процесс перехода к постзападному миру...» [1].

Поэтому считаем возможным рассматривать исламский модернизм как ответ на доминантное положение Запада по отношению к исламскому миру, приведшее к конструированию Западом образа Востока, что породило следующие проблемы: 1) ошибочность образа Востока, сформированного Западом; 2) диктат этого образа как чуждой идентичности жителям мусульманского Востока; 3) ответное конструирование Востоком ошибочного образа Западом; 4) конфронтация по формуле «столкновение цивилизаций», отсутствие взаимопонимания и сложность налаживания диалога.

Констатируем, что распад мировой колониальной системы не унес в забвение культурный миф как стереотипное взаимодействие культурных дискурсов центра и периферии. Мы живем в ситуации не до конца освобожденных от нарратива доминирующих дискурсов обществ, в которой значимость и право на самостоятельность и идентичность некогда подчиненного ставится под вопрос. Страны Запада по-прежнему доминируют в разных регионах мира. Именно этот феномен и получил название «постколониализм». Сквозь оптику постколониальных исследований большую часть населения Земли возможно описать через категорию «угнетенный» [2, 3].

Основная часть. Экономические, политические и культурные связи (пост)колоний и (пост)метрополий фактически не изменились во многом после крушения колониальной и империалистической систем, что связано с сохранением за идентичностью угнетателя статуса доминирующего в этих странах. Процесс фор-

мирования национального самосознания, начавшийся в XVIII в., таким образом, не завершился в бывших колониях до сих пор. Несмотря на то, что Турция не столько постколониальная, сколько постзападная страна, проблемы, с которыми сталкиваются постколониальные страны, актуальны и для этой страны. В частности, значимыми являются: проблема самоопределения, реализации вектора собственного национального развития, поиск «золотой середины» между принятием технологических новшеств западной цивилизации и отстаивание ислама как ядра, для сохранения идентичности и отстаивания как культурной самобытности, так и политической и экономической значимости в современном мире. Ощутим для Турции и постколониальный комплекс, на преодоление которого в мусульманском мире направлена стратегия исламского модернизма.

Обратимся к анализу теоретических оснований исламского модернизма, в частности к комплексу идей крупнейшего представителя этого идейного направления Джамаледдину Афгани (Джамал ад-дин ал-Афганӣ; 1839–1897).

Прежде всего, следует отметить, что вокруг личности Афгани, его идей, было много дискуссий, содержание которых отражено в многочисленных статьях, как поддерживающих, так и критикующих предложенную им концепцию [4, с. 15–17]. Полагаем, что это связано с активной общественной и просветительской деятельностью Афгани, его работой во многих странах и регионах, где он, на протяжении всей жизни, встречался с разными людьми, обсуждая различные мнения и мысли. Реконструируя концепцию исламского модернизма, созданную Джамаледдином Афгани, важно указать, что именно ему принадлежит первый серьезный всеобщий призыв к мусульманам избавиться от бедственного положения, в котором оказался исламский мир [5, с. 300].

Базовой идеей концепции исламского модернизма Афгани является его мысль о том, что основные принципы ислама не противоречат разуму и науке, а, напротив, находятся в гармонии с ними. Именно поэтому он называл ислам религией, идеи которой наиболее последовательно отвечают существенным характеристикам человеческой природы. Исходя из этого, суть его воззвания к мусульманам заключалась в том, чтобы не просто сохранить религию, ее идейное и духовное содержание, созданное еще в Средневековье, но и развить и усовершенствовать, для того чтобы ислам смог отвечать вызовам сегодняшнего дня. Говоря так, он хотел показать, что ислам – это религия, обладающая достаточным потенциалом для новых качественных интерпретаций, которые позволят ему, как

некогда в Средневековье, вновь отвечать потребностям современного общества [5, с. 300].

Сам Афгани в ранние периоды творчества был последовательным сторонником принятия ислама в исходном его виде, однако на зрелом этапе творчества его задачей стало примирение современных разработок и подходов к исламу с идеями его предшественников о «чистом исламе» [4, с. 122]. Он утверждал, что мусульмане должны свободно пользоваться своим разумом, а не слепо следовать букве исламского права при современном понимании Корана и Сунны. С его точки зрения, это было необходимым условием для того, чтобы избежать отставаний в развитии [6, с. 461–462].

Афгани придерживался той позиции, что нации не могут существовать без религии, а причину, по которой мусульмане столкнулись с процессами упадка и распада, он видел в их фактическом отдалении от религии, место которой занимали ереси и суеверия. Афгани рассказывал о том, что невежественные арабские племена до принятия ислама жили по принципам насилия и раздора, с легкостью совершали всевозможные безнравственные и жестокие действия, но принятие ислама объединило и укрепило их, помогло обрести политическую силу, стало важным фактором просвещения, изменения их образа мысли, исправило их нравственную жизнь. Новые принципы управления позволили им занять значимую позицию в мире и править на справедливых началах, сделали их народ лидером в области знаний и проводником цивилизации, который смог понять и передать философию Аристотеля и Платона. Подобные примеры Афгани приводил и о других сообществах, где наука и общественная мысль, сила и цивилизация связаны с развитием религии. Для него потребность человечества в религии естественна и является образующим основанием. Кроме того, он подчеркивал, что воскресение и спасение станут возможными при условии избавления от ереси и суеверий и возвращения к религии [7, с. 80–81]. Из этого исходит и его резкая критика материализма, в котором он видел угрозу разрушения как религии, так и мусульманской цивилизации, причину ослабления духа и обеднение жизни человека, эскалацией насилия [7].

Ислам для Афгани был религией спасения потому, что предложил человеческому разуму три истины, а душе человека – три добродетели. Истины разума Афгани сформулировал следующим образом: 1) человек – наместник Бога на земле и самое ценное из его творений; 2) сообщества, живущие по канонам религии, превосходят сообщества неверующих; 3) человек приходит в этот мир для того, чтобы обрести совершенные качества и стать достойным вечного

блаженства. [7, с. 51–52]. Три добродетели души – это стыд, доверие и правдивость. Афгани полагал, что человек может быть выше животных в том и только в том случае, если следует указанным идеям и обладает названными добродетелями, и что именно эти принципы могут быть основой цивилизации [7, с. 57–63]. В качестве верификации своих идей мыслитель использовал исторические примеры. В частности, он упоминал, что на заре ислама первые мусульмане, четко следуя своей вере, за короткое время добились доминирования на обширных территориях от Великой Китайской стены до Испании, но духовные основы их культуры были ослаблены деятельностью натуралистов-батинитов, которые появились в четвертом веке после хиджры в Египте [7, с. 80–85]. Афгани, утверждая, что религия является наиболее важным элементом, поддерживающим жизнь общества, был обеспокоен тем, что материалисты нанесут ощутимый вред обществу, попытавшись разрушить его религиозные верования [7, с. 72–79]. О своей борьбе против материализма он говорит следующие слова: «...Я приведу убедительные доказательства того, что эта школа возникла в различных обличьях, но не принесла ничего, кроме разрушений и краха, всякому обществу, в котором она распространялась» [7, с. 37].

Афгани, придававший большое значение принципу справедливости, утверждал, что этот принцип нельзя обнаружить в нерелигиозных сообществах. Мусульманский мыслитель перечислял четыре основных принципа, свидетельствующих о существовании подлинной справедливости в обществе, а именно: 1) защита личности; 2) признание чести и достоинства человека; 3) государство; 4) вера в Бога [7]. Согласно его мысли, вера в Бога является основой для трех первых принципов. Афгани настаивал на особой значимости веры в Бога и ее многочисленных благ, а также на том, что ее отрицание наносит обществу значительный непоправимый вред [7].

Согласно идеям Афгани, правомерно отметить, что значимость религии, и в особенности ислама, заключалась в том, что она несла человеку покой и счастье. Поэтому соблюдение установленных религией правил и порядков является необходимым для достижения благой и счастливой жизни [8, с. 91]. Единое содержание идей, обеспечивающих гармоничное развитие общества, включает разум, очищенный от суеверий, защиту человеческого достоинства, основы веры и религиозные принципы, просвещение общества. Суть правил, выражающих эти идеи, изложим в четырех пунктах: 1) ум должен быть свободен от суеверий, предрассудков и заблуждений; 2) общество должно быть ориентировано на защиту и прославление человеческого достоинства;

3) система верований, имеющая первоочередное значение, должна быть вплетена в душу общества; 4) в самом обществе должна быть группа тех, кто занимается воспитанием остальных его членов [8, с. 91–102].

Делая ставку на прогрессивность ислама, Афгани стремился восстановить единство мусульман для совместной борьбы против западного империализма [9, с. 45]. Усилия в объединении мусульман прославили Афгани как одного их величайших поборников панисламизма. Однако его взгляды на эту проблему не предполагали простого объединения всех мусульман мира в единое целое. Он говорил о том, что мусульманские народы по собственной воле должны создать свои независимые национальные государства, а затем эти независимые государства должны образовать союз по принципу конфедерации. Мыслитель подчеркивал, что мусульмане, создав, таким образом, великий союз, смогут решительно противостоять диктату Запада и отстоять свою независимость и самобытность [5, с. 300].

Защищая подобные взгляды, Афгани понимал опасность радикализации националистического проекта, поэтому настаивал на необходимости его естественным образом ограничивать, развивая заложенную в ислам терпимость и уважительное отношение к другому. Резкий протест Афгани высказывал против фундаментализма и расизма, подчеркивая опасность для общества в развитии расистских идей в националистическом дискурсе [5].

Мысли Афгани о преобразованиях исламского мира правомерно изложить в следующих тезисах: «Прежде всего, он верил в то, что ислам как религия самодостаточен и способен направлять мусульман, укреплять их силу и обеспечивать прогресс. Кроме того, Афгани утверждал, что необходимо бороться с фаталистическими убеждениям, которые вызывают в людях безразличие и апатию. Он подчеркивал важность возвращения к жизни в соответствии с Кораном и Сунной. Вместе с тем он призывал интерпретировать учение ислама рационально и приглашал мусульман к изучению новых наук. И, наконец, первым шагом к интеллектуальному и социальному возрождению мусульман Афгани считал борьбу против колониализма и тирании» [10, с. 132]. Именно эти аспекты учения Афгани специалисты, изучающие его интеллектуальное наследие, считают ключевыми и свя-

зывают его идейное влияние именно с данными вопросами.

Влияние как идей Афгани, так и его неординарной харизматичной личности на судьбы мусульманского мира оцениваем как значимое и многоаспектное, сохраняющееся по сей день. Оно прослеживается в дискурсе борьбы с западным империализмом, дискурсе постколониализма, идеологии панисламизма, учениях и практиках национализма и нациостроительства.

Заключение. Таким образом, в понятие модернизма Афгани вкладывал следующее значение: обращение к Корану и Сунне как залог возвращения к «чистому исламу», а также особое отношение к западной цивилизации, которое заключается в переосмыслении ее источников с учетом условий нынешнего времени. Идеи исламского модернизма предполагается распространять путем реформирования образовательных программ, добиваясь возрождения во всех областях, особенно в интеллектуальной и политической жизни исламского мира. Цель этого проекта многогранна, и вместе с тем ей присуще известное гармоничное единство. Ее составными частями выступают борьба с материализмом и западным колониализмом, обеспечение участия людей в управлении своими сообществами, распространение умеренного национализма и недопущение его радикализации, защита панисламизма, создание в мусульманском мире сильной позиции противостояния Западу с целью сохранения и отстаивания своей самобытности и права на самоопределение, а также выбора пути развития.

Подчеркнем и особенность исламского модернизма, представленного в концепции Афгани. С одной стороны, перед ним стояла задача фактического возрождения мусульманской идентичности на фоне усиливающегося влияния культуры Запада. С другой стороны, Афгани был вынужден обратить внимание на сложное положение внутри самой религиозной традиции, наполненной разными авторитетами и толкованиями и в силу этого фактически разрозненной, утратившей изначально идейную чистоту и духовную цельность. Его проект исламского модернизма был не только амбициозным, но и во многом необходимым для определения путей дальнейшего развития общественной жизни мусульманского мира. Ценным и методологически значимым в осмыслении и решении существующих проблем он представляется и в пространстве современного постколониального дискурса.

Список литературы

1. Туркйылмаз С. Не постколониальная, а постзападная! // Yeni Şafak. URL: <https://www.yenisafak.com/ru/columns/-/7704> (дата обращения: 18.08.2023).
2. Саид Э. Ориентализм. СПб.: «Русский Миръ», 2006. 637 с.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

4. Türköne Mümtaz'er. Cemaleddin Afgânî. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 1994. 204 s.
5. Fazlurrahman. İslâm, Çev. Mehmet Dağ-Mehmet Aydın. İstanbul: Selçuk Yayınları, 1992. 368 s.
6. Karaman Hayreddin. "Efgânî" // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul, 1994. N 10. S. 460–465.
7. Afgânî Cemâleddin. er-Reddü ale'd-Dehriyyîn. Kahire: tarihsiz. 218 s.
8. Afgânî Cemâleddin. Dehriyyûn'a Reddiye (Natüralizm Eleştirisi). Çeviren: Vahdettin İnce. İstanbul: Ekin Yayınları, 1997. 226 s.
9. Hizmetli Sabri. Muhammed Abduh'un Düşünce Yapısı. Ankara: Fecr Yayınları, 1986. 176 s.
10. İneyet Hamid. Arap Siyasi Düşüncesinin Seyri. Çeviren: Hicabi Kırlangıç. İstanbul: Yöneliş Yayınları, 1991. 132 s.

References

1. Turkyılmaz S. Not postkolonial, post-Western! *Yeni Safak*. Available at: <https://www.yenisafak.com/ru/columns/-/7704> (accessed 18.08.2023) (In Russian).
2. Said E. *Orientalizm* [Orientalism]. St. Petersburg, "Russkiy Mir" Publ., 2006. 637 p. (In Russian).
3. Anderson B. *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsiolizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2016. 416 p. (In Russian).
4. Türköne Mümtaz'er. *Cemaleddin Afgânî* [Jamalaluddin Afghani]. Ankara, Turkish Religious Foundation Publ., 1994. 204 p. (In Turkish).
5. Fazlurrahman. *İslâm* [Islam]. Translator. Mehmet Dağ-Mehmet Aydın. İstanbul, Selçuk Publ., 1992. 368 p. (In Turkish).
6. Karaman Hayreddin. Efgani. *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi* [Turkish Religious Foundation Encyclopedia of Islam]. İstanbul, 1994, no. 10, pp. 460–465 (In Turkish).
7. Afgânî Cemâleddin. *er-Reddü ale'd-Dehriyyîn* [Naturalism Criticism]. Cairo, undated. 218 p. (In Arabic).
8. Afgânî Cemâleddin. *Dehriyyûn'a Reddiye* [Naturalism Criticism]. Translator: Vahdettin İnce. İstanbul, Ekin Publications Publ., 1997. 226 p. (In Turkish).
9. Hizmetli Sabri. *Muhammed Abduh'un Düşünce Yapısı* [The Thought of Muhammad Abduh]. Ankara, Fecr Publ., 1986. 176 p. (In Turkish).
10. İneyet Hamid. *Arap Siyasi Düşüncesinin Seyri* [The Course of Arab Political Thought]. Translator: Hicabi Kırlangıç. İstanbul, Yonelis Publ., 1991. 132 p. (In Turkish).

Информация об авторе

Айдын Озджан – аспирант кафедры философии культуры. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь); советник по делам религии. Посольство Турецкой Республики в Минске (220030, г. Минск, ул. Володарского, 6, Республика Беларусь). E-mail: bursa-54@hotmail.com

Information about the author

Aydın Özcan – PhD student, the Department of Philosophy of Culture. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus); Counsellor for Religious Affairs of the Republic of Türkiye in Minsk (6, Volodarskogo str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bursa-54@hotmail.com

Поступила 10.09.2023

УДК 1(1–87)004(045)

М. В. Подручный

Белорусский государственный технологический университет

**ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА
В ТЕОРИЯХ Х. АРЕНДТ И Ю. ХАБЕРМАСА**

В статье рассматривается общественное пространство, проблемы его концепции и трансформации. В качестве основных точек отсчета выбраны теории двух авторов – Ханны Арендт и Юргена Хабермаса. В статье рассматриваются сходства и различия между этими теориями, а также их концептуальное взаимодействие. В работе предпринята попытка доказать, что противодействие государства гражданскому обществу, возникающему в условиях трансформации публичного пространства, не вполне оправдано, а публичная сфера, соединяющая эти две сферы, не является автономной.

Ключевые слова: Х.Арендт, демократия, Ю.Хабермас, гражданское тело, публичное пространство, публичная сфера, трансформация публичной сферы.

Для цитирования: Подручный М. В. Проблема трансформации публичного пространства в теориях Х. Арендт и Ю. Хабермаса // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 103–107. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-19.

M. V. Podruchny

Belarusian State Technological University

**THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF PUBLIC SPACE
IN THE THEORIES OF H. ARENDT AND J. HABERMAS**

The article deals with public space and the problems of its conception and transformation. The theories of two authors – Hannah Arendt and Jürgen Habermas – are chosen as the main points of reference. The article discusses the similarities and differences between these theories, as well as their conceptual interaction. The paper attempts to prove that the opposition of the state to civil society arising in the conditions of transformation of public space is not fully justified, and the public sphere connecting these two spheres is not autonomous.

Keywords: Arendt, democracy, Habermas, civic body, public space, public sphere, transformation of the public sphere.

For citation: Podruchny M. V. The problem of transformation of public space in the theories of H. Arendt and J. Habermas. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, no. 2 (275), pp. 103–107. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-19 (In Russian).*

Введение. Процесс социальной модернизации в его институциональном аспекте требует вдумчивой ревизии основных категорий политической эволюции общества. Одним из новаторских подходов последних десятилетий к толкованию легитимности политического господства является коммуникативный подход Ю. Хабермаса. Он считал, что задача публичной политики должна сводиться к достижению общественного согласия путем равноправного диалога при полном исключении обмана и иллюзии. Именно в процессе такого обмена информацией вырабатывается то, что принято называть общественным мнением. Таким образом, в круг социально-политической проблематики вводится теория публичного пространства (публичности, публичной сферы). Концепция публичного пространства Х. Арендт основана на полисной парадигме, в то время как Хабермас анализирует общественность на фоне идеалов Просвещения. Для нас важно сравнить эти разные концепции (публичную сферу Арендт и публичную сферу Хабермаса) и вступить в полемику с их интерпретаторами,

чтобы осмыслить наиболее важные аспекты концепции публичности и дать новые представления для лучшего понимания актуальных общественных проблем.

Основная часть. Общественный разговор, демократия и проблема медиации. В своей работе «Структурная трансформация публичной сферы» (*Strukturwandel der Öffentlichkeit*, 1990) Ю. Хабермас, вслед за Ч. Р. Миллсом, провел различие между публикой и массой. Такое разграничение особенно значимо в следующем отношении: масса, в отличие от публики, пассивна, гораздо реже выражает свое мнение, не будучи автономной от контролирующих институтов. Массы не автономны по отношению к контролирующим органам. Хотя термин «публика» все еще по-прежнему используется, сегодня он ближе по смыслу к термину «масса» или даже тождественен ему. «Общественность» сама по себе относится к населению (значение *publicus* неотделимо от народа, государства, а также от *commons*; с XIV в. во французском и английском языках оно означает «открытость для всеобщего

наблюдения»). Теперь общественность больше не является тем, что можно назвать «твердым телом» (Т. Гоббс), устойчивым гражданским сообществом. У новой общественности нет ни тела, ни места в пространстве. Благодаря технологическим инновациям, меняющим принципы коммуникации, она стала похожа на анонимную массу, рассеянную в разных местах и в непредсказуемые моменты времени.

Здесь и далее понятия общественного пространства и публичного пространства будут употребляться как синонимы. Это отождествление раскрывает существенные политические коннотации – общественный разговор всегда партиципативен в процессах управления, а управление всегда имеет политическую природу. Само общественное пространство рассматривается как политическое в силу происхождения от античного полиса (гр. *πόλις*, город-государство Древней Греции, образовавшийся на основе общины). Появление в публичном пространстве полиса само по себе являлось участием в полисной демократии, публичное утверждение себя в качестве гражданина полиса. Поскольку публичная сфера рассматривается как находящаяся за порогом частной жизни, постольку она с необходимостью сама по себе является политической.

С. Бенхабиб, изучающая политическую философию Х. Арендт, утверждает, что «публичный гражданин сегодня стал безликим говорящим и слушающим в анонимном публичном разговоре» [1, с. 45-46]. Абсолютная анонимность позволяет открыто выражать свое мнение, но, как видно, часто это не используется в должной мере. В публичной сфере возможность избежать ответственности за неуместные высказывания, предоставляемая анонимностью, используется гораздо чаще. Это понимание приводит к конструктивно-критическому взгляду на саму природу публичности в ее хабермасовской трактовке. Действительно ли преобразованная публичная сфера способствует достижению целей демократии? Пространство общественных гражданских дискуссий наполнено гулом пустых голосов. Осмысленное сообщение теряется в анонимном в шуме анонимных мнений и не доходит до адресата. Где граница между публичным разговором, представляющим различные точки зрения, и анонимностью бессодержательного высказывания?

Публичный гражданский разговор – важная часть демократического проекта. «Регулятивный принцип демократии требует автономного представления о публичной сфере как о процессе, который посредством коллективного обсуждения, ведёт к самоуправлению» [2, с. 54]. Сопровождение само по себе предполагает взаимные отношения слушающего и говорящего, активное участие в разговоре. Оно основано на конструктивности дискуссии, которая должна определить ориентиры

для окончательного решения (точнее, согласия) – иначе дискуссия теряет всякий смысл. Новая аудитория, или массы, не обладает необходимой для обратной связи активностью, поэтому процесс обсуждения (или его имитация) занимает непропорционально много времени и в конечном итоге не дает ожидаемого результата, иными словами, не приводит к какому-то решению. Почему проект в публичной сфере терпит такое фиаско? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит обратить внимание на проблемы, возникающие в процессе медиации (посредничества в коммуникации). Центральной проблемой медиации является возникновение опосредованной коммуникации как таковой.

Традиционные модели коммуникации были адаптированы к анализу коммуникации, происходящей в реальном физическом пространстве. Она заключается в пристальном рассмотрении мимики, жестов и т. д. собеседников. Если анонимность претендует на сохранение равенства, то распространение средств посредничества устраняет иллюзию равенства. Средства массовой информации предоставляют право на свободу слова всем – но только тем, кто имеет к ней адекватный доступ. Можно утверждать, что публичная сфера классового общества становится публичной сферой массового общества – публичной сферой масс, но в публичном гражданском разговоре, однако, не все массовое общество. Не все граждане имеют доступ к средствам массовой информации, необходимым для участия в публичном разговоре (будь то в силу чисто экономического неравенства или по другим причинам), поэтому публичная сфера не охватывает все «тело гражданского общества».

Другим важным моментом является предполагаемая автономия по отношению к институтам контроля. В этом отношении новая общественность полностью соответствует положению масс, поскольку она не является независимой от контролирующих институтов. Распространение СМИ находится в прямой зависимости от различных экономических и политических факторов в той же степени, что и от институтов, действующих в этих сферах. Поэтому необходимо констатировать что его автономия будет проблематичной хотя бы в силу определенных материальных тенденций.

Здесь мы сталкиваемся с еще одним осложнением – проблемой репрезентации, или политического представительства. Структуры представительства распадаются на множество нематериальных гипотетических массовых субъектов, которые скорее пассивно и бессодержательно участвуют в общественном разговоре.

Каждая новая социальная, культурная, политическая группа представляет свою точку зрения, появляясь на публике или представляя себя другим, рефреймирует себя в качестве общественного достоинства. Этот процесс самопрезентации

и артикуляции на публике остается единственным, через который может развиваться образование гражданского воображения. Участие в публичном разговоре (по крайней мере, когда оно не основано на анонимности) приводит к одному из главных принципов политического мышления: политика – это способность увидеть конкретное событие или ситуацию с чужой точки зрения. Без мировоззрения (*Weltanschauung*) вряд ли были бы возможны как публичный разговор, так и сама идея публичной сферы. Научиться смотреть на одно и то же событие с различных точек зрения соответствует процессу обсуждения, пути к консенсусу. Персонифицированная публичная беседа, в которой личность участников не скрыта «плащом» анонимности, с большей вероятностью приведет к согласию (т. е. хотя бы к какому-то результату), чем анонимная дискуссия, не предполагающая никакой ответственности. Личная ответственность обязывает быть содержательным.

Прозрачность коммуникации в демократической жизни. Одним из важнейших аспектов демократического дискурса в аспекте публичности является репрезентация. Этот феномен можно рассматривать как чисто эстетически или чисто политически, так и совмещая обе оптики. Репрезентация создает определенный образ, который появляется на публике; она эквивалентна зрелищу, передающему по своему значению символическое сообщение.

В прошлом это лучше всего проявлялось в королевских ритуалах (в случае монархий), в настоящее время символическое представление можно увидеть в религиозных церемониях.

Сегодня различные формы репрезентации стали в большей степени манипуляциями и (или) инструментами пропаганды, нежели прозрачным средством передачи смысла в том или ином виде отражения. Творческий потенциал коммуникации сводится к «формулам успеха», используемым специалистами по связям с общественностью, бесконечному повторяющемуся воспроизводству образов.

Несмотря на то, что Ю. Хабермас в оценке дефектов массовой коммуникации выступает как иконоборец (*Bilderstürmer*), испытывая фундаментальное недоверие к рукотворным идолам, критику вызывает то, что он уверен в прозрачности коммуникации. Его «концепция коммуникации совершенно безразлична к величию слова или музыки, к риторической силе моделировать мысль». Для Хабермаса коммуникация – это неизбирательно серьезное дело» [3, с. 57].

Хабермас рассматривает коммуникацию как обыденный язык, который является центром демократической жизни. Для него язык – это не средство манипуляции, а форма прозрачной и осмысленной коммуникации. Такой подход вызывает удивление – как и почему так легко

обеспечивается прозрачность коммуникативных процессов? В какой момент они становятся независимыми от силы риторики и других средств воздействия?

Целью демократической жизни является не только чистота языка, но и чистота коммуникации. Поскольку такой результат требует, по крайней мере, утверждения некоторого универсализма, проявления тех или иных нормативных контуров. Универсальная прагматика Ю. Хабермаса утверждает коммуникативную рациональность; эта рациональность не допускает тезиса о том, что риски изменений могут быть больше, чем риски, вызванные сохранением статус-кво.

Концепция публичной сферы Х. Арндт и Ю. Хабермаса. Работы Х. Арндт предлагают два определения публичности. Во-первых, все, что кажется публичным, может быть увидено и услышано всеми и имеет самую широкую огласку. Для нас видимость – это то, что может быть увидено и услышано другими и нами самими. Во-вторых, термин «публичный» обозначает сам мир, в той мере, в какой он является общим для всех нас и отличается от частного пространства, принадлежащего нам лично. Он относится к вещам, сделанным человеком, а также и к делам тех, кто живет вместе в рукотворном мире. Совместная жизнь в мире, по сути, означает, что мир вещей находится среди тех, кто его удерживает, подобно тому, как стол накрывают среди тех, кто за ним сидит; мир, как и всякое «между», одновременно и соединяет, и разделяет. Только в обществе, в этой гибридной сфере, частные интересы приобретают публичное значение. Превращение частных в общественно значимые интересы свидетельствует не только о переходе некоторых частных аспектов в публичную сферу, но и о трансформации самого изменения публичной или социальной сферы (или, скорее, формации).

Если для Х. Арндт современность характеризуется упадком сферы публичности, то для Ю. Хабермаса, напротив, это начало новой трансформации. Поскольку в контексте Просвещения общественность приобретает новые формы, возникает необходимость в новой концептуализации публичной сферы. То, что Х. Арндт понимала как фиксированное общественное пространство (*der öffentliche Raum*), для Ю. Хабермаса становится публичной сферой (публичностью) (*die Öffentlichkeit*). Основой публичной сферы (публичности) является уже не конкретная группа людей, демос, а безличная информация общественного мнения.

«Мы рассматриваем публичную сферу как ту сферу нашей общественной жизни, в которой может формироваться общественное мнение» [3, с. 78-79]. Таким образом, основой публичной сферы является последовательное и целенаправленное

движение к общественному мнению как результату. Общественное мнение для Хабермаса – это гражданский организм, критический потенциал, направленный на резистенцию правящей структуре, или государству.

Таким образом, разницу между теориями общественного пространства Х. Арендт и Хабермаса можно увидеть в том, что концепция публичной сферы Арендт включает в себя два измерения – институциональное и онтологическое, в то время как теория Хабермаса сосредоточена исключительно на социальной сфере и игнорирует онтологическое измерение.

В современную эпоху существует довольно большой разрыв между моделью полиса и моделью модерна. Можно утверждать, что этот разрыв также обозначает теоретическую точку зрения, разделяющую Арендт и Хабермаса. Именно здесь возникает главный вопрос: как публичная сфера становится таковой и возможно ли это без участия государства?

Отношение общества к государству – это то, что неизбежно присуще самому существованию публичной сферы. Однако следует помнить, что публичная сфера была публичной сферой и до трансформации, для которой характерны несколько иные тенденции.

Это хорошо видно на примере зафиксированных Арендт социальных изменений, важнейший переломный момент которых можно отметить в эпоху Нового времени. Важно отметить, что с изменением общества менялись и многие детерминанты, определяющие состав государств. Как пишет Арендт: «...поскольку законы статистики совершенно справедливы там, где мы имеем дело с большими числами, ясно, что каждый раз, когда население увеличивается ... значимость этих законов возрастает, а “отклонение” становится все менее и менее важным». [3, с. 45]. Следуя идее Арендт, можно сказать, что формы политизации, преобладавшие в полисе, трансформировались в ходе социальных изменений в формы социальности. Как публичная сфера трансформируется в общественную, так и политическое трансформируется в социальность и занимает место первой, затмевая ее в своем процветании.

Социальная сфера характеризуется «зажатостью» между публичной и приватной сферами и тем самым знаменует собой некий определенный вход частной жизни в публичную сферу, и наоборот. В условиях перехода к Новому времени разделение на публичное и частное стирается, домашние дела все чаще переставали оставаться за дверью общественного гражданского обсуждения. Бытовые вопросы стали приобретать публичный статус домашних дел, тем самым наполняя публичную сферу нехарактерными для нее ранее объектами обсуждения.

Таким образом, изменился сам статус общественных дел, одновременно показав снижение их значимости. Поскольку то, что долгое время было частным, стало публичным, публичная сфера нуждалась в изменении, и это изменившееся состояние можно назвать «публичностью». Публичность становится отдельным игроком в триаде (общество – публичная сфера – государство).

Важно также рассмотреть роль, которую играет коммуникация в контексте этих трансформаций. Сам процесс формирования публичной сферы можно определить как коммуникационный. На этом этапе существует, по крайней мере, несколько нерешенных проблем.

Плюрализм СМИ не является надежным общественным индикатором свободы, поскольку он может создавать лишь иллюзию разнообразия содержания, скрывая тот факт, что все процессы массовой коммуникации ограничены различными формами косвенного контроля со стороны государства и частных корпораций.

Таким образом, здесь возникает автономия иллюзии. Медийный плюрализм, как и любой другой, в целом не доказывает автономность, а скорее напоминает о ее статусе идеала, к которому стремятся. Само разнообразие содержания не гарантирует свободу контроля со стороны институтов. Это приводит к предположению, что государство, приравненное к контролирующим органам, в публичной сфере является совершенно излишней переменной.

В соответствии с хабермасовской концепцией роль публичной сферы осмысливается как «публичное пользование своего разума свободными и равными гражданами». Гипотетическая медиасистема, «построенная» на этой основе, будет представлять собой открытую для всех арену для обсуждения общественных проблем, свободную от государственных и рыночных манипуляций и ориентированную на достижение критического и рационального консенсуса в общественном мнении.

Хабермасовская концепция приводит к несколько измененной концептуализации, в которой центральную роль играют автономия и критичность граждан, способность формировать рационально обоснованное мнение. Новаторство, предложенное Ю. Хабермасом, можно рассматривать именно как исключительное внимание к государству и рынку. Неохабермасианство проводит еще более резкую линию автономии, только здесь автономия рассматривается не только как привилегия публичной сферы, но и как возвращение к идеалам автономии разума, характерным для Просвещения. Неохабермасовский (или, скорее, кантовский) взгляд, таким образом, противопоставляет государство не столько общественному мнению или обществу, но и автономии разума. Автономия разума здесь может пониматься

не только как свобода смело и без ограничений высказывать свое мнение на публике, но и как устойчивость к манипуляциям и воздействию пропагандистских механизмов. Можно согласиться с приравниванием государства к этим механизмам, но, тем не менее, более точным является следующее: вернее было бы занять более умеренную позицию и отличать государство как форму гражданского организма, от институтов управления. Если занять такую умеренную позицию, то публичная сфера без государства будет восприниматься как неработающая фикция.

Однако даже если допустить, что государство и институты управления тождественны контролирующим органам, то в любом случае без публичной сферы было бы трудно представить функционирование современного общества. Таким образом отпала бы необходимость в посреднике, так как некому было бы передавать сообщение, и в то же время публичная гражданская дискуссия осталась без своего главного объекта.

Заключение. Таким образом, мы можем констатировать, что противопоставление государства и гражданского общества в условиях трансформации общественного пространства не вполне оправдано. Наиболее ярко это проявляется при рассмотрении вопроса об автономии публичной сферы. В контексте полемики с Ю. Хабермасом и теоретическими идеями Х. Арендт можно сформулировать следующие положения: 1) публичная сфера не является автономной по отношению к государству; 2) публичная сфера (или типы публичной сферы) не автономны по отношению друг к другу.

Было бы ошибкой утверждать, что публичная сфера в современном обществе сохраняет полную автономию по отношению к происходящим в ней процессам. Участие в публичном разговоре невозможно без определенных материальных ресурсов и институтов, которые их распределяют, социально-экономических тенденций и политических решений. Публичная сфера не только сама по себе неизбежно является политической и недостижимой для идеала автономии, но и находится в прямой зависимости от механизмов социального контроля.

Методологический и теоретический арсенал социально-политического анализа функционирования современного общества требует введения различия между демократией и собственно политикой. Демократия рассматривается как самодостаточный критерий гражданственности, который не нуждается в государстве в принципе. Публичная сфера без государства характеризуется как некая фикция. Если принять отождествление государства и институтов контроля, то публичную сферу без государства в любом случае трудно представить. В таком случае она была бы излишней – не было бы необходимости в посреднике, поскольку некому было бы передавать сообщение, и в то же время общественная гражданская дискуссия оказалась бы без своего главного объекта. Сама публичная сфера представляет собой процесс коммуникации, в ходе которого формируется общность между различными автономными субъектами, которые в совокупности приходят к консенсусу по общественным вопросам.

Список литературы

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Разнообразие и равенство в глобальную эпоху. М.: Логос, 2005. 350 с.
2. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016. 344 с.
3. Арендт Х. *Vita activa*, или О соотношении частного и общего в Античности. СПб.: Алетейя, 2000. 416 с.

References

1. Benhabib, S. *Prityazaniya kul'tury. Raznoobraziye i ravenstvo v global'nyu epokhu* [The claims of culture. Diversity and equality in a global era]. Moscow, Logos Publ., 2005. 350 p. (In Russian).
2. Habermas J. *Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuznogo obshchestva* [Structural change in the public sphere: Research on the category of bourgeois society]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2016. 344 p. (In Russian).
3. Arendt H *Vita activa, ili O sootnoshenii chastnogo i obshchego v Antichnosti* [Vita active, or On the relationship between the particular and the general in Antiquity]. St. Peterburg, Aleteyua Publ., 2000. 416 p. (In Russian).

Информация об авторе

Подручный Михаил Викторович – старший преподаватель кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220029, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: in_litteras@tut.by

Information about the author

Podruchny Mikhail Viktorovich – Senior Lecturer, Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: in_litteras@tut.by

Поступила 13.09.2023

НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА SCIENTIFIC CONTROVERSY

УДК 355.01

В. А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь

ВОЕННАЯ СФЕРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Становление нового мирового порядка сопровождается ростом всех видов межгосударственного насилия (невоенного и военного) и расширением его географии, поэтому необходимо развитие систем национальной безопасности и их военных составляющих в контексте динамики международных отношений, военно-политической обстановки и трансформации военных конфликтов. Основным методом рационального определения путей совершенствования военной сферы выступает диалектика современной войны и военной сферы национальной безопасности. В условиях слабости международной политики и возможного развязывания военного конфликта важно изучение его технологии. Существенной тенденцией современного противоборства на любой стадии конфликта являются информационно-когнитивная и идеологическая составляющие, которые переросли в ментальную войну. В статье показаны особенности ментального насилия, значимость формирования ментальной культуры и стратегии ментальной безопасности. Подчеркивается значение понимания национальных интересов как ключевого аспекта в защите от ментальной агрессии. Военной сфере национальной безопасности присущи собственные интересы, реализация которых обеспечивает защиту страны в военном отношении. На основании Концепции национальной безопасности Республики Беларусь показаны основные национальные интересы в военной сфере. Актуализированы основные внутренние и внешние источники военных угроз, отмечены пути их нейтрализации. Выделены принципы обеспечения военной безопасности и индикаторы состояния национальной безопасности государства в военной сфере. Сделан вывод, что соблюдение в социально-политической практике личностью, обществом и государством национальных интересов в военной сфере – основной путь обеспечения военной безопасности.

Ключевые слова: новый мировой порядок, политика, международные отношения, военно-политическая обстановка, военный конфликт, ментальная война, военная безопасность Республики Беларусь, диалектика, военная сфера национальной безопасности, национальные интересы.

Для цитирования: Ксенофонтов В. А. Военная сфера национальной безопасности: основные пути совершенствования // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 108–114. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-20.

V. A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus

MILITARY SPHERE OF NATIONAL SECURITY: MAIN WAYS OF IMPROVEMENT

The emergence of a new world order is accompanied by the growth of all types of interstate violence (non-military and military) and the expansion of its geography. It is necessary to develop national security systems and their military components in the context of the dynamics of international relations, military-political situation and transformation of military conflicts. The main method of rationally identifying ways to improve the military sphere is the dialectic of modern warfare and the military sphere of national security. In the conditions of weakness of international politics and possible unleashing of military conflict, it is important to study its technology. The essential tendency of modern confrontation at any stage of the conflict is information-cognitive and ideological components, which have developed into mental warfare. The peculiarities of mental violence, the significance of the formation of mental culture and mental security strategy are shown. The importance of understanding national

interests as a key aspect in defence against mental aggression is emphasised. The military sphere of national security has its own interests, the realisation of which ensures the defence of the country in military terms. On the basis of the National Security Concept of the Republic of Belarus the main national interests in the military sphere are shown. The main internal and external sources of military threats are actualised, and the ways of their neutralisation are highlighted. The principles of ensuring military security and indicators of the state national security in the military sphere are highlighted. It is concluded that the observance of national interests in the military sphere by the individual, society and the state in socio-political practice is the main way to ensure military security.

Keywords: new world order, politics, international relations, military-political situation, military conflict, mental war, military security of the Republic of Belarus, dialectics, military sphere of national security, national interests.

For citation: Ksenofontov V. A. Military sphere of national security: main ways of improvement. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 108–114. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-20 (In Russian).

Введение. Становление нового мирового порядка сопровождается ростом всех видов межгосударственного насилия (невоенного и военного). В этих условиях даже миролюбивые государства обязаны в целях собственного самосохранения и развития предпринимать меры по укреплению систем национальной безопасности (далее – НБ). При этом необходимо осуществлять адаптацию их функционирования к современным и перспективным реалиям социального развития. Анализ международных отношений (далее – МО) и их военно-политической составляющей свидетельствует, что военное насилие имеет тенденцию к нарастанию и значительному расширению своей географии. Следовательно, не только создание, наличие, но и эффективное функционирование военной сферы национальной безопасности (далее – ВС НБ) [1] – это залог выживания государства и перспектив его развития в современном насильственном и хаотизирующемся мире. В этих условиях возникают проблемы обоснования перспектив совершенствования военной составляющей НБ. Основным методом рационального определений путей ее дальнейшего развития будет выступать диалектика современной войны и ВС НБ.

Основная часть. Главной целью функционирования ВС НБ является достижение *военной безопасности*, под которой понимается «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от существующих и зарождающихся военных угроз» [2, ст. 4]. Основным инструментом обеспечения военной составляющей НБ является *военная организация государства* (далее – ВОГ), стоящая на защите национальных интересов Республики Беларусь в военно-политической сфере. При определении путей обеспечения защиты национальных интересов (потребностей республики) важно учитывать динамику как самих потребностей, так и формирующихся им угрозам. Это достаточно сложная аналитико-прогностическая задача в условиях трансформации войны. Одной из существенных

угроз национальным интересам является возможное развязывание военного конфликта. Поэтому особое внимание следует уделить его основным социально-политическим характеристикам, так как именно понимание облика военного конфликта способствует «настройке» как ВОГ, так и всего общества в условиях тотальности войны.

Обратимся к словам американского философа Элвина Тоффлера, который отмечал, что, «на протяжении всей истории человечества люди воевали так же, как работали» [3, с. 63], а «способ создания богатств и способ ведения войны связаны неразрывно» [3, с. 105]. В своей работе он четко показал динамику факторов производства (волн) от аграрного, затем к промышленному и наступившему – информационному. При этом главным ресурсом экономики Третьей волны является *знание* – «знание в широком смысле, включая информацию, данные, изображения, символы, культуру, идеологию и систему ценностей» [3, с. 97]. Этот тезис не отменяет материально-технические и тем более военно-стратегические факторы ведения войны, а подчеркивает существенную – информационно-когнитивную особенность современного межгосударственного противоборства.

Как отмечается в проекте новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция): «Информационная сфера становится ареной межгосударственного противостояния. В результате культурно-идеологической экспансии, в основном ориентированной на потребление, целенаправленно искажается историческая правда, осуществляется фальсификация истории, разрушаются культурное наследие человечества, традиционные духовно-нравственные ценности народов, их национальная идентичность, институт семьи и пространство межкультурного взаимодействия» [2, ст. 5].

Заметим, что в условиях, когда целый ряд действующих в мире политических лидеров и

сил не хотят или не могут политико-дипломатическим путем обеспечивать национальные интересы своих стран, войны как болезнь начинают «поражать» новые геополитические пространства. В этой связи можно актуализировать слова немецкого философа Хаймо Хофмайстера: «Война – это проявление политического бессилия. Мир же ни в коей мере не является просто отсутствием борьбы, и уж тем более он не перина, на которой можно безмятежно почивать. Мир – это тоже борьба, но не за взаимное уничтожение, а за взаимное признание» [4, с. 8]. По нашему мнению, данный тезис не отменяет классического определения войны Клаузевица как «продолжения политики иными средствами», а свидетельствует об отрицании политики, ее нежелании (неспособности) решать возникающие противоречия политико-дипломатическим путем.

Приведенные выше соображения еще раз подчеркивают, что военное насилие и его крайняя форма война – с одной стороны, это своеобразное продолжение способа создания богатств, а с другой – это стремление уйти от политики в ее сущностном смысле и решить свои задачи насильственными средствами за счет других.

В сложившихся МО нет необходимости доказывать, что война – это крайний и объективно существующий способ разрешения межгосударственных и иных противоречий посредством силовой системы инструментов, созданной в стране и отвечающей характеру эпохи, а, кроме того, это радикальный способ «коммуникации», при котором осуществляется подавление воли более слабого субъекта сильным. Безусловно, *насилие зарождается в самой политике*, является политическим инструментом. А вот собственно политика может иметь целый спектр характеристик от исключительно миролюбивой до воинственно-агрессивной.

Уточним, что сегодня нет завершенной типологизации войн. Война представляет собой мозаику различных форм насилия как невоенного, так и военного. Что касается типов войн, то упомянутый Хофмайстер выделяет три: героическую, имперскую и *идеологическую* (выделена мной – В. К.) [4, с. 162].

Обратим внимание, что «особенностью идеологической войны является не то, что она руководствуется какой-либо идеей, а то, что толкование человеческого бытия на основании такой идеи не ставит под сомнение истинность самой идеи, требуя для себя той власти, которая подобаает истине» [4, с. 171]. Этот тип войны может мутировать в *террористическую войну*, сущность которой – «деструкция ради власти» [4, с. 173]. Важно учитывать, что идеологическая война содержит в себе тенденцию к *тотальной войне* с

дальнейшей трансформацией ее в *истребительную войну* [4, с. 176], задача которой не достижение мира, а полное уничтожение противника.

В условиях насаждения нового мирового порядка под эгидой США и НАТО современные МО и военно-политическая обстановка (далее – ВПО) содержат достаточно примеров трансформации войны от идеологической к истребительной. Ибо в сфере духа, смыслов национального бытия и навязывании народам и странам новой культуры, новой истины, нового образа мыслей и жизни проблематично достичь политическую победу, а порой и военную. В этом также проявляется «бессилие политики» по выражению Хофмайстера.

Вместе с тем «сила» элиты и политиков, мечтающих о выживании в мире за счет других народов и государств, с непрекращающегося идеологического межгосударственного противостояния обрела новое качественное состояние *ментальной войны* (далее – МВ). Это не метафора, это объективный способ реализации западных геополитических и военно-стратегических концепций посредством интеллектуально-культурной оккупации или уничтожения несогласных с их абсолютным доминированием. Если раньше геополитические концепции были известны немногим, то сегодня образованный человек должен осознавать суть происходящего, которая заключена в геостратегии гегемона [5, 6].

Подчеркнем, что основным способом насилия в рамках межцивилизационного противоборства выступает МВ. Разделяем позицию ученого Ильницкого А. М., что «мораль, воля и война как философские категории тесно взаимосвязаны. Воля навязывания своей морали другому является неотъемлемым аспектом гибридной войны, реализующимся через технологии МВ» [5, с. 29]. Западная коалиция, стремясь к геополитическому доминированию в мире посредством финансовых и военных инструментов, значительно усиливает информационно-когнитивную составляющую в воздействии на своих конкурентов. Речь идет о ментально-когнитивном, мировоззренческом доминировании и внедрении новой «истины». «Подобная стратегия направлена не просто на поражение противника на поле боя, а на уничтожение через технологию ментального геноцида его веры, морали, культуры, стирание исторических традиций, знаний и национальной идентичности» [5, с. 31].

В силу того, что наши противники только системно наращивают ментальное насилие, важно обеспечить *ментальную безопасность*. Как отмечает А. М. Ильницкий, ее исходными платформами следует считать: *ментальную гигиену* и *ментальный иммунитет* [5, с. 32]. Убеждены, что формирование названных качеств личности

и социума возлагается не только на органы государственного и военного управления, велика роль всех институтов общества. По нашему мнению, необходимо формировать *ментальную культуру* как часть общей культуры человека. Определяющая роль принадлежит системам воспитания и образования. Следует выходить из пелены навязываемых нам мифов, своевременно противостоять ментальным вирусам и инфекциям, различным псевдонаучным теориям, которые умело посредством системы информационных технологий внедряются в сознание граждан, особенно молодежи. Названный комплекс деструкции направлен на внутреннее разложение социума и его ментальную капитуляцию перед гегемоном, обретение новой идентичности на базе чуждой идеологии и традиций.

В рамках глобальной гибридной войны осуществляется активное мифотворчество и на этой основе манипулирование сознанием народов целых стран, их объединений. По существу, со стороны Запада осуществляется «ментальный неоколониализм» [5, с. 33]. Противостоять такой агрессии, находясь только в обороне, недостаточно, важны активные, системные ментально-наступательные действия со стороны личности, общества и государства. На основе формирования ментальной культуры как базиса ментальной безопасности важны мобилизация духа и воли всего народа, его единство перед насущными задачами срыва ментального наступления и разрушения страны со стороны государств-агрессоров, адекватные и решительные действия как самостоятельно, так и в сформированных межгосударственных коалициях против ментальной экспансии. Стоит продумать разработку Стратегии ментальной безопасности Союзного государства Беларуси и России.

В силу того, что системообразующими в сфере НБ являются *национальные интересы*, которые трансформируются в цели политико-управленческой деятельности, важно не только их понимание гражданами, но и их практическая реализация. Подчеркнем, что национальные интересы, зафиксированные в Концепции, – это результат научного анализа диалектики социальной системы (государства) и угроз ей. Разделяем позицию академика НАН Беларуси Гусакова В. Г., что «национальный интерес рассматривается как социальный феномен, снимающий противоречие между интересами государства и гражданского общества» [7, с. 16]. Учтем, что национальные интересы отражают многообразие материальных и духовных потребностей, обеспечивающих достойное существование и устойчивое развитие всех субъектов: личности, общественных организаций, социума в целом и государства [7, с. 17].

Следовательно, центральная роль национальных интересов и их особое значение обусловлено тем, что именно *интересы являются основной движущей силой развития общества и реальной причиной социальной активности людей* и в этом смысле выступают важнейшими факторами любых преобразований в обществе, государстве и мире в целом. Поэтому уяснение гражданами национальных интересов в различных сферах социального бытия и следование им на практике – это способ сохранения и развития государства.

Безусловно, ВС НБ как элемент общей системы безопасности также обладает комплексом интересов, реализация которых и следование им позволяет обеспечивать военную безопасность страны.

Так, исходя из Концепции в военной сфере, *основными национальными интересами* являются:

– обеспечение военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь в любых условиях ВПО;

– развитие и укрепление коллективной безопасности с союзными для Республики Беларусь государствами;

– формирование новой, устойчивой архитектуры международной безопасности, восстановление взаимного доверия и прозрачности МО [2, ст. 16].

Национальные интересы реализуются в сложной ВПО, которая формирует различные риски, вызовы и угрозы им. Важнейшее условие обеспечения НБ в военном отношении – своевременное выявление противоречий между национальными интересами и потенциальными угрозами, которые зарождаются в виде *источников угрозы НБ*, понимаемой как «фактор или совокупность факторов, а также субъектов, их продуцирующих, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы НБ» [2, ст. 4]. Концепция четко определяет, что *угроза НБ* – это «реально существующая опасность нанесения вреда национальным интересам Республики Беларусь» [2, ст. 4].

Источники угроз и собственно угрозы могут формироваться как внутри страны, так и на внешнем контуре. В военной сфере *основными внутренними источниками военных угроз* являются:

– террористическая деятельность на территории Республики Беларусь преступных организаций, незаконных вооруженных формирований, преследующая цели по дестабилизации общественного порядка и провоцированию внутреннего вооруженного конфликта;

– ослабление в обществе чувства патриотизма, готовности граждан Республики Беларусь к вооруженной защите Отечества;

- снижение возможностей структурных компонентов ВОГ по решению задач мирного и военного времени в результате преступных действий (бездействия) отдельных граждан Республики Беларусь (измена государству, диверсия и другое);
- распространение в белорусском обществе идей гражданского противостояния, ведущих к вооруженному мятежу;
- неспособность обеспечить на уровне оборонной достаточности потребности ВОГ в вооружении, военной и специальной технике, запасах материальных средств, обусловленные снижением возможностей оборонного сектора экономики страны [2, ст. 38].

В военной сфере *основными внешними источниками военных угроз* являются:

- вооруженные провокации с территории иностранных государств на Государственной границе Республики Беларусь и в ее пограничном пространстве;
- проведение государствами, межгосударственными военно-политическими объединениями враждебной военной политики в отношении Республики Беларусь, демонстрация ими стремления разрешать имеющиеся противоречия путем применения военной силы;
- призывы к применению военной силы либо финансирование подготовки к ее применению против Республики Беларусь со стороны международных организаций (в том числе неправительственных), радикальных религиозных течений, антибелорусских центров за рубежом;
- создание за рубежом негосударственных вооруженных формирований для осуществления военной деятельности на территории Республики Беларусь;
- снижение потенциала и возможностей межгосударственных военно-политических объединений с участием Республики Беларусь по обеспечению коллективной безопасности;
- возникновение и эскалация очагов вооруженных конфликтов на территориях государств, сопредельных с Республикой Беларусь, а также государств, входящих в военно-политические объединения с участием Республики Беларусь;
- разрушение международной архитектуры военной безопасности, проведение военно-политическими союзами, в которые не входит Республика Беларусь, политики расширения в целях нарушения сложившегося стратегического баланса сил, вовлечение в сферу их влияния третьих государств без предоставления им членства, в том числе для ведения войн по доверенности (прокси-войн);
- стремление отдельных государств, в том числе в Европейском регионе, к обладанию или размещению на их территории оружия массового уничтожения, стратегических средств пора-

жения большой дальности в неядерном исполнении, распространение их компонентов и технологий производства;

- развязывание гонки вооружений и милитаризация сопредельных с Республикой Беларусь государств (военно-политических союзов, в которые не входит Республика Беларусь), ведущая к усилению их ударно-наступательных возможностей [2, ст. 47].

Беларусь исключительно миролюбивая страна, а свою военную безопасность обеспечивает «исходя из принципов неделимости безопасности, законности, комплексности, оборонной достаточности, неуклонной решимости отстаивать ее всеми имеющимися силами и средствами, отдавая приоритет невоенным мерам» [2, ст. 60].

Учитывая реалии МО, ВПО и стратегической обстановки руководство страны принимает все меры для «поддержания обороноспособности на уровне, обеспечивающем готовность государства к вооруженной защите, его военной организации и населения – к отражению агрессии, а также создания условий, исключающих возможность возникновения военного конфликта с участием Республики Беларусь» [2, ст. 60].

В целях совершенствования ВС НБ важно не только своевременно вскрывать противоречия между национальными интересами и формирующимися угрозами, но и своевременно их купировать. На основе системного анализа МО, ВПО определено, что нейтрализация *внутренних источников угроз НБ* в военной сфере продолжит обеспечиваться за счет:

- развития в обществе патриотизма, воспитания у граждан чувства ответственности за защиту Республики Беларусь;
- повышения мотивации и престижа военной службы в целях укрепления кадрового потенциала Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и военизированных организаций;
- государственного реагирования на кризисные ситуации, способные привести к развязыванию внутреннего вооруженного конфликта на территории Республики Беларусь;
- своевременной реализации и финансирования мероприятий, предусмотренных государственными программами в области национальной обороны;
- активизации работы в направлении повышения возможностей оборонного сектора экономики по созданию современных и перспективных образцов вооружений, военной и специальной техники [2, ст. 60]. В этом перечне мы видим комплекс направлений, касающихся деятельности личности, общества и государства, способствующий обеспечению безопасности страны.

Что касается внешнего контура военной составляющей НБ, то защита от *внешних источников военных угроз* продолжит осуществляться за счет выполнения мероприятий по подготовке государства к обороне. При этом основные усилия сосредоточены:

- на планировании обороны государства как составной части организации обороны Республики Беларусь;

- подготовке Вооруженных Сил во взаимодействии с другими войсками и воинскими формированиями;

- созданию необходимых запасов материальных средств, обеспечивающих подготовку и успешное выполнение задач при ведении боевых действий;

- подготовке территориальной обороны и ее основного компонента – территориальных войск;

- укреплении системы коллективной безопасности посредством принятия скоординированных мер по обеспечению военной безопасности в рамках Союзного государства, развития региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации, повышения эффективности органов военного управления, сил и средств коллективной безопасности ОДКБ [2, ст. 60].

В интересах обеспечения НБ в Концепции предусмотрены показатели, которые выступают важными критериями ее состояния, говоря языком диалектики – это мера состояния социума в контексте назревающего скачка от «безопасно» к «небезопасно». Среди *основных индикаторов*

(показателей) состояния НБ в рамках военной сферы выступают:

- наличие и эффективность международных правовых и политико-правовых гарантий безопасности и суверенитета Республики Беларусь;

- состояние ВПО;

- готовность ВОГ к выполнению задач по обеспечению военной безопасности;

- уровень военной мощи государства [2, ст. 70].

Заключение. В условиях нарастания и трансформации военного насилия в мире, усиления ментального противоборства важнейшим условием обеспечения военной безопасности является научное понимание технологий военного насилия, осознание национальных интересов Республики Беларусь и следование им в социально-практической деятельности, а также объективное выявление рисков, вызовов и угроз социальной системе.

Реализация на практике каждой личностью, белорусским обществом и государством национальных интересов в военной сфере – это не только способ эффективного функционирования ВС НБ, но и залог безопасности нашей страны и возможности функционирования остальных подсистем НБ. С учетом динамики МО, ВПО и стратегической обстановки в целях военной безопасности анализ диалектики национальных интересов и формирующихся им угроз должен быть своевременным и непрерывным, а действия адекватными, достаточными и обеспечивающими гарантированный уровень военной составляющей НБ.

Список литературы

1. Ксенофонтов В. А. Военная сфера национальной безопасности: основные компоненты, особенности и закономерности развития // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1. С. 192–197.
2. Проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 6 марта 2023 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001> (дата обращения: 14.07.2023).
3. Тоффлер Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться, Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 412 с.
4. Хофмайстер Хаймо Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 288 с.
5. Ильницкий А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны // Военная мысль. 2023. № 6. С. 18–36.
6. Объятия «Анаконды». Антология геополитики Запада. М.: Родина, 2022. 464 с.
7. Гусаков В. Г. Научные основы реализации национальных интересов, укрепление суверенитета и независимости государства // Проблемы управления. 2017. № 3 (65). С. 16–23.

References

1. Ksenofontov V. A. Military sphere of national security: main components, features and regularities of development. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], issue 6, History, Philosophy, 2023. no. 1, pp. 192–197 (In Russian).
2. Draft Concept of national security of the Republic of Belarus. Resolution of the Security Council of the Republic of Belarus 6 March 2023, no. 1. *National Legal Internet Portal of the Republic of*

Belarus. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001> (accessed 14.07.2023) (In Russian).

3. Toffler E. *Voyna i antivoyna: Chto takoye voyna i kak s ney borot'sya, Kak vyzhit' na rassvete XXI veka* [War and antiwar: What is war and how to fight it, How to survive at the dawn of the XXI Century]. Moscow, AST Publ.: Transit-kniga Publ., 2005. 412 p. (In Russian).

4. Hofmeister Heimo *Volya k voyne, ili Bessilye politiki. Filosofsko-politicheskiy traktat* [The will to war, or the Powerlessness of politics. Philosophical and political treatise]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2006. 288 p. (In Russian).

5. Ilnitsky A. M. Strategy of the hegemon – strategy of war. *Voyennaya mysl'* [Military Thought], 2023, no. 6, pp. 18–36 (In Russian).

6. *Ob'yatiya "Anakondy". Antologiya geopolitiki Zapada* [Embrace of «Anaconda». Anthology of geopolitics of the West], Moscow, Rodina Publ., 2022. 464 p. (In Russian).

7. Gusakov V. G. Scientific foundations for the realisation of national interests, strengthening the sovereignty and independence of the state. *Problemy upravleniya* [Problems of Management], 2017, no. 3 (65), pp. 16–23 (In Russian).

Информация об авторе

Ксенофонов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (220057, г. Минск, пр. Независимости, 220). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Ksenofontov Vladislav Anatol'yevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus). Email: nksena777@gmail.com

Поступила 04.09.2023

УДК 331.1:658.3

Н. В. Зайцева, И. Н. Кандричина

Белорусский национальный технический университет

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

В статье рассмотрена эволюция концептуальных подходов кадрового менеджмента, обусловленная, главным образом, внедрением в практическую деятельность по управлению персоналом информационных и интеллектуальных технологий. С одной стороны, данные преобразования создают новые возможности для ведения бизнеса, порождают различные управленческие инновации, оптимизируют процессы и сокращают временные затраты, а с другой стороны, технология искусственного интеллекта существенно меняет рабочие места, выдвигает новые требования к квалификации и компетенциям персонала и ведет к сокращению рабочих мест.

В статье также кратко описано историческое развитие HR-менеджмента и становление так называемого «интеллектуального управления персоналом». С 1980-х годов технологии управления персоналом претерпели серьезные изменения, обусловленные, в первую очередь, разработкой и внедрением различных автоматизированных информационных систем в кадровый менеджмент организаций. Специалисты по работе с персоналом первоначально применяли подобные системы для ведения баз данных и автоматизации отдельных рутинных процедур. В настоящее время использование автоматизированных информационных систем и внедрение интеллектуальных технологий в управлении персоналом является общераспространенной практикой.

Ключевые слова: управление персоналом, кадровый менеджмент, электронное управление персоналом, интеллектуальное управление персоналом, автоматизированные системы управления персоналом, интеллектуальные технологии, искусственный интеллект.

Для цитирования: Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Эволюция подходов и технологий управления персоналом // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия, 2023. № 2 (275). С. 115–119. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-21.

N. V. Zaytseva, I. N. Kandrichina

Belarusian National Technical University

EVOLUTION OF APPROACHES AND TECHNOLOGIES OF PERSONNEL MANAGEMENT

The article considers the evolution of conceptual approaches of personnel management, mainly due to the introduction of information and intelligent technologies into the practical activities of personnel management. On the one hand, these transformations create new business opportunities, generate various managerial innovations, optimize processes and reduce time costs, and on the other hand, artificial intelligence technology significantly changes jobs, puts forward new requirements for the qualifications and competencies of personnel and leads to job cuts.

The article also briefly describes the historical development of HR management and the formation of the so-called «intelligent personnel management». Since the 1980s, personnel management technologies have undergone major changes, primarily due to the development and implementation of various automated information systems in the personnel management of organizations. HR specialists initially used such systems to maintain databases and automate certain routine procedures. Currently, the use of automated information systems and the introduction of intelligent technologies in personnel management is a common practice.

Keywords: personnel management, personnel management, electronic personnel management, intelligent personnel management, automated personnel management systems, intelligent technologies, artificial intelligence.

For citation: Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Evolution of approaches and technologies of personnel management. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, no. 2 (275), pp. 115–119.* DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-21 (In Russian).

Введение. Сегодня ни одна организация не может полностью реализовать свои цели без непосредственного участия персонала. Следовательно, работники организации рассматриваются

как ее важнейший ресурс и капитал. Покрытие потребности в персонале, оперативное и стратегическое кадровое планирование, формирование трудового коллектива и кадрового резерва

являются основополагающими функциями кадрового менеджмента, а работники организаций, их знания, навыки, умения, личностные, квалификационные и другие характеристики рассматриваются как конкурентное преимущество. Каждый год организации по всему миру тратят сотни тысяч долларов на рекрутинг талантливых и компетентных сотрудников для достижения целей, коммерческого успеха и конкурентного преимущества, что ставит проблемы управления персоналом в центр организационной деятельности.

С 1980-х гг. технологии управления персоналом претерпели серьезные изменения, обусловленные, в первую очередь, разработкой различных автоматизированных информационных систем и внедрением их в кадровый менеджмент организаций. Специалисты по работе с персоналом первоначально использовали подобные системы в основном для ведения баз данных и автоматизации таких процедур, как прием и хранение заявлений о приеме на работу [1]. Однако с развитием информационных технологий сотрудники отдела кадров начали выполнять большую часть своих повседневных обязанностей и принимать решения по стратегически важным вопросам с помощью сложных компьютерных систем. Следовательно, процессы управления персоналом были существенно оптимизированы. В настоящее время использование автоматизированных информационных систем в управлении персоналом является общераспространенной практикой, постоянно разрабатываются новые программные продукты и приложения.

Достижения в области компьютерных наук и программной инженерии привели к расцвету передовых интеллектуальных технологий и искусственного интеллекта, внедрение которых в сферу управления персоналом ведет к кардинальным изменениям. С одной стороны, данные преобразования создают новые возможности для ведения бизнеса, порождают различные управленческие инновации, оптимизируют процессы и сокращают временные затраты. С другой стороны, технология искусственного интеллекта существенно меняет рабочие места, выдвигает новые требования к квалификации и компетенциям персонала и ведет, по мнению ряда аналитиков, к сокращению рабочих мест.

Основная часть. Изменения способа производства и уровня благосостояния восходит к промышленной революции XVIII в. С появлением парового двигателя аграрная экономика и ремесленнический ручной труд сменились индустриальной экономикой с преобладанием промышленного машинного производства. То, что мы называем современным производством, зародилось в 1800-х годах и объединило рабочую

силу с машинами. Небольшие компании начали массовое производство с помощью инновационных в то время технологий (механический ткацкий станок с ножным приводом, паровая машина, развитие металлургии и машиностроения, зарождение химической промышленности) и постепенно превратились в крупномасштабные корпорации, нуждающиеся в большом штате наемных работников, способных выполнять работу должным образом и с максимальной производительностью. Главной задачей менеджмента здесь было определение наиболее рационального способа использования имеющихся ресурсов, в том числе и человеческих, для повышения прибыльности. Производительность труда рабочих рассматривалась как следствие разделения и специализации труда и как залог повышения благосостояния.

В начале XX в. зарождается теория управления, а промышленные предприятия внедряют в свою жизнедеятельность принципы научного менеджмента, которые заключаются в еще более высокой степени разделения труда, координации производственного процесса, контроле на рабочем месте и введении экономических рычагов мотивации персонала. В то время работодатели проявляли заботу лишь о результатах труда персонала, не беспокоясь об уровне его удовлетворенности. Работник оставался лишь носителем трудовой функции, измеряемой затратами рабочего времени и заработной платой. Внедрение научных методов управления как средства достижения максимального процветания при слабом государственном регулировании и недостаточной законодательной базе, регламентирующей трудовые отношения между работодателем и работником, было прервано Великой депрессией. Экономический кризис вследствие биржевого краха в США распространился по всему миру в 1930-х годах и показал, что высокий уровень инвестиций, значительный рост производительности, условия полной занятости, высокая заработная плата и высокая прибыль компаний могут привести и к негативным последствиям: инвестициям сверх реальной необходимости, перепроизводству и перенасыщению рынка товарами, сильной дефляции, финансовой нестабильности и банкротству.

С 1920-х по 1950-е годы менеджмент человеческих отношений вырос из критики недостатков научного менеджмента, особенно в отношении отсутствия учета социальных и социально-психологических факторов трудовой деятельности. Работник становится субъектом трудовых отношений, имеющим свои индивидуальные особенности, черты и стремления. Зарождается концепция управления персоналом в рамках органического подхода.

Концепция управления персоналом была основана на знаменитых Хоторнских исследованиях, которые доказали, что производительность труда сотрудников связана со степенью групповой сплоченности, командной работы и сотрудничества, а не с физическими условиями (освещение, размер помещения и другие). Организация стала рассматриваться как группа работников, социальная система.

Наряду с внедрением принципов менеджмента человеческих отношений, после экономического кризиса 1930-х годов, правительства стран взяли на себя роль посредников в координации взаимоотношений между работодателями и наемными работниками, инициаторов разработки правовых норм по некоторым вопросам трудовых отношений: начислению заработной платы, установлению рабочего времени, регламентации процедур увольнения и выхода на пенсию. Наряду с правовыми усовершенствованиями продолжались исследования в области менеджмента, популярность приобретали науки о поведении, трактовавшие работающих людей как ресурсы, а не просто как факторы производства.

Изучение человеческого поведения и изменения в структуре и интенсивности международной конкуренции оказали значительное влияние на практику управления персоналом, и к концу XX в. зародилась концепция управления человеческими ресурсами. Человек стал рассматриваться не как должность и элемент организационной структуры, а как возобновляемый ресурс, элемент социальной организации в единстве трудовой функции, социальных отношений и состояния работника.

С начала 1980-х годов управление персоналом стало преобладающей практикой в управлении людьми внутри организации и основным механизмом формирования систем управления, позволяющих эффективно направлять компетенции на достижение целей организации.

Расцвет использования персональных компьютеров в управлении персоналом пришелся на 1980-е гг., что привело к разработке информационных систем управления человеческими ресурсами. С появлением Интернета как бизнес-ресурса и развитием информационных технологий автоматизированные системы управления персоналом стали неотъемлемой частью кадрового менеджмента. К концу XX в. многие организации приобрели опыт использования компьютерных и информационных систем в управлении персоналом. Автоматизация и компьютеризация производства, приведшие к изменению содержания труда, повышению значимости самообразования, самоконтроля и самодисциплины, стимулировали господство гуманистического подхода. Человек стал рассматриваться как разви-

вающийся самостоятельный активный субъект, придерживающийся определенной культурной традиции, иерархии ценностей, правил и норм поведения.

Использование информационных технологий в рамках HR-менеджмента привело к появлению и распространению в настоящее время так называемого «электронного управления персоналом». Развитие облачных технологий позволило перейти на цифровой документооборот: формировать, согласовывать и хранить электронные документы. Кадровый электронный документооборот (КЭДО) представляет собой современный способ управления кадровой документацией и процессами управления персоналом в организации, позволяющий автоматизировать рутинные операции делопроизводства и принятия кадровых решений, экономить финансовые и временные ресурсы, нивелировать риски потери документов. Кроме КЭДО, электронное управление персоналом включает в себя системы автоматизации управления персоналом, автоматизированные комплексные системы управления персоналом и информационные системы управления персоналом.

Системы автоматизации управления персоналом представляют собой прикладное программное обеспечение для автоматизации базовых функций кадрового менеджмента (делопроизводство и расчет заработной платы) в целях высвобождения рабочего времени работников кадровых служб и оптимизации контроля над протеканием данных процессов. В настоящее время разрабатываются и внедряются автоматизированные системы поиска и подбора персонала, управления талантами и развития кадрового потенциала, планирования карьеры и оценки эффективности.

Вслед за системами автоматизации отдельных функций и операций кадрового менеджмента появились и автоматизированные комплексные системы управления персоналом (HRM-системы), обладающие широкими аналитическими возможностями сбора и обработки количественных и качественных показателей. Данные системы охватывают весь комплекс задач кадрового менеджмента – от трудоустройства и расчета заработной платы до планирования и развития карьеры работника. Они способствуют упорядочению учетных и расчетных процессов, минимизации потерь, связанных с уходом сотрудников.

Следующим этапом диджитализации и автоматизации HR-процессов стало появление информационных систем управления персоналом (HRIS-системы), стандартизирующих и оптимизирующих большинство кадровых задач и процессов: рекрутинг, найм, адаптация,

управление отсутствием, проведение опросов, HR-отчетность и другие. Существует множество HRIS-систем, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Так, например, «VambooHR» является самой популярной системой менеджмента персонала малого и среднего бизнеса, охватывающей все базовые операции, но имеющей ограниченный набор инструментов для управления рекрутингом, аналитикой и корпоративной культурой. «PeopleFogse» охватывает основные процессы управления персоналом, имеет мобильное приложение и HR-бот в мессенджере «Телеграмм», но возможности системы ограничены в части оценки эффективности по отдельным работникам. «Zoho People» разработана для решения административно-организационных задач кадрового менеджмента, но не предусматривает возможности разработки и публикации планов развития для отдельных сотрудников. «Workable» доказала свою эффективность только в оптимизации задач рекрутинга и процессов поиска талантов, а «Hurma System» предназначена для организаций, численность персонала которых не превышает 50 человек.

За последние два десятилетия КЭДО и интерактивные системы управления персоналом стали использоваться повсеместно, констатируя переход от административной служебной кадровой деятельности к виртуальному отделу кадров (электронному управлению персоналом). Здесь функции руководства и кадровые функции интегрируются, профессионализируются и интернационализируются, а внедрение интерактивных систем, программных продуктов и различных приложений оценивается положительно, поскольку повышает эффективность управления персоналом за счет автоматизации процессов, сокращения временных затрат, уменьшения административной нагрузки, облегчения кадрового планирования и достижения стратегических целей организации. Однако некоторые исследователи пришли к противоречивым результатам. Например, Д. Л. Стоун [2] утверждал, что компьютерные системы управления персоналом оказывают негативные эффекты, особенно на процесс отбора сотрудников, нарушают принципы разнообразия рабочей силы, конфиденциальности данных и точности, а Э. Парри [3] обнаружил, что внедрение электронного управления персоналом не всегда рентабельно.

На протяжении десятилетий организации переходили от традиционных личных практик управления персоналом к современным электронным формам параллельно с растущей популярностью ИТ-технологий, внедрение которых превращало кадровый менеджмент из преимущественно административного направления деятель-

ности организации в более стратегически значимый. В то же время цифровая трансформация сопряжена с двумя фундаментальными проблемами. Первая трудность сопряжена с переходом к цифровому мышлению, цифровому способу управления, организации и руководству изменениями, а вторая – с трансформацией HR-процессов, систем и кадровой организации вследствие появления новых цифровых платформ, приложений и способов предоставления кадровых услуг.

Являясь ключевым бизнес-инструментом, информационные и интеллектуальные технологии в управленческой практике остаются актуальной и дискуссионной темой. Они постоянно совершенствуются, и сегодня на международном уровне предпринимаются попытки расширения их возможностей с помощью искусственного интеллекта. Так, Ю. Пан [4] утверждает, что с 2011 г. различные ИТ-гиганты приобрели около 140 фирм, ведущих исследования в области искусственного интеллекта и пытающихся внедрить интеллектуальные технологии в различные компьютерные системы.

Термин «искусственный интеллект» и его первое применение относятся к 1950-м годам. Разработки последних лет сделали его перспективным направлением междисциплинарных исследований. Внедрение интеллектуальных технологий в общем и искусственного интеллекта в частности в кадровый менеджмент привели к становлению так называемого «интеллектуального управления персоналом», основанного на новейших достижениях науки и техники.

Искусственный интеллект в управлении персоналом рассматривается как способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота выполнять задачи, считающиеся прерогативой человека. Имеющийся опыт имплементации интеллектуальных технологий в деятельности отдела кадров доказал наличие положительного экономического и социального эффекта за счет автоматизации повторяющихся задач, повышения вовлеченности персонала, построения кадрового резерва и индивидуальных, более гибких и персонализированных программ обучения. Искусственный интеллект позволяет лучше понимать потребности, стремления и ожидания персонала, быстрее выявлять талантливых и успешных сотрудников для продвижения и формировать кадровый резерв организации посредством анализа социально-психологических типов работников, их компетенций, профессиональных целей и представлений о карьерном росте, оценки профессионального уровня и итогов адаптации к новым должностям, трудовым обязанностям и рабочим командам [5].

Заключение. Несмотря на то, что технология искусственного интеллекта находится в стадии разработки, ее роль в становлении интеллектуального управления персоналом неоспорима. Невзирая на продолжающиеся споры о том, будет ли внедрение в кадровый менеджмент искусственного интеллекта успешным или приведет к негативным последствиям, сохранится ориентация персонала на освоение новейших информационных технологий в

целях повышения производительности труда и на стимулирование повышения эффективности за счет комбинаторных инноваций. Концептуальные подходы к управлению человеческими ресурсами продолжают эволюционировать вслед за изменениями инновационных и международных процессов, развитием высоких информационных и интеллектуальных технологий в сторону индивидуального подхода к управлению персоналом.

Список литературы

1. Hendrickson A. R. Human resource information systems: backbone technology of contemporary human resources // *Journal of Labor Research*. 2013. No. 24 (3). С. 381–394.
2. Stone D. L., Dulebohn J. H. Emerging issues in theory and research on electronic human resource management // *Human Resource Management Review*. 2018. No. 23 (1). С. 1–5.
3. Parry E. An examination of e-HRM as a means to increase the value of the HR function // *Human Resource Management Review*. 2021. No. 22 (5). С. 1146–1162.
4. Pan Y. Heading toward artificial intelligence 2.0 // *Engineering*. 2020. No. 2 (4). С. 409–413.
5. Кандричина И. Н. Возможности использования искусственного интеллекта в работе кадровой службы // Информационные технологии в политических, социально-экономических и технических системах: сб. материалов науч.-практ. конф., 20 апреля 2023 г. Минск: БНТУ, 2023. С. 121–122. URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/129587/Informacionnye_tekhnologii.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

References

1. Hendrickson A. R. Human resource information systems: backbone technology of contemporary human resources. *Journal of Labor Research*, 2013, no. 24 (3), pp. 381–394.
2. Stone D. L., Dulebohn J. H. Emerging issues in theory and research on electronic human resource management. *Human Resource Management Review*, 2018, no. 23 (1), pp. 1–5.
3. Parry E. An examination of e-HRM as a means to increase the value of the HR function. *Human Resource Management Review*, 2021, no. 22 (5), pp. 1146–1162.
4. Pan Y. Heading toward artificial intelligence 2.0. *Engineering*, 2020, no. 2 (4), pp. 409–413.
5. Kandrichina I. N. The possibilities of using artificial intelligence in personnel service work. *Information technologies in political, socio-economic and technical systems: collection of materials of the scientific and practical conference*. Minsk, 2023, pp. 121–122. Available at: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/129587/Informacionnye_tekhnologii.pdf (accessed 02.02.2023) (In Russian).

Информация об авторах

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр. Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Кандричина Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр. Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: ikandrichina@yandex.ru

Information about the authors

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economics and Law. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Kandrichina Irina Nikolaevna – PhD (Sociology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ikandrichina@yandex.ru

Поступила 04.09.2023

УДК 101.8:316.3

М. Ю. Узгорок

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

**ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

В статье раскрывается проблема развития созидательной гражданской активности студенческой молодежи.

Автор подчеркивает, что в период современных социальных потрясений главной задачей, стоящей перед белорусским обществом, является сохранение социума в режиме стабильного функционирования. Важнейшая роль в данных процессах принадлежит созидательной активной деятельности студентов как наиболее прогрессивной, творчески мыслящей и перспективной части современного социума.

Рассмотрены познавательный, мотивационный и личностный компоненты, обозначены внутренние и внешние факторы, благодаря которым активность будет носить созидательный характер.

Проведен анализ теоретико-методологических источников, а также примеры исследования современной практики развития гражданской активности молодежи и обозначен ряд педагогических условий оптимизации воспитательного процесса в учреждениях высшего образования.

В заключении указано, что обучение в высшем учебном заведении не может ограничиваться предоставлением образовательных услуг и научно-исследовательской деятельностью. Оно должно включать воспитание социально и личностно ответственного человека, конструктивно мыслящего, культурного, способного к созидательным преобразованиям в своей стране.

Ключевые слова: активность, гражданственность, общество, молодежь, сотрудничество, создание, деятельность.

Для цитирования: Узгорок М. Ю. Формирование гражданской созидательной активности студенческой молодежи в учреждениях высшего образования // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 120–122. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-22.

M. Yu. Uzgorok

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

**FORMATION OF CIVIL CREATIVE ACTIVITY OF STUDENT YOUTH
IN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION**

The article reveals the problem of developing creative civic activity of student youth.

The author emphasizes that during the period of modern social shocks, the main task facing Belarusian society is to preserve society in a stable functioning mode. The most important role in these processes belongs to the creative activity of students as the most progressive, creatively thinking and promising part of modern society.

Cognitive, motivational and personal components are considered, internal and external factors are indicated, thanks to which activity will be creative.

An analysis of theoretical and methodological sources was carried out, as well as examples of research on the modern practice of developing civil activity of youth and a number of pedagogical conditions for optimizing the educational process in educational institutions of higher education were outlined.

It should include the education of a socially and personally responsible person, constructively thinking, cultural, capable of creative transformations in his country.

Keywords: activity, citizenship, society, youth, cooperation, creation, activity.

For citation: Uzgorok M. Yu. Formation of civil creative activity of student youth in higher education institutions. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 120–122. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-22 (In Russian).

Введение. Являясь частью природного мира, человек смог преодолеть фатальную зависимость от него. На протяжении всей истории своего развития люди научились дистанцироваться от социоприродной среды, которая их окружает, и определять свое отношение к различ-

ным событиям и явлениям. «Важнейшей способностью, характеризующей человека как высшее надбиологическое существо, является его способность изменять условия существования» [1, с. 262]. В период современных социальных потрясений главной задачей, стоящей перед

белорусским обществом, является сохранение социума в режиме стабильного функционирования. Наиболее значимыми вопросами являются поиск мировоззренческих идеалов, объединяющих людей, определение стратегии социально-политического развития, а также создание нормативной базы, регулирующей материально-производственную, социально-управленческую и духовную сферы.

Важнейшая роль в данных процессах принадлежит активной деятельности студенческой молодежи, как наиболее прогрессивной, творчески мыслящей и перспективной части современного социума.

Речь идет об исключительно человеческой форме активного освоения мира – гражданской созидательной активности [1].

Основная часть. Гражданская созидательная активность представляет собой готовность человека к личному участию в общественно полезной деятельности и включает следующие компоненты: познавательный, мотивационный и личностный.

Смысл познавательного компонента заключается в теоретическом представлении о сущности и содержании гражданской активности, ориентации человека в социально-политических проблемах, наличии собственного мнения по гражданско-мировоззренческим вопросам жизнедеятельности общества, а также способности анализировать и давать оценку происходящему в государстве и мире.

Мотивационный компонент предполагает наличие интереса и потребности проявлять свою гражданскую позицию и тесно связан с личностным, когда гражданская созидательная активность становится частью и смыслом жизненного мира молодого человека и направляет его на выполнение гражданских обязанностей и соблюдение социально-правовых норм.

Важным аспектом формирования гражданской активности студентов являются факторы, благодаря которым активность будет носить созидательный характер.

Речь идет о внутренних и внешних факторах, влияющих на активную созидательную деятельность молодых людей. К наиболее значимым внутренним факторам относятся: удовлетворение потребности в самовыражении и самореализации, наличие ценностного отношения к социуму, положительный результат осуществления гражданского действия. Важными внешними факторами являются: особенности организации воспитательной работы вуза, гуманистический стиль взаимоотношений преподавателей и студентов как субъектов воспитательного процесса в учреждении высшего образования, информационное обеспечение социально полезной деятельности студентов.

Для продуктивной реализации перечисленных факторов необходимы условия, наличие которых обеспечит эффективное развитие гражданской созидательной активности студентов.

Одним из самых эффективных условий, на наш взгляд, является вовлечение студентов в образовательно-воспитательные проекты, ориентированные на развитие гражданской активности, возможности роста личностного потенциала молодых людей, сотрудничество и обмен современными практиками в социокультурной среде вуза.

К примеру, в 2022 г. в рамках конкурса «Студенты. Безопасность. Будущее» были определены лучшие социальные интернет-проекты по безопасности, разработанные студентами, из числа которых МЧС взяло на вооружение и реализовывает в нашей республике.

Студенты Белорусского государственного университета транспорта разработали проект «Безопасная старость», направленный на поддержку пожилых людей.

Белорусская государственная академия авиации представила проект «На связи МЧС, но без ЧС». Местом реализации данного проекта студенты выбрали социальную сеть TikTok, а также мессенджер Telegram, где ознакомили аудиторию с функциями МЧС.

Студенты БНТУ запустили масштабный проект «#безопаснеевместе», направленный на обеспечение безопасной жизнедеятельности, в котором были задействованы многие учреждения образования, в том числе школы и детские сады.

Включение студентов в подобную практическую деятельность дает возможность реализовать значимые социокультурные компетенции: способность строить конструктивный диалог с окружающими в решении общественно-признанных проблем, проявлять свою гражданскую позицию, готовность принять на себя ответственность за судьбу своей Родины, неравнодушие к ее будущему.

Необходимо учитывать, что в данном воспитательном процессе важна роль не только студента, но и преподавателя-предметника, а также куратора группы. Развивать гражданскую активность обучающихся способен педагог, имеющий лидерские задатки, коммуникативные способности, неравнодушный, использующий активные формы и методы воспитания, способный увлечь студентов и вдохновить их на активную деятельность на общее благо.

Исследователями установлено, что на эффективность формирования гражданской созидательной активности студентов также влияет уровень социального интеллекта преподавателя, способность и готовность к патриотической деятельности, осознание педагогом своей роли в достижении поставленной цели, умение со-

вершенствовать свои компетенции, потребность и желание внедрять инновационные формы и методы во взаимодействии с обучающимися [2].

Изучению созидательной гражданской активности студентов в современных условиях посвящен ряд научных работ белорусских и российских авторов.

В исследованиях В. А. Грибановой описывается модель развития гражданской активности молодежи, состоящая из трех поступательных этапов (теоретико-процессуальный, этап интериоризации и экстерииоризации), ориентированных на приобретение теоретической, практической и личностной готовности студентов к выражению созидательной гражданской активности. В рамках каждого этапа преследуются определенные цели, психолого-педагогические условия, педагогические средства и формы работы. Автор характеризует уровни сформированности гражданской

активности студентов как «поисково-познавательный, субъектно-оценочный, социально-личностный» [3, с. 135–136].

Заключение. Подводя итог, отметим, что обучение в учреждении высшего образования не может ограничиваться предоставлением образовательных услуг и научно-исследовательской деятельностью. Оно должно включать воспитание социально и личностно ответственного человека, конструктивно мыслящего, культурного, способного к созидательным преобразованиям в своей стране.

Формирование гражданской созидательной активности обучающихся в условиях вуза становится решающим фактором социокультурного развития общества, потому как качество подготовки выпускника влияет на факторы экономического, политического прогресса, состояние культуры и духовности социума.

Список литературы

1. Бородич А. А. Аксиология социального действия: монография. Гродно: ГрГУ, 2005. 275 с.
2. Социальная активность молодежи как условие развития современного общества: сб. науч. тр. по итогам Всероссийских социально-педагогических чтений им. Б. И. Лившица, 2–3 февр. 2010 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2010. Ч. 2. 307 с.
3. Грибанова В. А. Формирование гражданской активности студенческой молодежи в вузе // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 3 (30). С. 133–143.

References

1. Borodich A. A. *Aksiologiya sotsial'nogo deystviya: monografiya* [Axiology of social action: monograph] Grodno, GrGU Publ., 2005. 275 p. (In Russian).
2. *Sotsial'naya aktivnost' molodezhi kak usloviye razvitiya sovremennogo obshchestva: sbornik nauchnykh statey* [Social activity of youth as a condition for the development of modern society: collection of scientific papers based on the results of the All-Russian Social and Pedagogical Readings B. I. Livshits: in 2 part]. Ekaterinburg, 2010, part 2. 307 p. (In Russian).
3. Gribanova V. A. Formation of civic activity of student youth at the university. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy], 2016, no. 3 (30), pp. 133–143 (In Russian).

Информация об авторе

Узгорок Марина Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы. Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (220005, г. Минск, ул. Машерова, 6, Республика Беларусь). E-mail: Uzgorok@rambler.ru

Information about the author

Uzgorok Marina Yur'yevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Ideological Work. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic Belarus (6, Masherova str., 220005, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Uzgorok@rambler.ru

Поступила 10.09.2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Лукашэвіч А. М. Барацьба Вялікага Княства Літоўскага за Кіеўскую мітраполію: некананічны мітрапаліт Феадарыт (1352–1354 гг.).....	5
Саўчанка А. В. Дзейнасць капітулаў уніяцкай царквы на тэрыторыі Беларусі ў гістарыяграфіі канца XVIII – XIX стст.	12
Кукса А. Н. Техническое образование в Российской империи начала XIX века (на материалах Белорусского учебного округа)	17
Острога В. М. Еврейские учебные заведения Беларуси и их учителя (вторая половина XIX – начало XX в.).....	23
Семенчик Н. Е. Торжество и превратности свободы в Беларуси после Февральской революции 1917 года.....	30
Рыжанкоў І. М. Грамадска-палітычныя арганізацыі і жыццядзейнасць беларускага сялянства (сакавік – май 1917 г.)	37
Комиссарова Е. А. Физическая подготовка и воспитание населения Беларуси в 1917–1930 гг.	41
Коледа И. В. Создание системы образования в БССР в 1920-е гг.	46
Коваль В. У. Творчыя і адукацыйныя праекты беларусаў у Італіі (1921–1939 гг.).....	51
Бароўская В. М. Культурныя ўзаемадачыненні БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг.	55
Миронюк А. В. Становление военного образования в Белорусском государственном университете (1921–1991 гг.)	60
Горны А. С. Беларускі нацыянальны рух у міжваеннай Заходняй Беларусі ў адлюстраванні сучаснай замежнай гістарыяграфіі.....	66
Якуш Н. М. Поиск путей повышения трудовой активности сельскохозяйственных рабочих в Белорусской ССР (1970-е – середина 1980-х гг.).....	72
Острога В. А. Центральная таможня БССР. Минская таможня в 1975–1991 гг.....	77
Крючек П. С. Специфика конструирования прошлого в музейных и монументальных практиках коммеморации в Республике Беларусь.....	82
ФИЛОСОФИЯ	88
Потоцкий А. А. Художественный текст как явление культуры и его коммуникативный потенциал.....	88
Бурак П. М. Ценностные приоритеты коэволюционного подхода в формировании условий безопасности общества	92
Озджан А. Проект исламского модернизма в философско-религиозном учении Дж. Афгани	98
Подручный М. В. Проблема трансформации публичного пространства в теориях Х. Арндт и Ю. Хабермаса	103
НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА	108
Ксенофонтов В. А. Военная сфера национальной безопасности: основные пути совершенствования	108
Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Эволюция подходов и технологий управления персоналом	115
Узгорок М. Ю. Формирование гражданской созидательной активности студенческой молодежи в учебных заведениях высшего образования.....	120

CONTENTS

HISTORY	5
Lukashevich A. M. The struggle of the Grand Duchy of Lithuania for the Kyiv metropol: the non-canonical metropolitan Theodorit (1352–1354)	5
Savchenko A. V. The activity of the chapters of the uniatic church on the territory of Belarus lands in the historiography works of the late 18th – 19th centuries.....	12
Kuksa A. N. Technical education in the Russian Empire at the beginning of the 19th century (based on materials of the Belarusian educational district)	17
Ostroga V. M. Jewish educational institutions in Belarus and their teachers (second half of the 19th – early 20th century).....	23
Semenchuk M. Ye. The triumph and vicissitudes of freedom in Belarus after the February Revolution of 1917	30
Ryzhankou I. M. Socio-political organizations and the vital activity of the Belarusian peasantry (march – may 1917).....	37
Komissarova E. A. Physical training and education of the Belarusian population during in 1917–1930	41
Koleda I. V. Creating the educational system in the BSSR in 1920s	46
Koval V. U. Creative and educational projects of Belarusians in Italy (1921–1939)	51
Borovskaya Volha. Cultural relations between the BSSR and Poland in 1921–1939	55
Mironyuk A. V. The formation of military education in Belarusian State University (1921–1991)	60
Gorny A. S. Belarusian national movement in interwar Western Belarus as reflection of modern foreign historiography.....	66
Yakush N. M. Searching for ways to increase the labor activity of agricultural workers in the Belarusian SSR (1970s – mid-1980s)	72
Astroha V. A. Central Customs of the BSSR. Minsk customs in 1975–1991	77
Kruchek P. S. Specificity of construction of the past in museum and monumental practices of commemoration in the Republic of Belarus	82
PHILOSOPHY	88
Pototski A. A. Literary text as a cultural phenomenon and its communicative potential	88
Burak P. M. Value priorities of the co-evolutionary approach in the formation of social security conditions.....	92
Ozdjan A. Project of Islamic modernism in philosophical and religious doctrine of J. Afghani.....	98
Podruchny M. V. The problem of transformation of public space in the theories of H. Arendt and J. Habermas	103
SCIENTIFIC CONTROVERSY	108
Ksenofontov V. A. Military sphere of national security: main ways of improvement.....	108
Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Evolution of approaches and technologies of personnel management	115
Uzgorok M. Yu. Formation of civil creative activity of student youth in institutions of higher education	120

Редактор *Р. М. Рябая*
Компьютерная верстка *В. А. Маркушевская*
Корректор *Р. М. Рябая*

Подписано в печать 14.12.2023. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 15,6.
Тираж 40 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
ЛП № 38200000001984.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.